

„СВѢЖО ПРЕДАНІЕ“... ¹⁾

(Изъ воспоминаній о старинномъ военномъ бытѣ).

„Мало словъ, а горя рѣченька,—
Горя рѣченька бездонная“...
(„Орина, мать солдатская“).

Н. А. Некрасовъ.

I.

Всѣ воспоминавія начинаются съ родителей. Сдѣлаю и я то же самое. Мои родители формально были приписаны къ городскому мѣщанству, а жили за городскою заставою, гдѣ содержали плохенькій постоялый дворъ, въ которомъ приставали прохожіе и проѣзжіе простолюдины. Дохода съ постояльцевъ не хватало и на скудное прожитіе нашей семьи, т. е. отца, матери, меня и стрѣпухи; поэтому отецъ скупалъ еще, изъ первыхъ рукъ, деревенскія произведенія и сбывалъ ихъ, съ вѣкоторою для себя выгодою, городскимъ чиновничьимъ семействамъ. Отъ непрерывавшихъ сношеній съ ними отецъ обзавелся, въ этой средѣ, не только знакомыми, но и «духовными» родственниками: моими воспріимниками были *господа*, а какіе именно—узнаёте своевременно. Отецъ и мать были, на свое несчастіе, «старовѣрами». Оттого и сдружились они съ какимъ-то проходимцемъ, который сортилъ ихъ въ какую-то зловредную секту, а они, въ свою очередь, увлекли за собою немало другихъ, себѣ подобныхъ, темныхъ людей. Начальство объ этомъ дозволялось, арестовало моихъ родителей, осудило, наказало ихъ плетью и сослало въ Сибирь. Вотъ все, что я помню, да и то больше по слухамъ, о

¹⁾ Въ книгѣ: „Многострадальные“, изданной въ 1872 году, я исчерпалъ бытъ бывшихъ кантонистовъ. Кантонисты, по достиженіи 16—20-лѣтняго возраста, назначались, изъ существовавшихъ для нихъ заведеній, частью въ фельдшерскіе ученики, дейдиперы, цейхшрейберы и въ рядовые бывшихъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ, а преимущественно въ писаря во всѣ учрежденія вѣдомствъ: военнаго, морскаго и путей сообщенія. Настоящій трудъ служить одновременно и прямымъ продолженіемъ „Многострадальных“, и совершенно самостоятельнымъ произведеніемъ, имѣющимъ автобіографическій характеръ.

Авторъ.

своихъ родителейъ. Никакихъ вѣстей ни я отъ нихъ никогда не получалъ, ни имъ о себѣ не подавалъ, потому что не зналъ, гдѣ и какъ ихъ разыскивать.

Семилѣтнимъ ребенкомъ сдали меня въ батальонъ кантонистовъ, которые набирались съ борку да съ сосенки: изъ сыновей солдатъ (законно и незаконно прижитыхъ), бѣднѣйшихъ дворянъ, духовенства, финляндцевъ, цыганъ, польскихъ мятежниковъ и шляхтичей, не доказавшихъ своего дворянскаго происхожденія, раскольниковъ, малолѣтнихъ рекрутъ изъ евреевъ, бродягъ, преступниковъ и безпріютныхъ. — Воспитаніе наше заключалось въ такомъ суровомъ физическомъ и нравственномъ муштрованьи, что изъ 10-ти человѣкъ едва лишь 2—3 выходили неисключенными изъ «живодерень», какъ назывались а parte эти якомы—учебныя заведенія.

Къ числу счастливыхъ исключеній принадлежалъ и я, не смотря на то, что пробылъ восемь лѣтъ въ «живодернѣ», именовавшейся «неражированнымъ батальономъ учебнаго полка». Меня мучили несравненно меньше другихъ, собственно потому, что я имѣлъ значительную, въ своемъ родѣ, протекцію,—въ лицѣ крестнаго отца. Онъ происходилъ тоже изъ кантонистовъ, прослужилъ въ томъ же батальонѣ 20 лѣтъ, учителемъ унтеръ-офицерскаго званія, потомъ получилъ классный чинъ и управлялъ дѣлами полковаго хозяйственнаго комитета. «Крестный» часто освѣдомлялся у моего непосредственнаго начальства о поведеніи крестника, о моихъ успѣхахъ въ наукахъ, просилъ, кого слѣдовало, не обижать меня и пускать къ нему со двора. Все это безпрекословно исполнялось,—разумѣется, изъ чувства самосохраненія: для моихъ начальниковъ письмоводство оказывалось великою премудростью, а крестный всегда могъ, — еслибы пожелалъ,—напакостить любому изъ нихъ. Въ угоду крестному, меня и отлячали далеко не по заслугамъ: я былъ, напр., и капральнымъ ефрейторомъ, и ординарцемъ, и знаменщикомъ, а это очень много значило: такихъ мальчиковъ знало лично все полковое, да и высшее начальство.

Наши главные науки, т. е. фронтовыя, я отъ всей своей дѣтской души ненавидѣлъ, а начальства—боялся. Крестный принадлежалъ къ числу нашего начальства, почему и его я, по меньшей мѣрѣ, остерегался. Это происходило главнымъ образомъ оттого, что онъ видѣлъ меня только въ своей квартирѣ, по праздникамъ, часа по два въ недѣлю, да и тогда онъ, вѣчно запятый, просто, ваетъ, я, не догадывался, что я страдаю. Впрочемъ, еслибъ онъ и хотѣлъ заглянуть мнѣ въ душу, то едва ли бы успѣлъ въ этомъ: выразить ему, начальству, то, что во мнѣ творилось,—я ни за что не рѣшился бы, изъ опасенія прогнѣвить его. Я и ходилъ къ нему не съ радостью, какъ ходятъ школьники въ отпускъ, а нехотя, даже по неволѣ. Войду, бывало, крадучись, въ переднюю, переминаюсь съ ноги на ногу, громко—нарочно—кашляю, чтобы услышали, и начну охорашиваться.

— Это ты, Петя?—спросигъ, бывало, крестный, сидя въ залѣ,

съ газетою въ рукахъ. Я ужъ понялъ, что ты: кромѣ тебя, никто такъ осторожно не пробирается.

— Я-съ,—отвѣчаю сквозь зубы, помаленьку выдвигаясь въ залу, и неловко киваю головою, въ видѣ поклона.—Съ праздни-комъ-съ, честь им-мѣю поздравить.—Послѣднія слова я договариваю уже тихонько и краснѣю.

— Спасибо, Петя, спасибо. Былъ ты сегодня у обѣдни?

— Былъ-съ... Точно такъ-съ...

— Садись: въ вогахъ правды нѣтъ.

Сажусь на краешекъ кушетки и лихорадочно жду, что будетъ дальше?

— Если ты былъ у обѣдни, то отъ какого, скажи-ка мнѣ, святаго евангеліе читали?

Религіознымъ предметамъ насъ совсѣмъ почти не учили; потому я и не зналъ, что отвѣчать, а заявить объ этомъ открыто не хватало смѣлости.

— Что жъ: отъ Ѳомы, Луки, или отъ Матея?—настаивалъ онъ.

— Отъ Матвѣя,—наугадъ отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, братъ, ошибаешься.

— Точно такъ-съ,—сознаюсь я, какъ солдаты передъ начальникомъ.

— Благодарю за откровенность. Ну, а какъ ты поживаешь, учишься грамотѣ, фронтовымъ наукамъ?

— Ничего-съ, понемногу-съ...

— Жаль, что не помногу. А какъ ты, посмотримъ, одѣтъ?

И вся моя обмундировка подвергалась тщательному осмотру, когда и отъ казарменныхъ смотровъ душа и тѣло постоянно ныли, болѣли.

— Маршируешь ты, говорятъ, хорошо, а командуешь взводомъ не форсисто, пенялъ мнѣ намедни твой ротный командиръ. Старайся: безъ умѣнья командовать—въ унтеръ-офицеры не по-падешь.

— Перестань, Иванъ Ивановичъ, надоѣдать ему пустяками,—вмѣшивалась, бывало, жена крѣстнаго, женщина пожилая и почти постоянно больная.—Всѣ эти фровты, право, противны. Скажи лучше, Петя, отчего ты насъ никакъ не называешь? Ни папашей, напр., ни мамашей? Своихъ дѣтей у насъ, голубчикъ, нѣтъ и мы вѣдь тебя считаемъ за роднаго?

Я окончательно конфужусь и упорно молчу.

— Говори намъ, пожалуйста, откровенно все, что чувствуешь, думаешь. О чемъ ты, напримѣръ, постоянно грустишь, хмуришься? Плохо жить что ли?

— Такъ-съ... не знаю-съ...—лепечу я бессознательно, хоть и чувствую, что наступила самая удобная пора прямо высказаться, но не могу одолѣть своей робости, забитости.

— Онъ здоровъ, сытъ, одѣтъ и обутъ прилично, обижать его никто не смѣетъ, значить и грустить ему не о чемъ,—вражумлялъ крѣстный сразу и жену, и меня.—Вотъ, ежели бы онъ былъ кантонисломъ въ ваше время, ну, тогда точно было о чемъ горевать!.. А теперь, да еще подъ моимъ покровительствомъ,—ему

не отъ чего нось вѣшать, былъ пентюхомъ. Впрочемъ, это со временемъ пройдетъ: въ дѣтской натурѣ много есть неразгаданнаго.

— Давай Богъ, чтобъ прошю, а то его хмурость меня серьезно беспокоитъ: онъ можетъ слѣяться меланхоликъмъ.

— И полно, матушка, путяки-то говорить. Велика, Петя, лучше пирогъ подавать; червячка до обѣда заморимъ и повеселѣемъ.

Я бѣгу въ кухню уже развизнѣе: кухарка Миря — моя ровня. Пообѣдавши, процѣживаю сквозь зубы благодарность и сажусь къ окну глазѣть на прохожихъ и пробѣжихъ, а хозяева начинаютъ читать: крѣтний — «Московскія Вѣдомости», а жена его — какую-то книгу. Жена скорѣе вырваться изъ гостей, — я временами громко зѣваю, вѣдыхаю.

— Хочешь, вѣрно, гулять? — спрашиваетъ крѣтний, догадываясь, чтó значать мои вздохи.

— Да-съ, позвольте...

— Даа, матушка, Петѣ гостинцевъ и пусть себѣ идетъ съ Богомъ, — предлагать крѣтний женѣ.

— Возьми, Петя, вонъ на буфетѣ узелочекъ, я тебѣ приготовила. Пожалуйста, не грусти: въ твои лѣта неприлично быть букой.

Я вполне сознаю свою виновность, внутренно казнюсь за свою робость, мѣшающую открыться, чтó мнѣ жутко, противно жить взаперти, но языкъ прилипаетъ къ гортани, и я отмалчиваюсь.

— Если завтра увидишь ротнаго командира, — нарушаетъ крѣтний молчаіе, — то скажи, что я ему кланяюсь. Слышишь?

— Слышу съ.

— Какими же ты словами это скажешь?

Я смущаюсь.

— Крѣтний приказалъ, молъ, вамъ кланяться, — подсказывала мнѣ его жена.

— Нѣтъ, матушка, отъ доженъ мѣсто «вамъ» сказать «вашему благородію», чтобъ не придрались къ слову: оно противно дисциплинѣ.

— Да въ его командирѣ благородства нѣтъ, кажется, никакого, и я уививлюсь, какъ это ты, Иванъ Ивановичъ, возишься съ этими обонтусами.

— Обонтусъ онъ, какъ человѣкъ, — не спорю, а какъ офицеръ — онъ благороднымъ называется и я ему кланяюсь по слову: «съ волками жить — по волчьему быть». Петя же подчиненный — обязанъ почтатъ своего начальника, кто бы онъ ни былъ. И напрасно ты, матушка, внушаешь ему волчьи мысли: онъ можетъ ему повредить. Ты, Петя, смотри: почитай своихъ начальниковъ, веди себя смирно, учись хорошенько, чтобы тобой всѣ были довольны; въ этомъ прями твоя польза. Сгубай, — заключаетъ крѣтний, — а въ слѣдующее воскресенье одѣнься почище и сходи къ крѣтной: она, а — главное — ее генеральша давно уже тебя не видала, а это нехорошо.

Я лепечу: «прощайте» и удаляюсь въ кѣхню, гдѣ узелокъ мой полибѣть, и отправляюсь бродить по улицѣмъ, до сумерекъ, а потомъ — восвоися, съ тою же грустью и съ тѣмъ же страхомъ передъ вопросомъ: минуютъ ли меня въ теченіе предстоящей недѣли, по крайнѣй мѣрѣ, хоть розъ и? Къ зуботычинамъ мы всѣ привыкли также, какъ къ гречневой кашѣ.

Крѣстная (въ то время красивая, рослая и молодая барышня) была дочь «бѣдныхъ, но благородныхъ родителей» и получила воспитаніе у богатой, знатной и чвпной генеральши Глуховой. Генеральша занимала огромный домъ на краю города, чтобы ѣзда ее не беспокоила. Окружали ее почти безотлучно: брать-старикъ, двѣ барышни — воспитанницы, человѣкъ 20 прислуги и стая собакъ, а знакъ мство водила она исключительно съ губернскими сановниками да и тѣ относились къ ней почтительно, ради ея связей въ Петербургѣ. О моемъ приходѣ крѣстная узнавала во время исполненія порученій генеральши, виѣ ея кабинета. Обходила крѣстная со мною дружески, но упрочить наше взаимное расположеніе — мѣшало собственнотѣ, что болѣе получасу мы никогда не разговаривали, не оставались безъ постороннихъ. Она же представляла мнѣ генеральшѣ, которую я всегда заставлялъ полулежавшею въ широкихъ, высокихъ креслахъ, точно на тропѣ. Противъ ея кресель, въ цѣкоторомъ отдаленіи, помѣщались, что называется на чеку, на стульяхъ, обѣ воспитанницы; дальше въ углахъ: въ одномъ, въ креслахъ же — старикъ, съ книгой въ рукахъ, а въ другомъ, на бархатныхъ подушкахъ — лежали двѣ мохнатыхъ огромныхъ собаки. Я входилъ въ кабинетъ, вытягиваясь въ струнку и начиналъ пугаться: темносиніе обои комнаты, полумракъ отъ опущенныхъ сторъ, ворчанье собакъ, перешоптыванье воспитанницъ, перемигиванье съ ними старика и изможденная восковая фигура дремавшей старухи, — все это наводило на меня уныніе и страхъ.

— Ахъ, да, я и забыла про него, — процѣживала старуха, послѣ неоднократнаго напоминанія обо мнѣ. — Подожди-ка сюда — мальчикъ; я издали плохо тебя вижу: глаза слабы.

— Здравствуйте, ваше превосходительство, — рапортую я, приближаясь къ ней. — Съ праздникомъ позвольте поздравить васъ...

— Здравствуй, здравствуй, мальчикъ, — прошамкивала она, укладывая на подставленную лотушку свою руку, для моего цѣлованія. Чѣмъ ближе подходилъ я къ ней, — тѣмъ усерднѣе собаки ворчали и пугали меня. Я торопливо цѣловалъ ея костлявую морщинистую руку и отскакивалъ назадъ.

— Ой, больно! — чуть не вскрикивала она — точно шивка въ руку впиваешься. Потрите скорѣй мнѣ руку одеколономъ, чтобы не распухла.

И злобно смотрю въ полъ и пчусь все дальше къ двери, подъ ворчанье старухи и ея собакъ, а крѣстная краснѣетъ за меня.

— Не сердитесь, пожалуста, сестрица: это вамъ вредно, — вмѣшивался старикъ. — Онъ цѣлуешь, я увѣренъ, отъ души, а его

неловкость происходить отъ непривычки къ этикету, да отъ застѣнчивости предъ вами.

— Можетъ быть, ты, Сержъ, и правъ, но вѣдь онъ мнѣ причиняетъ боль, да и дожъ нъ же онъ пріучается къ порядку? А то смотреть изподлобья, отвѣчаетъ невпопадъ, спотыкается о ковры, не имѣетъ никакого такта!..

— Будьте, сестрица, снисходительны къ нему: доля его сиротская, а вы сиротамъ всегда вѣдь покровительница.

— Я, и не сержусь, а только напоминаю ему объ его обязанностяхъ. Подойди, мальчикъ, еще разъ ко мнѣ, подойди поосгорожиѣ.

Я приближаюсь къ ней; она погладить меня по головѣ, прошепчетъ: «Бѣдный сиротка... я ужъ похлопочу объ тебѣ», велитъ дать мнѣ гостинцевъ, и я переселяюсь въ людскую. Однажды я, въ присутствіи губернатора, свитскаго генерала князя Удусова, нечаянно опрокинулъ стулъ. Генеральша обратила мой поступокъ въ шутку, а потомъ произнесла:

— Вы, губернаторъ, прикажите-ка учить ихъ деликатнымъ манерамъ, а то они невозможны въ хорошемъ обществѣ.

— Я такъ внимательно слѣжу за ихъ воспитаніемъ, что право не заслуживаю вашего упрека,—отозвался онъ, хотя бывалъ у насъ въ казармахъ буквально *разъ* въ году, по *одному* часу, да и то только въ полковой праздникъ, на парадѣ.

— Еслибы вы слѣдили за ихъ воспитаніемъ, они были бы развязны, а не забыты. Сравните-ка его съ Полемъ (ея племянникомъ) и увидите всю разницу въ ихъ обхожденіи со старшими.

— Разница эта вполне натуральна: Поль воспитывается въ пажескомъ корпусѣ, подъ надзоромъ лучшихъ въ Россіи учителей и гувернеровъ, а кантонистамъ дядекъ даже и изъ солдатъ не полагается.

— И напрасно, князь, не полагается: въ казенныхъ заведеніяхъ все *должно* полагаться, а чего недостаетъ — обязанность губернатора выхлопотать...

— Ходатайствовать о назначеніи имъ гувернеровъ—я, къ сожалѣнію, не могу-съ: въ департаментѣ военныхъ поселеній,—куда я долженъ бы объ этомъ писать,—меня назовутъ сумашедшимъ, и основательно: гувернеровъ для кантонистовъ?! Да это, помните, притча во языцѣхъ!..

— Вы, князь, вѣчно остерегаетесь и Богъ съ вами!.. Я ужъ сама напишу князю Чернышеву (вѣдь еще онъ, вѣжется, военнымъ-то министромъ?) и вы покаетесь: я васъ всѣхъ аттестую по заслугамъ.

Я, крадучись, ретировался въ переднюю. Туда же вскорѣ вышелъ и губернаторъ, въ сопровожденіи старика и моей крестной.

— Мнѣ изъ-за тебя выговоръ сдѣлали, такъ за это я, братецъ, велю тебя выпороть,—заявилъ мнѣ губернаторъ.

— Ради Бога, князь, не дѣлайте этого, застучилась крестная.

Кантонистамъ такъ плохо живется, ихъ такъ сильно обижаютъ, что они жалости достойны, а не большихъ еще мученій.

— Лена правду говорить, и вы, князь, примите лучше участіе въ этихъ несчастныхъ сиротахъ,—поддержалъ старикъ.—Прибавлю вамъ, что сестра не разъ покушалась писать объ этомъ князю Чернышеву, да я все отговаривалъ ее, чтобы вамъ не сдѣлать непріятностей.

— Гм... Какъ гость,—дѣлаю угодное вамъ, хозяевамъ; но... ахъ, да, вотъ что: я пришлю за тобой и ты мнѣ расскажешь про ваше житье-бытье.

— Вотъ за это вамъ спасибо,—весело сказала крестная.—Я очень рада.

— Ваше разумное рѣшеніе и сестрѣ понравится, — прибавилъ старикъ:—я передамъ это ей.

Губернаторъ записалъ себѣ на память, какъ меня зовутъ, изъ какой я роты, и уѣхалъ. Въ людской, гдѣ я потомъ обѣдалъ,—прислуга отсовѣтовала мнѣ заявлять въ казармѣ объ обѣщаніи губернатора призвать меня къ себѣ, чтобы не нажить за это бѣды отъ начальства, да, пожалуй, еще и даромъ: губернаторъ,—увѣряли меня,—часто зря болталъ, что ему на умъ взбрѣдетъ, а на этотъ разъ форсиль, вѣроятно, своей мнимой добротой предъ крестною. Я послѣдовалъ совѣту прислуги и цѣлую недѣлю томился сомнѣніемъ: какъ бы губернаторъ самъ не открылъ начальству, какъ я при немъ стулъ свалилъ, и тогда... о тогда бы мнѣ жестоко за это попало!..

Въ слѣдующее воскресенье, когда я стоялъ во фронтѣ въ полковой церкви, у обѣдни фельдфебель вдругъ вызвалъ меня въ коридоръ. Тамъ я увидѣлъ молодаго, красиваго офицера, окруженнаго нашими баталіоннымъ и ротными командирами. Это былъ губернаторскій адъютантъ. Онъ спросилъ меня: тотъ ли я, кого губернаторъ видѣлъ у генералыши Глуховой? Я признался.

— О чемъ его сіятельство изволилъ тебя спрашивать? — озадачилъ меня майоръ Брюшковъ:—отчего ты объ этомъ скрылъ?

— Мнѣ недосугъ слушать ваше разбирательство: князь ждетъ меня вмѣстѣ съ нимъ, и я беру его съ собой,—перебилъ адъютантъ.

— Безъ разрѣшенія полковаго командира,—извините меня, г. поручикъ!—я затрудняюсь отпустить его, тѣмъ болѣе, что онъ проштрафился. Въ билетахъ пишется: «если высшее начальство встрѣтитъ отпущеннаго со двора и что нибудь спросить или прикажетъ,—отпускной, по возвращеніи въ казармы, долженъ тотчасъ же объ этомъ отрапортовать», а онъ все утаилъ. Я тебѣ ужъ заддамъ!—прибавилъ онъ мнѣ, понизивъ тонъ.

— Ждать, г. майоръ, покамѣстъ вы получите разрѣшеніе,—мнѣ не приходится. Я дѣйствую именемъ губернатора; кто я—вы знаете; не исполнить приказанія князя и полковой вашъ командиръ не вправѣ, слѣдовательно, намъ нечего болѣе и разсуждать. Что онъ не доложилъ вамъ о свиданіи съ княземъ, тоже не важность: онъ, вѣроятно, не умѣетъ еще даже и про-

честь содержаніе вашего билета. Наконецъ, стращать его, да еще при мнѣ,—я вамъ не совѣтую: я могу это передать князю...

Начальство струсило, шопотомъ посовѣщалось между собою и упросило адъютанта подождать, покуда я, по крайней мѣрѣ, хоть одѣнусь лучше. Мой ротный командиръ и фельдфебель опрометью побѣжали со мною въ казармы, гдѣ я переоблачился съ ногъ до головы во все самое форменное, новенькое, выслушаль наистрожайшій наказъ: всѣхъ и все непременно хвалить предъ губернаторомъ, вернулся въ церковь и подвергся въ ней внимательнѣйшему осмотру майора.

— Смот-три!—грозно шепнулъ онъ мнѣ въ заключеніе.

Съ этого момента я перешелъ во власть адъютанта. Онъ велѣлъ мнѣ сѣсть съ нимъ въ коляску, и мы поѣхали.

— Васъ, дѣйствительно, за всякій вздоръ порятъ, какъ сидорову козу? освѣдомился адъютантъ дорѣгою.—Отъ вашихъ бурбоновъ больше, впрочемъ, и ждать нечего,—продолжалъ онъ,—они, не правда ли, всѣ вѣдь мерзавцы?

— Точно такъ-съ!—сорвалось у меня съ языка, сто разъ на дню трещавшаго это «точно такъ-съ».

Онъ похвалилъ меня, разсмѣялся, потомъ спросилъ: видѣлъ ли я въ комнатѣ крѣстной кого нибудь изъ мужчинъ; хвалила ли она при мнѣ кого нибудь изъ посѣщавшихъ домъ генеральши, не слыхалъ ли: кого она любитъ и какъ отзывается о губернаторѣ? Путнаго я, разумѣется, ничего ему не отвѣчалъ, потому что и самъ ничего не зналъ. По приѣздѣ въ губернаторскій домъ, онъ ввелъ меня въ пріемную и исчезъ, а, немного погодя, лакей провелъ меня въ кабинетъ губернатора. Губернаторъ ласково произнесъ мнѣ: «здравствуй, дружокъ»; я гаркнулъ: «здравія желаю, ваше сіятельство», и онъ велѣлъ мнѣ отодвинуться въ сторону. Оправившись отъ смущенія, я увидѣлъ, что губернаторъ, въ генеральскихъ эполетахъ, помѣщался на стулѣ; противъ него почти лежалъ, съ ногами на диванѣ, старикъ въ перепачканномъ, грубомъ мужицьемъ кафтанѣ; въ креслахъ же сидѣли: статскій генералъ со звѣздою на груди, а рядомъ съ нимъ, въ формѣ, нашъ учитель, унтеръ-офицеръ, который, какъ и губернаторъ, курилъ сигару. Это панибратство губернатора съ мужикомъ, а мало того и съ солдатомъ, поразило меня.

— За потягиванье эфтого зелья—который уже разъ говорю я вамъ, ребята!—каленнымъ желѣзомъ рты на томъ свѣтѣ выжигать стануть, а вамъ все нейдетъ,—молвилъ старикъ.—И выжиганіе эфто тебѣ, князь, жутче покажется: и сильнѣй, чѣмъ ему, жечь стануть, да и нѣживѣй ты по природѣ по своей.

— А тебя, Егоръ Спиридоновичъ, чѣмъ жечь стануть за твое скопидомство?—въ свою очередь спросилъ губернаторъ.—Впрочемъ, что тамъ будетъ, еще неизвѣстно, а вотъ кантонистамъ здѣсь,—какъ всѣ говорятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ,—очень плохо приходится.

— Вѣстимо, плохо; это всѣ давно—предавню уже знаютъ. Для чего жъ ты, князь, мальчонку-то призвалъ?

— Да разспросить его, чѣмъ именно плохо?

— И чтобъ его за розказни потомъ отпорили?—Не резонъ, право не резонъ.

— Почему ты это полагаешь?

— Да доказчику всегда первый кнутъ. Коли ежели ты,— какъ и я знаю, — не воленъ прогнать все ихнее командерство и поставить хорошее—нечего тебѣ и мальчонку подъ розги подводить. Ей, ей такъ.

— Но князь можетъ донести высшему начальству, а оно распорядится улучшить быть кантонистовъ,—вставилъ статскій генераль.—Съ своей стороны, и я готовъ содѣйствовать этой прекрасной цѣли, насколько могу.

— Донosite, донosite, господа, сколько хотите: у командерства и въ Москвѣ, и въ Питерѣ есть за денежки заступа, стало быть, изъ всего этого одинъ только пустой переполохъ выйдетъ. Я на своемъ вѣку все это уже стократъ видывалъ,—увиджу, значитъ, и сто первый разъ.

— Егоръ Спиридоновичъ отчасти, позволю себѣ доложить, правъ,—поддержалъ унтеръ.—Прикажутъ изслѣдовать дѣло, о прїѣздѣ слѣдователя сообщать нашимъ тайно или явно, но заблаговременно, а они примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы оправдаться. Самую систему воспитанія слѣдуетъ измѣнить.

— Въ такомъ случаѣ, составъ, пожалуйста, Николай Павловичъ, объ этомъ проэктъ, и я его представляю, а какъ поѣду въ Петербургъ, лично тамъ похлопочу объ утвержденіи проекта.

— Съ удовольствіемъ, князь, составляю, если его превосходительство не откажется проредактировать проектъ: просвѣщенность ихняя—всей Россіи извѣстна.

— Охотно готовъ быть вашимъ сотрудникомъ,—отозвался статскій генераль.

— Всѣ ваши писанія вздоръ, коли въ людяхъ ни Бога, ни чести, ни разума нѣтъ,—возразилъ старикъ.—Вотъ меня, примѣрно сказать, никто ничему не училъ, мужикомъ я и тапера числюсь. Тебя, Николай Павлычъ, шлифовали въ той же «живодернѣ», ты и доселѣ въ ней ундеромъ еще болтаешься, а все таки мы съ тобой молодцами вышли: я—за капиталъ, а ты—за свой разумъ: оба мы въ княжескихъ хоромахъ прохлаждаемся, когда иные полковники дальше передней не попадаютъ. Вотъ оно чтó значить Богъ.

— «На Бога надѣйся, да и самъ не плошай»,—замѣтилъ генераль.—Кстати, отчего вы, Егоръ Спиридоновичъ, не выпишетесь въ купцы, а остаетесь крестьяниномъ?—спросилъ онъ старика.

— Я крестьянинъ царскій, а не барскій, стало быть, меня никто тронуть напрасно не смѣетъ; по капиталу же я выше первогильдейскаго купца: меня всѣ почитаютъ, а больше мнѣ ничего и не надо. Одначе, пора и ко шамъ.

— Позавтракай съ нами!—княгиня этого желаетъ.

— Спасибо, князь, не могу: меня семья ждетъ обѣдать. А прикажи-ка ты, князь, мальчонку покормить, да отослать въ казарму съ вѣстью, что онъ распрекрасный есть человекъ, а отъ меня вотъ тебѣ, паренекъ, на орѣхи семитку. Прощайте.

Онъ всталъ, далъ мнѣ 2 копѣйки, пожалъ руку генералу, ундеру и удалился съ княземъ.

— Если не секретъ,—соблаговодите, князь, пояснить: изъ-за чего вы возитесь съ Бобровымъ?—освѣдомился генераль, по возвращеніи губернатора.

— Во-первыхъ—люблю слушать его меткія обо всемъ сужденія; во-вторыхъ—онъ помогаетъ мнѣ своими совѣтами лучше управлять и собственными, и общественными дѣлами, въ третьихъ—я подбиваю его построить и пожертвовать городу каменный театръ, вмѣсто настоящаго, деревяннаго: при его миллионномъ состояніи бросить 20—30 тысячъ—пустяки.

— Да вѣдь онъ, раскольникъ, считаетъ театральныя представленія тяжкимъ грѣхомъ?

— Это ничего: онъ поддается, и я, съ помощью княгини, добьюсь, кажется, толку. Просилъ же у меня одинъ сумасбродъ разрѣшенія вызолотить крышу своего дома и ограду около него, а какъ я его пугнулъ за это, такъ онъ богадѣльню выстроилъ.

Всѣ трое пошли завтракать. Ввели и меня въ столовую. Тамъ, вокругъ стола, сидѣли мужчины и женщины, а въ числѣ ихъ адъютантъ и нашъ ундеръ. Губернаторша пристально оглядѣла меня, губернаторъ назвалъ «молодцомъ» и отослалъ въ людскую, гдѣ меня отлично накормили и увѣрили, что ундеръ, какъ учитель дѣтей князя, въ большой милости у него и у княгини, а потому считается домашнимъ человѣкомъ.—Въ казармы я вернулся съ чиновникомъ, который передалъ дожидавшемуся меня майору, что губернаторъ остался мною очень доволенъ. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько сутокъ сряду меня терзали непрерывными разспросами обо всемъ, что я слышалъ во «дворцѣ». Зная по опыту, къ чему все это клонилось,—я именно утаилъ это «все». Тогда вспомнили о моемъ сокрытіи первой встрѣчи съ губернаторомъ, и изъ мщенія, проманежили меня на часахъ всю ночь напролетъ.

Жизнь моя текла обычнымъ чередомъ. Я росъ подъ гнетомъ окружавшаго и сокрушавшаго насъ мрака, со звѣрствомъ пополамъ. Научился я читать съ прописи, писать, и, — по примѣру товарищей съ протекціями,—сталъ мечтать, какъ бы перебраться въ полковую канцелярію: тамъ занималось 30—40 человѣкъ кантонистовъ, и имъ,—какъ мнѣ издали казалось,—привольно жилось. Просить объ этомъ мнѣ предстояло, конечно, крестнаго. Но покуда я собирался съ духомъ — мое желаніе осуществилось. У крестнаго меня нерѣдко видалъ и ласково со мной обходился полковой казначей, поручикъ Курочкинъ (тоже изъ кантонистовъ), человѣкъ простой, добрый и женатый на богатой помѣщицѣ. Формально онъ считался начальникомъ крестнаго, но частно велъ съ нимъ знакомство домами и дружбу. Я хаживалъ къ нему отъ крестнаго съ бумагами и газетами. Однажды онъ и спросилъ меня: хочу ли я въ писаря въ его канцелярію? Я отвѣтилъ, разумѣется, утвердительно.

— Ладно. Никому объ этомъ, покамѣстъ, ни гу-гу. Сдѣлаемъ папашѣ сюрпризъ.

II.

Чрезъ нѣсколько дней, Курочкинъ отыскалъ меня въ классѣ, сказалъ что-то инспектору, древнему чиновнику Романову, велѣлъ мнѣ идти за собою и привелъ въ полковую канцелярію.

— Вотъ вамъ, Иванъ Изановичъ, новый писарь,—прошу любить и жаловать,—заявилъ Курочкинъ крестному;—а тебѣ, Петя, честь и мѣсто,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Научись писать—чиновникомъ, какъ папаша, либо и офицеромъ, какъ я,—будешь.

Я то краснѣлъ, то блѣднѣлъ отъ волненія, но не находилъ словъ для выраженія благодарности.

— Исполнишь, чтó Петръ Петровичъ тебѣ сказалъ—счастливъ будешь, а нѣтъ—въ роту назадъ прогонимъ,—шутливо предупредалъ меня крестный.

Оба поговорили между собою, подозвали къ себѣ писаря въ галунахъ, потолковали и съ нимъ; наконецъ, за кѣмъ-то послали. Явился красивый, здоровенный фельдфебель.

— Здравствуй, Алексѣевъ,—привѣтствовалъ его Курочкинъ. Не въ службу, а въ дружбу—прими, пожалуйста, къ себѣ на жительство вотъ этого молодца. Заниматься онъ будетъ здѣсь, у насъ, а на житъѣ рѣшили мы помѣстить его къ тебѣ, за твое прекрасное поведеніе.

— Не откажитесь, пожалуйста, Алексѣевъ, исполнить нашу общую просьбу,—прибавилъ крестный. Петѣ нуженъ именно такой руководитель, какъ вы.

— Слушаю-съ. Въ точности исполню угодное вашимъ благородіямъ,—отвѣтилъ Алексѣевъ обоимъ сразу.

— И отлично. Такъ иди, распорядись встрѣтить гостя,—заклучилъ Курочкинъ.

Алексѣевъ ушелъ. Меня отправили съ запискою и съ солдатамъ въ роту. Тамъ я сдалъ бывшія у меня смотровыя вещи, а будничныя и собственныя солдатъ принесъ со мною къ Алексѣеву. Онъ занималъ совершенно отдѣльную квартиру, возлѣ канцеляріи.

— Вотъ, Гавриловъ, онъ здѣсь будетъ жить,—заявилъ Алексѣевъ своему служителю, когда я явился съ моимъ скарбомъ.—Обижать его не смѣй: онъ крестникъ Палова и любимецъ казначея. Ты же, Петя, если будешь смиренъ и друженъ съ нами—во всемъ выгадаешь, а нѣтъ—прогадаешь,—продолжалъ онъ мнѣ. Главное—когда бы и кого бы ты тутъ ни видалъ, чтó бы ни слыхалъ, никому объ этомъ ни слова; точно также крестному, либо казначею, не «сучить» (сплетничать). Смекаешь?

— Все по вашему стану дѣлать, только не обижайте меня: я и безъ того измаялся въ «живодернѣ»... Я чуть не заплакалъ, при одномъ воспоминаніи о ротѣ.

— Ты, я вижу, славный малый, пойдемъ со мной обѣдать.

Онъ показалъ мнѣ свои три комнаты, по барски меблированныя и убранныя, попотчивалъ меня мадерой и такими же тремя

вкусными кушаньями, какія я ѣдалъ у крестнаго, вывѣдалъ у меня все, что я зналъ про житье крестнаго и казначея, указалъ поставленную для меня въ передней кровать, снабженную всѣмъ нужнымъ, и разрѣшилъ мнѣ отдохнуть «послѣ трудовъ праведныхъ», что я охотно исполнилъ. Я проснулся уже въ сумеркахъ и услыхалъ говоръ:

— Пора, Анюта, тебѣ и домой: девять часовъ,—говорилъ Алексѣевъ.

— Ты, Гриша, другую, вѣрно, ждешь, что меня выпроваживаешь?—шутя, спрашивала женщина.—Нарочно ночевать останусь.

— Неловко, право, Анюта, неловко: онъ, по глупости, можетъ проболтнуться, а тогда....

— Коль скоро онъ постоянный твой квартирантъ, то не сегодня, такъ завтра, чрезъ день, чрезъ недѣлю—все равно пойметъ: шила въ мѣшкѣ не утаишь. Если онъ намъ помѣха, — ты бы отказался брать его къ себѣ.

— Этого-то и нельзя было сдѣлать: начальники выбрали изъ всѣхъ «штабныхъ» именно меня, оба просили, а просьба начальниковъ—приказаніе, которое надо исполнить. Къ тому жъ, чрезъ эту оказію я дознался, что состою на отличномъ счету у начальства, стало быть, меня и зачислили въ фельдфебеля не для чего другаго, какъ для производства, потомъ, прямо въ подпоручики, а не въ прапорщики, какъ изъ унтеръ-офицеровъ.

— Ну, ладно. Пусть и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы. Приголубимъ мальчугана, онъ бываетъ въ благородныхъ домахъ, значить, съумѣетъ разсудить, что для него пріятно да полезно. Позови его сюда и посмотри, какъ я съ нимъ сразу полажу.

— Изволь. Эй, Гавриловъ. Разбуди-ка Петю; скажи ему, чтобы пришелъ сюда чай пить.

Заслышавъ шаги Гаврилова, я притворился спящимъ, но, какъ только онъ меня окликнулъ, я вскочилъ, одѣлся, причесался и явился на зовъ.

— Здравствуй, Петя,—ласково привѣтствовала меня щегольски одѣтая, красивая, молодая блондинка, окинувъ пристальнымъ взглядомъ.—Извини, дружокъ, ежели тебя потревожили; мнѣ очень хочется подружиться съ тобой; не знаю только, согласишься ли ты на это.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я, такъ какъ она сразу мнѣ понравилась простотою обращенія и добродушнымъ выраженіемъ лица.

— Я такъ и думала: ты, какъ слышно, умный, хорошій мальчикъ. Садись вотъ сюда, поближе ко мнѣ на диванъ, бери чай, булки и кушай на здоровье.

Я не заставилъ себя упрашивать.

— Есть у тебя мать?—начала она со мной разговоръ.

— Родная мать куда-то сослана, а крестная, хотя и живетъ здѣсь въ городѣ, да она барышня, и у нихъ всегда бываетъ начальство. Я и хожу къ ней рѣдко,—откровенничалъ я.—А мнѣ скучно, ахъ, какъ скучно да тяжело, не съ кѣмъ бываетъ и слова по душѣ сказать...

— Я замѣню тебѣ мать: мнѣ жаль тебя, сироту.

— Въ матери ты, Анета, ему не годишься: молода больно, — перебилъ Алексѣевъ.

— Такъ считай меня, Петя, своею старшею сестрою, будь со мной во всемъ откровененъ: все, что тебѣ понадобится, говори мнѣ и тотчасъ же получишь. Словомъ, заживемъ, припѣваючи.

Я поблагодарилъ ее за участіе. Она долго пробесѣдовала со мною, пересмотрѣла мои скудные пожитки, наказала Алексѣеву — дать мнѣ изъ цейхгауза всякаго бѣлья, одежды и обуви по пяти паръ, а служителю, — чтобы мое бѣлье отдавалъ мыть прачкѣ Алексѣева; наконецъ, увѣрила меня, что я ни въ чемъ нуждаться не буду. Часовъ въ 11-ть, я съ ними поужиналъ и мы разошлись по своимъ мѣстамъ.

Страхнувъ съ себя казарменный гнетъ, я захрапѣлъ богатырскимъ сномъ. Рано утромъ, Анна Михайловна, послѣ чаю, который я съ ними пилъ, совсѣмъ одѣлась и подарила мнѣ цѣлковый, — капиталъ, какой я впервые считалъ своимъ. Я поцѣловалъ ей за это руку, она мнѣ отвѣтила поцѣлуемъ въ щеку, наказала ждать ее чрезъ день, вечеромъ же, и ушла, вмѣстѣ съ Алексѣевымъ, къ себѣ домой. Послѣ ихъ ухода, мнѣ вдругъ взгрустнулось: я вспомнилъ, что пора идти въ канцелярію, а тамъ сидѣть между начальствомъ; оно же меня не приголубитъ такъ, какъ Анна Михайловна приголубила. Я даже прослезился... Уныло побрелъ я въ канцелярію и пробрался въ комнату, гдѣ былъ наванунѣ. Въ ней помѣщались казначейская и квартирмейстерская части. Было еще только 8 часовъ утра, но кантонисты уже писали. Одинъ изъ нихъ, молча, положилъ предо мной очиненное гусиное перо, награфленный карандашемъ, чистый листъ бумаги, и отличнымъ почеркомъ написанный рапортъ, — какъ теперь помню, — инспектору учебныхъ полковъ. Я вопросительно взглянулъ на распорядителя.

— Списывай съ этого вотъ рапорта слово въ слово, букву въ букву и какъ можно красивѣе, — нехотя растолковалъ онъ мнѣ, ткнувъ пальцемъ въ бумагу. — Но Боже тебя сохрани замарать подписанный рапортъ: за это дѣрка попадаетъ, — прибавилъ онъ, сѣлъ на свое мѣсто и закрипѣлъ перомъ.

— Дѣрка-то можетъ попасть тебѣ, Сергѣевъ, но никакъ не ему, хоть бы онъ и закапалъ рапортъ, — молвилъ кто-то съ другаго стола. — Не давай новичку важныхъ бумагъ.

— И то на чужомъ пиру, пожалуй, придется опохмѣляться, — спохватился Сергѣевъ, подскочилъ ко мнѣ, взялъ рапортъ, кинулъ мнѣ испорченный журналъ и велѣлъ съ него списывать.

Я принялся за работу, пыхтѣлъ, потѣлъ, но напрасно: я капалъ чернила, вралъ грамматически, пропускалъ цѣлыя строки, сбивался съ графъ и т. д. Сергѣевъ нѣсколько разъ всматривался въ мой трудъ, находилъ его никуда негоднымъ, вырывалъ у меня запачканные листы, совалъ мнѣ вмѣсто нихъ чистые, но я и ихъ портилъ.

— Да ты точно курица по бумагѣ бродишь, — сердито замѣ-

тилъ онъ.—Если такъ будешь наkostenъ—на тебя вѣдь и бумаги не напасешься. Тебѣ не писаремъ, а водовозомъ быть: азбуки толкомъ не знаешь.

Всѣ подняли головы и насмѣшливо переглянулись, а я покраснѣлъ со стыда, нагнулся къ самому столу и молчалъ. Я сознавалъ, что Сергѣевъ правъ.

— А ты, Сергѣевъ, нестати его распекаешь: за это тоже бѣду наживешь,—напомнилъ ему другой.—Знаешь, чай, почему онъ сюда попалъ? Ну, и остерегайся.

— Да онъ, ей-ей, въ буквахъ путается,—оправдывался Сергѣевъ,—а туда же въ канцелярію приползъ!..

— Съ его протекціей и безъ азбуки легко черезъ годъ надѣтъ галуны, а съ твоимъ и превосходнымъ почеркомъ 10 лѣтъ рядовымъ пробудешь.

— Галуны этимъ прихвостнямъ нужнѣе, чѣмъ намъ; мы ихъ и не заслуживаемъ скоро, хоть будь семи пядей во лбу.

Послышался скрипъ сапогъ и все смолкло. Вошелъ писарь въ галунахъ и красивомъ сюртукѣ изъ тонкаго сукна. Всѣ встали, поклонились ему и сѣли. Это былъ старшій казначейскій писарь Григорьевъ, лѣтъ 30-ти на видъ, средняго роста, гладко выбритый, но съ длинными бѣлокурыми волосами, зачесанными назадъ. Онъ приблизился ко мнѣ, взглянулъ на мою пачкотню и покачалъ головою.

— Плохонько, братъ, пишешь,—мягко замѣтилъ онъ мнѣ:—старайся хорошенько, чтобы папашѣ не конфузно было: онъ самъ, посмотри, какъ еще красиво пишетъ,—прибавилъ онъ, показавъ мнѣ въ дѣлѣ какую-то бумагу, и оставилъ меня въ покоѣ.

Къ 9-ти часамъ галунниковъ набралось 5-ть человекъ, и каждый изъ нихъ подходилъ ко мнѣ, морщился, совѣтовалъ внимательно вглядываться въ пропись, а я по прежнему продолжалъ портить листы, которые Сергѣевъ подавалъ мнѣ со сдержанной злобою. Еслибъ онъ имѣлъ право, онъ бы непременно поколотилъ меня. Цотъ градомъ катился съ моего лица, руки мои дрожали, въ глазахъ рябило. Я готовъ былъ сквозъ землю провалиться со стыда. Одинъ изъ галунниковъ понялъ мученія и велѣлъ мнѣ отдохнуть. Я прислушался къ его бесѣдѣ съ товарищемъ, тоже въ галунахъ.

— Сегодня у насъ опять будетъ баталія: Θεоктистовъ вчера попался полковнику въ сѣронѣмецкой шинели,—сообщалъ одинъ другому.—Врядъ ли простить, нѣмчура проклятая!..

— Н-да, онъ изъ насъ душу хочетъ вымотать за наши египетскіе труды въ его пользу. Вспомнишь, сто разъ вспомнишь прежнихъ командировъ: къ генералу Биркову ходили мы на домъ въ товкихъ шинеляхъ, которыя и шили намъ, по его приказанію, на казенный счетъ; къ праздникамъ награды намъ давалъ, офицерамъ запрещалъ придираться къ намъ, свободы нашей не стѣснялъ, все потому, что тогда всѣ нами дорожили. Генералъ открыто, помню, говаривалъ: «писаря для меня дороже всѣхъ: все управленіе въ ихъ рукахъ и я спокойно сплю, когда они

всѣмъ довольны». Полковникъ Наскинъ тоже обходился съ нами деликатно, объявлялъ: «пусть ходятъ, въ чемъ хотятъ, лишь бы дѣломъ усердно занимались». Нѣмчуръ же все нипочемъ: дерюгу носить приказываетъ, розги на насъ распространилъ...

— Надо Готову написать, чтобы заступился за насъ.

— Писать-то, къ несчастію, опасно: почтмейстеръ, за подарки отъ нѣмчуры, задерживаетъ всѣ письма на имя Готовы и передаетъ ихъ ему для прочтенія. Приходится ужъ терпѣть до пріѣзда Готовы съ инспекторомъ, и здѣсь попросить.

— А покуда Θεоктистовъ, человѣкъ чахоточный, беззащитенъ. Жаль, отъ души жаль мнѣ его: полвѣка убавятъ ему, бѣднягѣ.

— Кстати, знаете каптенармуса 3-й роты, Иванова?

— Какъ же! Разумный человѣкъ! только отъ долгаго хлопанья ружьемъ—грудь себѣ разбилъ. Самъ инспекторъ приказалъ его уволить изъ фронта и сдѣлать каптенармусомъ за долготѣльную службу. Ивановъ—кандидатъ изъ отказавшихся отъ офицерства, ему теперь до отставки со 120 рублями пенсіи осталось, кажется, не больше года.

— Такъ вотъ этотъ-то Ивановъ и приказалъ долго жить... отъ розогъ, давеча сказывалъ фельдшеръ.

— Какъ такъ? Кандидаты по закону избавлены отъ тѣлеснаго наказанія.

— Для нѣмчуры законы въ пользу подчиненныхъ не писаны. Ивановъ шелъ на прошлой недѣлѣ въ сумеркахъ въ баню, въ тулушѣ, чтобы не простудиться, и наткнулся на нашего звѣря. Онъ его узналъ, отправилъ на гауптвахту, а на утро приказалъ отсчитать сотню горячихъ. Ему доложили, что Ивановъ кандидатъ. Тогда онъ велѣлъ Иванову выбрать любое: или быть представленнымъ къ разжалованію въ рядовые, или добровольно получить сто розогъ. И батальонный, и квартирмейстеръ упрашивали пощадить пожилаго, больного Иванова, да нѣмчура уперся на своемъ. И Ивановъ, испугавшись, какъ бы не потерять всю 24-лѣтнюю службу (въ рапортѣ вѣдь, что угодно, можно написать: бумага все стерпитъ) предпочелъ розги, получилъ ихъ сотню, переправился въ лазаретъ, а тамъ и умеръ...

— Нѣтъ, лучше ужъ я сожгу калоши, а шинель продамъ комунибудь изъ гарнизонныхъ писарей: они носятъ безпрещатенно.

— А я такъ хочу перевестись въ гарнизонъ для «совмѣстнаго жительства» съ братомъ и матерью. Знакомый отчасти и вамъ, писарь Петровъ обѣщалъ просить свое начальство и назваться братомъ, благо мы однофамильцы и оба незаконнорожденные.

— Ну, а какъ вмѣсто перевода, по бывшимъ уже примѣрамъ, взбучку получишь?

— Гм... И это можетъ стать. Тьфу ты, пропасть! Кхе... Кхе...—Галунникъ закашлялся.

Вошелъ высокій, весь лысый, пожилой офицеръ Звонаревъ,

полковой квартирмейстеръ. Всѣ вскочили. Онъ поклонился направо, и налѣво, и сѣлъ на свое мѣсто.

— Нѣтъ ли, Аѳанасьевъ, чего новенькаго?—дружески спросилъ Звонаревъ своего старшаго писаря.

— Есть, ваше бро-діе, новость, да печальная,—смѣло отвѣтилъ Аѳанасьевъ, мужчина среднихъ лѣтъ.—Очень печальная...

— Какая? освѣдомился Звонаревъ.—Опять...

Аѳанасьевъ разсказалъ ему объ угрожающей Феоктистову бѣдѣ и о смерти Иванова.

— Да, послѣднее и я ужъ знаю. Царство ему небесное,—печально проговорилъ Звонаревъ и набожно перекрестился.—Славный человѣкъ былъ Ивановъ: я зналъ его лѣтъ 15 сряду, хотѣлъ тоже заступиться предъ полковникомъ, да онъ меня самого распушилъ. «Мнѣ—говорить—не примѣръ генераль Бирковъ, который занимался только псовой охотою, а полкомъ командовала канцелярія. Я,—говорить,—не намѣренъ подражать и полковнику Наскину, за котораго жена командовала полкомъ, съ помощью своихъ любовниковъ. Нѣтъ, я,—говорить,—не въ нихъ. Я водворю такой порядокъ, какой мнѣ нуженъ; я заставлю всѣхъ, начиная съ батальонныхъ командировъ и кончая послѣднимъ фурштатомъ, трепетать предо мной. И сами запомните, да и другимъ отъ моего имени все это,—говорить,—передайте»... Ради Бога, ребята, бросьте ваши калоши и сѣронѣмецкія шинели, а то и намъ съ вами не сдобровать...

— Чѣмъ же, позвольте узнать, ваше бро-діе, противны ему наши шинели?

— А Богъ его знаетъ чѣмъ!.. По моему, тонкія шинели, напротивъ, облагораживаютъ, отличаютъ васъ отъ солдатъ, въ глазахъ толпы. Но коль скоро полковнику неугодно позволять ихъ носить—творите волю пославшаго!

— Помилуйте, ваше бро-діе, вѣдь мы не строевые, чтобы минутно чиститься, стричься, ходить со двора по билетамъ и проч.

— И намъ, братецъ, не легко съ нимъ служить, право, не легко, да дѣлать нечего: плетью обуха не перешибешь... Утѣштесь, покамѣстъ, хоть тѣмъ, что новая метла лишъ сначала чисто мететъ. Авось, Богъ дастъ, и онъ уходится, все и возстановится по прежнему.

— Возстановится! надѣйтесь, Николай Григорьевичъ: непременно возстановится!—перебилъ неслышно вошедшій, худой, какъ щепка, старикъ-учитель Шиловъ.—Надежда недаромъ же юношей питаетъ, а старцамъ подаетъ отраду,—прибавилъ онъ, совершивъ рукопожатіе, посмотрѣлъ мою работу, погладилъ меня по головѣ и продолжалъ:

— Однако ты, Петруша, неказисто пишешь и помогать мнѣ не скоро будешь. Впрочемъ ничего, не унывай: только еще начинаешь жить. Папаша ужъ самъ тебѣ напишетъ пропись: вѣдь онъ первѣйшій въ мірѣ каллиграфъ и по особому высочайшему повелѣнію, да по выбору главнѣйшаго въ Россіи сановника, графа Клейнмихеля, учить въ канцелярскомъ училищѣ правописанію

сыновей генераловъ и другихъ чиновныхъ лицъ. Вотъ каковъ твой папаша.

Все слышанное очень смутило меня. Я задумался, нечаянно толенуль локтемъ Шилова и испугался.

— Осторожнѣе, дружочекъ, осторожнѣе: я вѣдь бѣловую комисаріатскую книгу нишу и могу на нее капнуть, а за это ужъ какая баня постигнетъ насъ съ тобой.

Я окончательно растерялся.

Пришли наконецъ, вмѣстѣ, Курочкинъ и крѣстный, поздоровались со всѣми, въ томъ числѣ, кивкомъ головы, и со мной.

— Э-э-э, какъ ты, Петръ, пачкаешь?—серьезно началъ крестный, рассматривая мое писанье.

— Не конфузьте его, Иванъ Ивановичъ,—смѣясь, вмѣшался Курочкинъ,—еще выучится, сидя у васъ подъ рукой. Посмотрите-ка лучше, какъ онъ одѣтъ, причесанъ—прелесть.

— Опрятность—одно, писаніе—другое; вы, если желаете,—можете наблюдать за его обмундировкой, а по ученью позвольте мнѣ ужъ распорядиться.

— Все, все, зависить безспорно отъ васъ, только, пожалуйста безъ строгостей: я сегодня совершенно случайно встрѣтилъ Петину крестную, она вамъ кланяется, а узнавши, что онъ здѣсь,—просила меня покровительствовать ему; просьбы же хорошенькихъ барышень я всегда исполняю.

— Полковникъ идутъ!—крикнулъ кто-то изъ-за дверей.

Воцарилась тишина. Всѣ охорашивались, застегивались, приглаживались. Послышалось звяканье шпоръ, и средняго роста, рыжій, сухопарый полковникъ Деймарнъ перешагнулъ порогъ нашей комнаты. Всѣ вытянулись въ струнку, а офицеры и чиновники поклонились ему. Онъ вперилъ глаза въ стоявшего противъ Курочкина—Григорьева.

— Отчего у тебя такіе длинные волосы, какъ у дьячка?—строго спросилъ полковникъ.

— Длинные волосы—его слабость, г. полковникъ,—шутливо отвѣтилъ за него Курочкинъ.

— Эта и другія слабости—вольнодумство, которыя я уничтожу. Отчего вы не смотрите за ними?

— Г. инспекторъ, въ прошломъ году инспектировавшій полкъ и узнавшій лично Григорьева (онъ занимался у него составленіемъ донесенія о состояніи всѣхъ полковъ) самъ извоили разрѣшить ему гладко не стричься, во вниманіе къ золотушному состоянію его головы и отличнымъ познаніямъ,—уже серьезно разъяснилъ Курочкинъ.

— Все это вздоръ, выдумки.

— Г. инспектору угодно было лично мнѣ все это выразить. Объ этомъ знаетъ и подполковникъ Гилатовъ, исправлявшій тогда должность полковаго командира.

— Какъ только я замѣчаю безобразія, всѣ они отстаиваются: то—приказаніями инспектора, то—одобреніями его писаря, то—личною извѣстностью бригадному и т. д., безъ конца! Вы, если

не ошибаюсь, сами тоже пользуетесь особенным покровительством г. инспектора и дружбою его писаря Готова?

— Да-съ, г. полковникъ, это правда,—съ гордостью признался Курочкинъ,—но я служу какъ слѣдуетъ, иначе все общество офицеровъ не выбирало бы меня три раза единогласно въ казначеи.

— Ваше выборное начало мѣднаго гроша не стѣить. Остричь его на барабанъ!

— Золотушность Григорьева, г. полковникъ, подтверждать и наши лѣкаря. Наконецъ, волоса его далеко не длинны.

— Что я приказываю, то и исполнять, а не разсуждать! Кто у васъ проставилъ въ требовательной вѣдомости на аммуничныя вещи меньше, чѣмъ слѣдуетъ получить, на пять тысячъ руб.?

— Я-съ ошибся, виновать, ваше высокородіе,—плаксиво за-рапортовалъ Шиловъ.

— Виноватыхъ бьютъ-съ, дерутъ...

— Я на своемъ вѣку все это уже испыталъ, а отъ этого еле-еле брожу-съ. Повинную голову, смѣю доложить, и мечъ не сѣчетъ, а ваше высокородіе, я увѣренъ, великодушны. Доброта всегда присуща высокообразованнымъ, аристократическимъ начальникамъ, какимъ мы считаемъ васъ.

— Кто же мнѣ заплатитъ пять тысячъ?

— Я, по бѣдности моей, ничего заплатить не въ состояніи. О! еслибъ я имѣлъ не пять, а хоть двѣ только тысячи, я считалъ бы себя счастливейшимъ изъ смертныхъ и службу бросилъ бы, чтобы денно и ночью не бояться...

— Чего? розогъ, что ли?

— Точно такъ-съ, розогъ. Мы—люди маленькіе, безгласные, гдѣ же намъ защищаться?..

— Слѣдовательно, и васъ, чиновника, выдрать надо за эти пять тысячъ?

— Воля ваша: на то вы и начальникъ, чтобы карать и миловать, но вы—питаю надежду—переложите гнѣвъ на милость и ко мнѣ старику, и къ юношѣ Григорьеву: онъ мой ученикъ и знаетъ теперь все лучше меня. Онъ моя гордость, моя слава.

— Какъ же о пяти-то тысячахъ сдѣлать?

— Какъ вамъ угодно-съ. И безъ нихъ, осмѣливаюсь думать, не обѣднѣете, либо, ежели угодно, въ будущей вѣдомости наверстаемъ эту сумму.

— Я поѣду въ Москву за пріемкой и тамъ, по знакомству со всѣми, устрою въ комисаріатской комисіи такъ, что эту сумму довыдадутъ мнѣ,—вставилъ Курочкинъ.

— А если я командирую за пріемкой не васъ, а другаго офицера, тогда что будетъ?

— Тогда 5,000 руб. въ казнѣ и останутся ¹⁾ за ваше, г. полковникъ, недоувѣріе ко мнѣ, полковому казначею.

¹⁾ По закону, существовавшему въ то время, къ которому относится рассказъ, за предметы, пропущенные, хотя бы только по ошибкѣ, въ требовательной вѣдомости—казна денегъ не отпускала.

— Я отъ васъ эти деньги и потребую!

— А я донесу вамъ рапортомъ, что ихъ, по правиламъ, полку получать и не слѣдуетъ: онѣ неправильно были включены въ черновую вѣдомость.

— Посмотримъ, какъ это вы осмѣлитесь сдѣлать. Впрочемъ... Гм... Н-да,—прибавилъ онъ, какъ бы спохватившись, какъ удобнѣе поступить:—въ 5 часовъ будьте вы и г. Падовъ у меня; мы вмѣстѣ и рѣшимъ. А этотъ клопъ какъ сюда попалъ безъ моего вѣдома?—вдругъ указалъ онъ на меня.

— Извините, г. полковникъ, и меня, и Петра Петровича: мы взяли его приучить къ писарской должности,—почтительно доложилъ крестный. Онъ, какъ я уже вамъ докладывалъ, мой крестникъ и безродный...

— Напрасно оторвали вы его отъ фронта: онъ, какъ фланговой знаменщикъ, вѣрно держитъ линію, а какъ ординарецъ—правильно рапортуетъ и изъ него выйдетъ хорошій унтеръ-офицеръ. Отдайте его назадъ въ роту.

Приказаніе это покорило меня, и я чуть не зарыдалъ съ отчаянія.

— Окажите, г. полковникъ, вниманіе къ нашей общей покорнѣйшей просьбѣ, разрѣшите намъ оставить его здѣсь,—поддержалъ Курочкинъ.

— По протекціи генеральши Глуховой, и г. губернаторъ изволилъ имъ заинтересоваться, и не дальше, какъ третьяго дня, напомнилъ мнѣ въ канцелярскомъ училищѣ,—продолжалъ крестный.—Мнѣ заниматься съ нимъ всего удобнѣе, когда онъ ежедневно будетъ около меня. Онъ не чувствуетъ расположенія къ фронту.

— Зато избалуется тутъ.

— Будемъ неупустительно смотрѣть за нимъ.

— Онъ здѣсь,—надѣюсь,—принесетъ пользу,—присоединился къ моимъ ходатаямъ Звонаревъ.—Мальчикъ онъ шустрый, офицеры всѣ его знаютъ, и онъ будетъ разносить журналы и книги къ подписи.

— И моя жена, и его крестная, и генеральша Глухова тоже просили меня держать его при себѣ,—дополнилъ крестный.—Уважьте общее желаніе.

— Дамы, всѣ почтенныя дамы за него, а съ ними не сговоришь,—уже шутилъ Деймарнъ.

— Пусть останется. Въ защитники Шумитина и вы поспѣли, а отчего вы утромъ не доставили мнѣ провіантскихъ требованій?—вдругъ озадачилъ полковникъ Звонарева.

— Опоздалъ-съ: я былъ на отпѣваніи. Извините...

— Кто умеръ?

— Тотъ самый кандидатъ Ивановъ, изъ-за котораго вы изволили разсердиться...

— Гм!.. Деймарнъ вспыхнулъ, вспомнивъ, вѣроятно, что смерть Иванова чернымъ пятномъ легла на его совѣсть.—Вы бы дѣломъ лучше занимались, чѣмъ... чѣмъ... Ахъ, да! Адъютанта сюда!—раздражительно крикнулъ онъ..

Красивый и вертлявый, молодой офицеръ Безшабашневъ точно изъ земли выросъ въ нашей комнатѣ.

— Вчера вашъ Θεоктистовъ попался мнѣ въ сѣронѣмецкой шинели-съ. Я нѣсколько разъ запрещалъ носить эти шинели, но меня и слушать не хотятъ!... Дать Θεоктистову сто розогъ, при всѣхъ писаряхъ, учителяхъ и музыкантахъ, чтобы знали, что то же самое ждетъ cadaго изъ нихъ. Кромѣ того, собрать всѣ писарскія и учительскія шинели и при нихъ же сжечь на кострѣ.

— Сегодня же прикажете?

— Сейчасъ даже!—Онъ круто повернулся и быстро ушелъ, въ сопровожденіи Безшабашнева.

По нашей комнатѣ разнесся тяжелый, долгій вздохъ.

— Я вамъ, Матвѣй Астафьевичъ, очень благодаренъ, что выручили Миханова.

— Я хорошо знаю, что застрахованъ отъ розогъ, потому и принялъ на себя вину Миханова въ пропускѣ 5000 р., а лести и меня выручила.

— Благодари же, Михановъ, Матвѣя Астафьевича за его доброту: еслибы не онъ, быть бы и тебѣ дранымъ, вмѣстѣ съ Θεоктистовымъ.

— Вѣкъ не забуду вашей услуги,—благодарилъ Шиловъ пожилой учитель, унтеръ-офицеръ Михановъ.

Солдатъ въ каскѣ доложилъ Курочкину и Звонареву, что всѣхъ писарей и учителей требуютъ на гауптвахту, съ ихъ сѣронѣмецкими шинелями.

— Отдайте ваши шинели; мы вамъ заплатимъ, что онѣ стоятъ, я—своимъ, а вы, Николай Григорьевичъ,—своимъ,—утѣшалъ Курочкинъ писарей.

— Разумѣется, лишь бы отъ грѣха дальше,—согласился Звонаревъ.

— Сдѣлайте, ваше бро-діе, намъ за одно ужъ еще милость: освободите насъ отъ необходимости присутствовать при экзекуціи, взмолилось нѣсколько голосовъ.—Смотрѣть, какъ будутъ истязать товарища? Да это пытка!

Казначей посовѣтовался съ квартирмейстеромъ и оба отказали просителямъ въ ихъ просьбѣ, изъ опасенія нажить отъ полковника новыхъ непріятностей. Галунники, понутивъ головы, отправились на гауптвахту, откуда вернулись блѣдные, унылые, едва чрезъ часъ.

— Ну, что?—вполголоса спросилъ Миханова Шиловъ.

— Ничего,—мрачно отозвался Михановъ.—Сперва изрѣзали и сожгли 25 шинелей, а потомъ изодрали тѣло и Θεоктистову. Онъ, счетовъ, пять разъ замиралъ, ему давали освѣжиться водой, потомъ опять и опять стегали!... Подъ конецъ, онъ и стонать даже пересталъ ¹⁾. А адьютантъ, — онъ распоряжался экзекуціею,—точно лакомился брызгами крови, летѣвшими кусками мяса... Не знаете ли, куда, ваше бро-діе, кинуться отъ этой адской жизни?

¹⁾ Этотъ бѣдняга умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

— Ау, братъ! Какъ ни кинь—все клинь... Гдѣ же Алексѣй Григорьевичъ?

— Пошелъ съ досады домой: его вѣдь, дѣйствительно, на барабанѣ остригли по распоряженію адъютанта. А экзекуція еще продолжается: дерутъ музыканта за то, что гдѣ-то раздобылся запретными, по закону, сѣрными спичками и вздумалъ торговать ими въ казармахъ. Уф-фъ, какъ тошно!...

Открытіе, что писарямъ канцеляріи живется вовсе не привольно,—сильно меня опечалило.

В. Никитинъ.

(Продолженіе будетъ).

„СВѢЖО ПРЕДАНИЕ“...

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О СТАРИННОМЪ ВОЕННОМЪ БЫТІИ).

III.

Занятія въ канцеляріи и житье у Алексѣева познакомили меня съ совершенно новымъ міромъ. Канцелярія раздѣлялась на множество отдѣльных частей, которыми завѣдывали: учителя-чиновники, учителя унтеръ-офицеры, просто унтеръ-офицеры и писаря; помогали всѣмъ рядовые и кантонисты, — всѣхъ числомъ до 60 человекъ. Значительность состава канцеляріи оправдывалась безчисленными предметами занятій. Въ полку состояло до шестидесяти офицеровъ, до пятнадцати чиновниковъ, три батальона солдатъ (по 2,500 человекъ въ каждомъ), батальонъ наличныхъ кантонистовъ (до 3,000 человекъ), да около 10,000 «запасныхъ», т. е. причисленныхъ къ полку, но до двѣнадцатилѣтняго возраста находившихся по деревнямъ у родителей, родственниковъ и воспитателей въ трехъ сосѣднихъ губерніяхъ. Работы въ канцеляріи было всѣмъ пропасть, отчего нижніе чины и кантонисты занимались съ 10 до 2 и съ 5 до 10 часовъ вечера. Офицеры, которые бы соотвѣтствовали всѣмъ условіямъ для занятія штабныхъ должностей — были въ рѣдкость; остальные же въ канцелярскихъ дѣлахъ ничего не понимали. Оттого старшіе писаря по каждой части пользовались почетомъ со стороны нуждавшихся въ нихъ офицеровъ, а нуждался въ нихъ всякій. Старшаго полковаго писаря по адъютантской части никто изъ офицеровъ иначе не называлъ, какъ по имени и отчеству. Это однако не мѣшало Безшабашневу ругать и колотить Иванова, — такъ звали старшаго писаря. Зато Курочкинъ — казначей и Звонаревъ — квартирмейстеръ, цѣнившіе заслуги своихъ подчиненныхъ, учителей и писарей, никогда ихъ не обижали, почему адъютантскіе писаря завидовали положенію казначейскихъ и квартирмейстерскихъ.

Писаря, ворочая всѣми дѣлами, по примѣру своего начальства и тайно отъ него, — какъ и оно тайно отъ высшаго начальства, — пользовались, каждый отъ своей части, доходами. Адъютантскіе — за составленіе бумагъ офицерамъ и частнымъ лицамъ, за

прямое или косвенное устройство переводовъ, производствъ въ чины, командировокъ, отпусковъ, за увольненіе кантонистовъ, по ходатайствамъ ихъ родителей, для призрѣнія послѣднихъ въ старости ¹⁾; за разрѣшеніе отсрочекъ призыва мальчиковъ изъ деревень въ кантонисты; за хорошіе аттестаты гарнизоннымъ офицерамъ, приводившимъ въ полкъ партіи рекрутъ и т. д. Казначейскіе писаря, при требованіяхъ жалованья, прибавляли въ спискахъ число солдатъ; по полученіи денегъ, выводили ихъ въ расходъ на тѣ роты, командиры которыхъ, по дружбѣ съ казначеемъ, расписывались по книгамъ, деньги же выдавались писарямъ. Казначей ежегодно ѣздилъ въ Москву за пріемкою на всѣхъ солдатъ и кантонистовъ оружейныхъ, аммуничныхъ, обмундировочныхъ и проч. вещей; при этомъ вмѣсто половины имущества привозилъ деньги, которыми полковой командиръ дѣлился съ нимъ, а онъ, изъ скрытыхъ отъ командира надбавокъ, награждалъ писарей. Въ этомъ же родѣ поступали квартирмейстерскіе писаря съ квартирными деньгами и провіантомъ. Кромѣ того, они требовали каждую третью и получали отъ казны, по своей части значительныя суммы «соляныхъ денегъ», по рублю двадцати копѣекъ на каждого изъ «будущихъ» кантонистовъ, проживающихъ въ деревняхъ и значащихся по спискамъ, которые составлялись квартирмейстерскими писарями, по соглашенію съ адъютантскими. Воспитатели, вызывавшіеся за этими деньгами чрезъ тогдашнюю, грозную для простолюдиновъ, полицію—приходили лишь изъ ближайшихъ къ городу мѣстностей, а въ полученіи денегъ остальными тысячами, никогда не являвшимися или вымышленными, расписывались: какой-то старикъ, отставной чиновникъ, да кантонисты канцеляріи, по порученію своихъ старшихъ; за эти расписки старику платили по 3 коп. съ фамилии; а кантонистамъ дарили по двугривенному; деньги же оставались у писарей.

Впрочемъ, доходы писарей можно было считать мелкими по сравненію съ доходами такъ называемыхъ «штабныхъ» изъ нижнихъ же чиновъ. Громадное хозяйство полка распадалось на отдѣльныя части, которыми непосредственно завѣдывали «увдеры». Алексѣевъ, у котораго я жилъ, распоряжался складами мундирныхъ, аммуничныхъ, оружейныхъ и пр. вещей—въ матеріалѣ и готовомъ видѣ. Онъ же закупалъ и продавалъ эти предметы. Абрамовъ управлялъ портняжною, сапожною и ткацкою частью, расходовалъ классныя и канцелярскія принадлежности. Панфиловъ завѣдывалъ лагерными, холщевыми и другими предметами; Шаховъ хранилъ посуду и сѣстные припасы для наличныхъ 3,000 кантонистовъ. Зайцевъ заправлялъ фурштатскою командою, сотней лошадей, сбруею, фуражемъ, освѣщеніемъ и отопленіемъ казармъ. Блохинъ — столярною, пло-

¹⁾ Если кантонистами были двое и болѣе сыновей — одинъ изъ нихъ освобождался, но этому предшествовало множество затрудненій, хлопотъ и затратъ.

тичною, кузнечною и др. мастерскими ¹⁾). Ястребовъ управлялъ хозяйственною, а Баньковскій — медикаментозною частью лазарета и имѣли дѣло съ его смотрителями. Наконецъ, Ивановъ управлялъ музыкантскою командою, посылалъ ихъ играть на волѣ, получая за ихъ труды деньги. «Штабные» эти, независимо отъ своихъ начальниковъ-офицеровъ, старались ладить и съ ихъ писарями, которымъ платили дань и вмѣстѣ съ которыми, въ нужныхъ случаяхъ, для обоюдной выгоды—обманывали своихъ общихъ начальниковъ. «Штабные» имѣли и своихъ писарей изъ солдатъ или кантонистовъ, по нѣскольку помощниковъ и подчиненныхъ, отъ 50 до 100 человекъ каждый. Изъ общихъ «штабныхъ» складовъ принимали вещи и продукты 16 ротныхъ каптенармусовъ (лучшими изъ нихъ комплектовались «штабные», при открывавшихся вакансіяхъ). Каждый изъ «штабныхъ» постоянно располагалъ, по довѣрію начальниковъ, нѣсколькимистами рублями наличныхъ казенныхъ денегъ, назначавшихся на текущіе мелкіе расходы. «Штабные»—люди все ловкіе, прожженные—были очень дружны между собой. Всѣхъ ихъ, за годъ до двѣнадцатилѣтней выслуги въ унтеръ-офицерскомъ званіи,—зачисляли обыкновенно, по ходатайствамъ начальниковъ, въ фельдфебели, чтобы произвести потомъ не въ прапорщики, какъ полагалось унтеръ-офицерамъ, а прямо въ подпоручики. Отдѣльныя ихъ квартиры обставлялись всегда лучше, чѣмъ квартиры многихъ офицеровъ; пили они и ѣли роскошно, а тайно носили и отличную партикулярную одежду. Къ ихъ кружку принадлежали: старшіе каптенармусы, писаря, вахтера и унтера гарнизоннаго батальона, провіантскихъ магазиновъ, шоссейныхъ дорогъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ складовъ — люди, также какъ и они, сидѣвшіе на «доходныхъ мѣстахъ».

Все это я очень скоро узналъ. Алексѣевъ, убѣдившись, что я не «сучу» и ничего объ немъ не разглашаю, — не стѣснялся моимъ присутствіемъ при разговорахъ, а Анна Михайловна (мы видѣлись съ ней 3—4 раза въ недѣлю) за мое сиротство, расположеніе къ ней и скромность — полюбила меня, по ея словамъ, какъ брата, нахвалила своимъ подругамъ (женамъ и возлюбленнымъ товарищамъ Алексѣева) и брала къ нимъ въ гости. Какъ у васъ, такъ и у прочихъ «штабныхъ», устраивались поочередно «пирушки»; вездѣ одинаково хорошо угощали человекъ по 20 мужчинъ и женщинъ; вездѣ бывали дамы, разряженныя въ шолкъ и бархатъ, и танцовали подъ музыку; вездѣ играли по 3 рубля ставку въ «три листика», закуривали трубки рублевыми ассигнаціями и веселились до упаду—по ночамъ. Съ утра же и до вечера всѣ были на своихъ мѣстахъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Это называлось «кутить по фельдфебельски». На одной изъ та-

¹⁾ Во всѣхъ полковыхъ мастерскихъ работало даровыхъ рабочихъ-солдатъ до 400 человекъ ежедневно круглый годъ, за исключеніемъ праздничныхъ дней.

кихъ пирушекъ, происходившей на нашей квартирѣ, какая-то «новенькая» молодая женщина, глядя на пиршество, вслухъ замѣтила одному изъ «штабныхъ», что они потому соряютъ деньгами, что имъ эти деньги легко достаются—обкрадываніемъ солдатъ, кантонистовъ и лошадей полка. Замѣчаніе это вызвало общій взрывъ хохота.

— Вы, Авдотья Семеновна, еще во вкусъ не вошли, — возразилъ ей Шаховъ, когда хохотъ смолкъ.

— Я говорю правду, а не отъ безвкусья, — наивно продолжала она. — Меня удивляютъ ваши безобразія.

— Вашъ упрекъ совершенно вѣренъ: мы дѣйствительно обижаемъ и людей, и лошадей, но кто же этого не дѣлаетъ? И хлѣбопекъ, и огородникъ, и унтеръ-офицеръ, и фельдфебель, и ротный, и лѣкарь, и батальонный, а особливо полковой командиръ— всѣ, рѣшительно всѣ воруютъ, ктѣ во что гораздъ. А, чтобы объ этомъ молчали— всѣ дѣлятся: полковникъ съ бригаднымъ генераломъ, инспекторомъ и даже съ начальствомъ департамента; ротные— съ батальонными и т. д. Вся разница только въ томъ, что кто стойтъ выше, тотъ больше и хапаетъ, по пословицѣ: «большому кораблю—большое и плаваніе».

— Да вѣдь грѣхъ обижать несчастныхъ, — вся зардѣвшись, настаивала на своемъ «новенькая». — По моему, слѣдуетъ перестать: это безсовѣстно.

— Грѣхъ, словно орѣхъ, всегда былъ и будетъ. Обижаемъ несчастныхъ—потому что сами были въ числѣ этихъ несчастныхъ; но поставьте любого изъ нихъ на наше мѣсто, онъ, вѣрьте, и самъ станетъ дѣлать то же самое: весь міръ во злѣ лежитъ. Перестать же никто не захочетъ: не на что будетъ жить. Еслибы вашъ Петръ Ивановичъ, напримѣръ, не хапалъ, развѣ вы, дѣвица дворянскаго рода, съякшались бы съ нимъ, носили бы золотыя сережки да соболью шубку? Никогда-съ! Извините за откровенность.

«Новенькая», уколотая не въ бровь, а въ глазъ, вспыхнула и заплакала.

— Авдотья Семеновна отъ вашихъ шпилекъ вонъ плачетъ. Стыдитесь, господа, обижать барышню, — заступился за нее писарь.

— Хоть женскія слезы и вода, а все таки прошу, господа, мою Дуню не обижать, — произнесъ ея возлюбленный и нѣжно началъ ее унимать.

— Просимъ прощенія, усердно просимъ, Авдотья Семеновна, — вмѣшался Алексѣевъ. — А какъ это случилось у меня, то велика, Анята, подать шампанскаго, чокнемтесь всѣ, господа, съ Авдотьею Семеновною и она успокоится.

— Вотъ это умно, право, умно: — подхватило нѣсколько голосовъ.

— Виноватъ-то я, — заявилъ Шаховъ, — потому позвольте, Авдотья Семеновна, презентовать вамъ весь свой сегодняшний выигрышъ. Купите себѣ на него къ вашимъ именинамъ, къ бу-

дущему четвергу, сережки съ бриллиантками. да надѣньте на себя: онѣ очень пойдутъ къ вашему хорошенькому личику.

Онѣ подаль ей пачку ассигнацій (170 р., слышалъ я потомъ). Глазки «новенькой» заблестали, красивое личико зарумянилось; она помялась, вопросительно взглянула на «своего», тотъ одобрительно кивнулъ ей въ отвѣтъ, и она взяла деньги при громкомъ одобреніи мужчинъ, заглушившемъ ворчанье женщинъ.

— Зачѣмъ вы, Семенъ Степановичъ, обидѣли нашу гостью, а потомъ поселили къ ней зависть между другими? — обратилась Анна Михайловна къ Шахову. — Это нехорошо, право, нехорошо съ вашей стороны.

— Если я несовсѣмъ еще загладилъ, Анна Михайловна, свою вину, то скажите, что́ должевъ я еще сдѣлать, чтобы заслужить и ваше прощенье?

— Да дай ея безсмѣнному ординарцу Шумитину (т. е. мнѣ) «синенькую» и она тебя проститъ, — вставилъ, шутя, Алексѣевъ.

— Только-то? Съ удовольствіемъ. — Шаховъ полѣзъ въ бумажникъ.

— Петя вашихъ денегъ безъ моего согласія не возьметъ, — рѣшила Анна Михайловна.

— Анъ возьметъ, возьметъ, — подхватило нѣсколько человекъ.

— Чѣмъ напрасно перекрикиваться, подержите лучше пари на 25 р., — возьметъ или нѣтъ? — предложилъ аптекарь.

— Согласны, согласны. Идетъ!

Алексѣевъ далъ Аннѣ Михайловнѣ 25 р.; штабные собрали между собою другіе 25 р.; передали деньги въ однѣ руки, а потомъ позвали меня изъ смежной комнаты, гдѣ я уже дремалъ, но все таки понялъ смыслъ спора. Всѣ смолкли.

— Семенъ Степановичъ хочетъ подарить тебѣ денегъ, — сказалъ мнѣ одинъ изъ штабныхъ, когда я вошелъ къ нимъ. — Теперь идетъ споръ: возьмешь ли ты, не спросясь Анны Михайловны? — продолжалъ онъ, среди всеобщаго молчанія.

— Нѣтъ, — рѣшительно отвѣтилъ я, — не возьму.

— Bravo, молодецъ! — раздалось съ разныхъ сторонъ.

Анна Михайловна просіяла, приблизилась ко мнѣ и звонко поцѣловала.

— Ишь, какъ она его вымуштровала, — замѣтили одни. — Ты, Григорій Алексѣевичъ, поглядывай за ними, не то соперника наживешь, — продолжали другіе со смѣхомъ.

— Глядите, господа, за собой, а объ насъ не беспокойтесь: мы съ Петей — люди честные, — отвѣтила торжествовавшая Анна Михайловна. — А что я люблю его, какъ брата, за преданность мнѣ, этого я ни отъ кого и не скрываю.

— Этотъ братъ годится ужъ и въ любовь...

— Довольно, довольно, господа, — прервалъ Алексѣевъ. — Я съ сего вечера начну буквaremъ свою башку ломать, чтобы сдать экзаменъ и смѣнить погоны на эполеты: въ нихъ вальсяжнѣй будетъ.

— Выбирайся, выбирайся, братъ съ Богомъ, въ благородія, поколь можно, а тамъ и мы за тобой, — заголосило нѣсколько человекъ.

И, снова чокнувшись, всѣ пожелали Алексѣеву благополучнаго экзамена и разошлись по домамъ.

Вращаясь въ средѣ штабныхъ, я узналъ много дурнаго. На-примѣръ, въ числѣ занимавшихся въ канцеляріи кантонистовъ былъ очень красивый мальчикъ Ивановъ, на котораго Деймарнъ однажды замѣтилъ прекрасно шитую новенькую, но длинную шинель.

— Я нарочно велѣлъ шить подлиннѣе: онъ растетъ и она ему дольше прослужить,—оправдывался Безшабашневъ.

— А до тѣхъ поръ, пока онъ вырастетъ, носите за нимъ хвостъ, какъ за дамой,—вслухъ произнесъ Деймарнъ.

Безшабашневъ вспыхнулъ, но промолчалъ. Это живо разнеслось по канцеляріи и я, недоумѣвая, о чемъ всѣ перешептывались, рассказалъ о случившемся, вечеромъ, штабнымъ, которые напрямикъ разъяснили мнѣ, что между Безшабашневымъ и Ивановымъ существуютъ особые предосудительныя отношенія.

Алексѣевъ, какъ школьникъ, усердно зубрилъ уроки; Анна Михайловна, чтобы не мѣшать ему, являлась къ намъ рѣже прежняго, а я на досугъ и отъ скуки занялся выправкою своего почерка. И вотъ, сию я однажды въ праздникъ въ канцеляріи. Приходить туда полковой аудиторъ Бедровъ и приказываетъ мнѣ переписать два переправленные поль-листа: одинъ — показаніе двухъ солдатъ, что они украли съ завода кожу, а другой—рѣшеніе о наказаніи этихъ солдатъ. Пока я писалъ, онъ ждалъ, а потомъ прочелъ, вшилъ листы въ дѣло и увезъ. Я не придалъ этому никакого значенія, но вотъ что потомъ обнаружилось. Аудиторскій писарь-старикъ, готовившій Алексѣева къ экзамену, разъяснялъ ему однажды порядокъ производства слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ.

— Когда васъ, офицера, назначать членомъ военно-судной комисіи или депутатомъ съ военной стороны въ гражданскій судъ,—говорилъ старикъ,—то вы, кромѣ того, что въ концѣ сентенціи подпишетесь, непременно скрѣпляйте еще по порядку, нѣсколькими буквами своего чина, имени, отчества и фамиліи, и всѣ сряду вшитыя листы дѣла, чтобы, посредствомъ подмѣна нѣкоторыхъ листовъ, не измѣнили послѣ сущности дѣла.

— Да кому же надобность мѣнять листы?—наивно освѣдомился Алексѣевъ.

— Тѣмъ, кого подкупать; подкупаютъ же чаще всего аудиторы, секретарей и слѣдователей, ведущихъ дѣло.

— Гм... этого я и не подозрѣвалъ...

— Но это бываетъ, къ сожалѣнію, сплошь да рядомъ, даже,—по секрету прибавлю вамъ,—и у насъ... Да вотъ вамъ подъ величайшимъ секретомъ самый свѣжій примѣръ изъ нашей практики. 7-я рота квартировала осенью въ селѣ Починкахъ, гдѣ есть кожевенный заводъ. Ротному командиру, капитану Давину, захотѣлось покрыть свой возокъ новою, но даровою кожею. Онъ и приказалъ двумъ солдатамъ украсть поудачнѣе съ завода цѣлую юфтовую кожу. Солдаты исполнили его приказаніе, а онъ, дуракъ, заставилъ третьяго солдата обтянуть возокъ этою кожей

такимъ манеромъ, чтобы заводское большое клеймо пришлось, для красы, посрединѣ возка, сзади—короною. Мастеровой и это устроилъ. Но хозяинъ завода, помѣщикъ, прослѣдилъ за Давинимъ, остановилъ его въ возкѣ среди села, обвинилъ по клейму въ кражѣ и затѣялъ уголовное дѣло. Тогда Давинъ выдалъ солдаты, а они на допросѣ показали все такъ, какъ я вамъ рассказывалъ, хоть аудиторъ и сбивалъ, и уговаривалъ, и страдалъ ихъ, чтобы не впутывали Давина. Мастерившій возокъ поддакивалъ товарищамъ. Самъ Давинъ на словахъ, при всѣхъ, тоже не отпирался. За кражу кожи, «по приказанію ротнаго командира», солдатамъ, по ихъ молодости, угрожалъ самое большее—по 25 розогъ, а Давину жестоко, да и по дѣломъ, попало бы. Но наше «царское око», аудиторъ, по подписаніи сентенціи презумомъ и членами, воспользовался именно тѣмъ, что они по листамъ дѣла не скрѣпили, вышилъ листы съ показаніями солдатъ и сентенціею, передѣлалъ ихъ такъ, что солдаты для себя украли кожу, заставилъ кого-то переписать солдатскія показанія, подписать ихъ, и затѣмъ самъ отвезъ на почту. А теперь вышло рѣшеніе: прогнать солдатъ сквозъ строй чрезъ 100 человекъ по два раза, а Давинъ остался совершенно чистымъ. Аудиторъ же взялъ за выручку Давина,—какъ онъ вчера самъ похвастался,—два куля солдатской же муки, да 10 р. деньгами.

По мѣрѣ того какъ старикъ рассказывалъ, я все внимательнѣе вслушивался, а когда онъ кончилъ—мурашки пробѣжали у меня по тѣлу, и въ головѣ все помутилось.

— Да, вы правду говорите, ей-богу правду! — почти закричалъ я, вскочилъ съ кровати и вбѣжалъ къ бесѣдовавшимъ.—Я самъ переписывалъ эти листы. Я завтра, нѣтъ, сейчасъ же побѣгу и расскажу все это крестному, казначею, чтобы избавили невинныхъ солдатъ отъ наказанія, — кипятился я. — Это безсознательно, подло!..

— Петя, Петя, опомнись, что съ тобой? — прервалъ меня Алексѣевъ, догадавшись, что я могу произвести скандалъ.—Мнѣ рассказали про оказію, какая была лѣтъ 20 тому назадъ, а не теперь,—продолжалъ она.—Ты вѣрно простудился—весь горишь, и я тебя нигде изъ дому не пущу. Эй, Иванъ! подай скорѣй кипятку и стаканъ: Петю лѣчить надо—захворалъ.

— Нѣтъ, Григорій Алексѣевичъ, я здоровъ и говорю такъ, какъ и они вотъ рассказывали вамъ про солдатъ, что украли для Давина кожу. Я все понималъ и молчалъ,—какъ вамъ угодно,—не стану: мнѣ жалко солдатъ.

— Полно, дружокъ! Право, полно молоть: тебѣ приснилось, вѣрно, что нибудь страшное, ты и волнуешься, — поддержалъ Алексѣева старикъ.—Сядь, очнись и по пустякамъ не шуми.

— Извините: и вы, и я правду говорили про солдатъ, и ежели не сегодня, такъ завтра я все донесу, непремѣнно донесу, потому нельзя за два куля муки и 10 руб. людей сквозъ строй гонять! Они вѣдь умрутъ отъ палокъ!..

— Если донесешь,—мы ого всего отопремся, и тебя же накажутъ за вранье.

— Ну, нѣтъ, не вранье: въ дѣлѣ мою руку всѣ узнаютъ: и я, и солдаты оправдаемся, а аудитору достанется.

— Доноси, доноси, только завтра, а сегодня пей вотъ чай, лягъ и пропотѣй хорошенько.

Отъ досады, что меня дурачатъ, что они точно могутъ ото всего отказаться, а также пзъ сожалѣнія къ солдатамъ, я расплакался. Меня кое-какъ уняли, напоили, уложили и я проспалъ до обѣда слѣдующаго праздничнаго дня, а, проснувшись, не могъ и головы поднять отъ боли: меня наканунѣ напоили пуншемъ... Я и проспалъ весь день. Впрочемъ, когда Алексѣева не было дома, Анна Михайловна застала меня больнымъ и разспросила. Я все рассказалъ ей, но и она убѣдила меня молчать о своемъ писаньѣ, чтобы самому бѣды не нажить. И однако не утерпѣлъ—сообщилъ свою тайну старшему писарю Григорьеву, но и онъ велѣлъ мнѣ молчать, говоря, что печѣмъ подтвердить справедливость моихъ словъ, такъ какъ дѣло изъ аудиторіата не вернули назадъ, и что Богъ накажетъ виновныхъ. Цѣлый мѣсяцъ слѣдилъ я потомъ ежедневно за приказами по полку, покуда, наконецъ, не вычиталъ о назначеніи времени для прогнанія солдатъ сквозъ строй. Наканунѣ этого страшнаго дня, я почти всю ночь продумалъ объ участи солдатъ, а въ 6 часовъ утра отправился въ манежъ и притаился, никѣмъ не замѣченный, за печкой.

Въ манежѣ рота солдатъ размахивала по воздуху длинными свѣжими палками, въ полъ-пальца толщины. Осужденныхъ вывели подъ конвоемъ на середину, въ капдалахъ. Ротѣ скомандовали «на краулъ». Точно изъ земли выросъ аудиторъ, громогласно прочелъ приговоръ и исчезъ. Осужденныхъ отвели на правый флангъ, приказали имъ скинуть съ себя все, кромѣ сапогъ и нижняго бѣлья, привязали руки къ ружейнымъ прикладамъ; по два здоровенныхъ солдата взяли за свободные концы прикладовъ и повели одного поодаль отъ другаго между двумя, широко раздвинутыми, шеренгами солдатъ; а тѣ, подъ оглушительные звуки барабановъ, стали стегать ихъ; офицеры же двигались сзади стегавшихъ, съ крикомъ: «крѣпче, крѣпче!»... Несчастные бросались изъ стороны въ сторону, падали; ихъ поднимали и влекли дальше... Брызги крови, клочья мяса летѣли на землю, а барабанный бой и свистъ палокъ потрясали воздухъ. Ото всего этого поднялись у меня дыбомъ волосы, помутило мой разумъ... Я выскочилъ изъ манежа и опрометью побѣжалъ по пустырю... Знавшие меня полковые мастеровые остановили бѣглеца возлѣ кузницы и допытывались, куда и зачѣмъ я бѣжалъ? Въмѣсто отвѣта—я ревѣлъ... Они подумали, что я рехнулся, и силою свели меня домой. Я свалился на кровать, уткнувъ голову въ подушку и зарыдалъ—отчаянно зарыдалъ, захлебываясь слезами... Безсильная жажда мести аудитору и Давину ¹⁾ терзала

¹⁾ Черезъ 19 лѣтъ послѣ наказанія солдатъ, Давинъ, живя въ Н., въ числѣ отставныхъ штабъ-офицеровъ, самъ призналъ, въ разговорѣ съ пишущимъ эти строки, правдивость разсказа о злосчастныхъ солда-

меня цѣлый день. Къ вечеру со мною сдѣлался истерическій припадокъ. Я прохворалъ цѣлую недѣлю и по ночамъ продолжалъ видѣть, какъ гоняли солдатъ сквозь строй...

Все это, какъ водится, постепенно прошло, тѣмъ болѣе, что Алексѣевъ привлекъ меня къ чтенію книгъ, по случаю предстоявшаго ему экзамена. Наканунѣ этого экзамена, онъ, не отставая отъ другихъ, снесъ «благодарность» священнику и инспектору классовъ и весь вечеръ прозубрилъ отвѣты на вопросы, заданные ему обоими къ утру. Затѣмъ, ради формы, произвели экзаменъ, и всѣ, натурально, выдержали его. По существовавшему издавна обычаю, будущіе офицеры (фельдфебеля и унтеръ-офицеры) собирали между собою 100 руб., Алексѣевъ прибавилъ отъ себя 300 рублей и всѣ отослалъ старшему писарю инспектора, да въ департаментъ—благодѣтелю, чтобъ ускорили производство; а самъ, въ ожиданіи офицерства, исподволь сдавалъ свою должность и заготовлялъ себѣ офицерскія вещи. Въ это же время Анна Михайловна сильно упрашивала его жениться на ней, но онъ обѣщалъ это сдѣлать по полученіи приказа. Наконецъ, прислали и приказъ. Изъ него мы увидѣли, что Алексѣевъ, въ чинѣ подпоручика, назначенъ не въ нашъ полкъ, какъ всѣ полагали, а въ армейскій. Онъ экипировался и задалъ для штабныхъ и ихъ семействъ послѣдній пиръ на славу. Когда гости таяцовали и играли въ карты,—нѣсколько человѣкъ пристали къ нему съ разспросами: почему онъ не остался у нихъ офицеромъ?

— Я и былъ къ этому представленъ,—молвилъ онъ,—но по моей просьбѣ люди добрые устроили мнѣ офицерство въ армію.

Всѣ удивились и пуце прежняго домогались узнать причину его увольненія изъ полка.

— Извольте, скажу; чуръ только не пенять за мою откровенность,—произнесъ онъ, торжественно.—Прослужилъ я штабнымъ 8 лѣтъ. Въ теченіе этого времени, чрезъ мои руки прошло множество денегъ и я, какъ и всѣ вы, не зѣвалъ — скопилъ тыщенокъ десять, значить, могу быть офицеромъ исправнымъ. Останься я здѣсь — офицеры - дворяне, помня, что я изъ солдатъ, не скоро примутъ меня въ свои знакомые, а чрезъ это я долженъ буду ежедневно казнить своимъ прошлымъ, когда отнынѣ я о немъ и слышать не хочу. Долго ли, коротко ли, а познакомлюсь же я, разумѣется, съ офицерами. — Глядя на мою обстановку, на мое хлѣбосольство, — они изъ зависти расславятъ, что я богачъ, обокралъ полкъ, и полѣзутъ ко мнѣ за деньгами: большинство офицеровъ—голь перекатная. Раздавать деньги въ долгъ — значить либо терять ихъ, либо враговъ наживать: платить никто не охотникъ... Жить, какъ я думаю, порядочно—надо съ хозяйской; она у меня, правда, есть, и разумная, и акуратная, и ловкая,

такъ, причемъ прибавилъ, что судьба и ему отплатила — параличъ разбилъ ему правую руку, а пожаръ истребилъ все значительное имущество, скопленное на службѣ, отчего онъ бѣдствуетъ съ семьей изъ шести человѣкъ, такъ какъ на двѣсти рублей пенсія жить почти невозможно.

но... Погодите: объ этомъ послѣ! Онъ оглянулся вокругъ и продолжалъ:—съ вами, сегодняшними друзьями, я завтра уже не знаюсь: не могу же я конфузить своего званія понибратствомъ съ нижними чинами. Встрѣчаешься мнѣ ты, напр. Карпенко, на улицѣ. Отвернувшись отъ тебя — мнѣ не приходится, а тебѣ снимать шапку и становиться предо мной во фронтъ — не понравится; поздороваться же съ тобой по товарищески мнѣ дисциплина не дозволяетъ. Ого всѣхъ этихъ неминуемыхъ неурядицъ и самое офицерство здѣсь, — по крайней мѣрѣ, сначала, — было бы мнѣ скорѣе въ тягость, чѣмъ въ радость. Я и предпочелъ убраться въ армию. Службу и благородное обращеніе я знаю, денежки въ карманѣ есть, въ формуляръ мой не всякаго дуэсть заглядывать, и голыми руками меня никто не хватаетъ! Я и заживу, припѣваючи. А тамъ... офицеръ я статный, здоровый, зазудится какойнибудь пухленькой барышнѣ съ капитальцемъ или деревенькой, — и я выгодный женихъ... Отыщутся у нея знатные родственники и я съ протекціей: пойдутъ мнѣ чины, почетъ и слава...

— Отлично вы, Григорій Алексѣвичъ, разочли, право, отлично, — одобрилъ одинъ изъ слушателей. — Ловко, вѣрно все разобрали, — подхватилъ другой.

— Разказалъ ты, Григорій Алексѣвичъ, дѣйствительно отлично, но только не по совѣсти думаешь поступить, — возразилъ писарь Иваиовъ. — Толковать о выгодной женитьбѣ тебѣ не приходится: ты связанъ съ Анной Михайловной, на ней и долженъ теперь жениться: она тебѣ будетъ честной, хорошей женой; бросать же ее тебѣ стыдно, грѣшно, очень грѣшно! На этомъ пунктѣ ты, кажется, играешь безпутными словами.

— Непрогивъ: все сдѣлаю именно такъ, какъ говорилъ, — настойчииво отвѣтилъ разболтавшійся полупьяный Алексѣевъ. — Съ Анюты довольно и того, что я ее изъ нищеты вытащилъ, 6 лѣтъ роскошно содержалъ и обогатилъ. Я общался, — не отпираться, — и жениться на ней, но... но мало ли что изыскъ нашъ, врагъ нашъ, сулитъ въ горячую минуту?!.. Я ее ни въ чемъ не хаю, нѣтъ, но быть моей женой теперь ей не удастся: я — офицеръ, она — мѣщанка, а офицерамъ жениться на простыхъ неудобно; переписывать же ее въ купчихи и потомъ на ней жениться — надо употребить немало хлопотъ и денегъ, да еще за это потомъ страдать!.. Она, по женской болтливости, хоть по секрету, а непременно разскажетъ офицерамъ о нашемъ давнишнемъ сожительствѣ; тѣ, какъ сороки на хвостахъ, разнесутъ во всѣ стороны, задерутъ предъ ней носъ, а она тоже съ гоноромъ — не уступить, и пойдетъ перепалка!.. Мало того: здѣшніе же не только полковой, но и батальонные командиры никого изъ нашего брата, офицеровъ, которые женаты на простыхъ, никогда съ женами не приглашаютъ къ себѣ, хотя между ними и есть, какъ Анюта, женщины гораздо лучше, чѣмъ изъ благороднаго сословія. Стало быть... стало быть, овчинка не стоитъ выдѣлки. Право, такъ... Я и дамъ Анютѣ, сколько могу, денегъ, и оставлю ей все свое хозяйство, — маѣ возиться съ нимъ неудобно. Скажу ей: «какъ устроюсь на мѣстѣ, выпишу тебя къ себѣ и женюсь»; да и удеру

отсюда, а тамъ прощай, матушка, живи себѣ по добру, по здорову-да не поминай лихомъ. Вотъ и все-съ... Больше толковать и хлопотать о ней ни мнѣ, ни вамъ не стоитъ: она сама себѣ проторить дорогу.

— Да, обо мнѣ дѣйствительно ни толковать, ни хлопотать не стоитъ: я никого объ этомъ и не прошу, — гнѣвно заговорила внезапно вошедшая Анна Михайловна. — Я все подслушала и скажу тебѣ при всѣхъ, что меня ни деньгами, ни хозяйствомъ купить нельзя: я своими чувствами не торгую, а за деньги, накраденныя тобой, въ особенности. Я могу, правда, заставить тебя жениться на мнѣ: у насъ есть сынокъ, который воспитывается у тетки, чтобы не было огласки; но послѣ всего, что ты наболталъ тутъ, я сама твоей женой быть не желаю. Я ненавижу тебя, проклятаго...

— Неуж-жели? — презрительно отозвался Алексѣевъ, побагровѣвъ отъ злости. — Велика фря... мѣщанка, дрянъ!...

— Ежели я дрянъ, то ты-то кто? — запальчиво перебила она, подступая все ближе и ближе къ нему. — Ты — воръ, мошенникъ, подлецъ, вотъ кто ты! Вотъ тебѣ, вотъ!...

Съ быстротою молніи сорвала она съ плеча Алексѣева эполетъ, хлестнула его этимъ эполетомъ по щекѣ, швырнула въ лицо, вихремъ вылетѣла изъ комнаты и захлопнула дверь такъ сильно, что стекла задрожали. Алексѣевъ и окружавшіе его товарищи стояли и сидѣли, точно истуканы.

«Чудесно!» «Подлость!» «Умно отплатила за обиду!» «Переломать ей всѣ бока!» «Такъ васъ, измѣнщиковъ, и надо!» — потрясали воздухъ мужскіе и женскіе голоса.

Всѣ раскричались и затѣяли между собою ругань, но кто кого хвалилъ, кто кого бранилъ — нельзя было разобрать. Не прошло и десяти минутъ, какъ въ квартирѣ остались только Алексѣевъ, я и слугитель: всѣ буквально разбѣжались, изъ опасенія драки, которую непременно бы устроили. Алексѣевъ въ безсильной злобѣ разорвалъ въ клочья свой новенькій скюртукъ и долго скрежеталъ зубами, ругался, наконецъ выпилъ стакана четыре рому и уснулъ... А на слѣдующій день онъ привелъ торговца, продалъ за безцѣнокъ всю мебель, посуду и проч., молча уложилъ свои вещи въ чемоданы и, не простившись даже со мной, уѣхалъ въ армію. Черезъ день я пошелъ было навѣстить Аню Михайловну, но и она, какъ оказалось, отправилась къ теткѣ и сыну, верстъ за 200, въ уѣздный городъ.

IV.

Я горько поплакалъ втихомолку о потерѣ своей покровительницы, которую любилъ, потужилъ о сытомъ прошедшемъ и мало по малу примирился съ наступившимъ для меня скуднымъ временемъ. — Преемникъ Алексѣева оказался скареднымъ, подозрительнымъ и грубымъ человѣкомъ. Правда, и къ нему вскорѣ же повадилась ходить его возлюбленная, но это была женщина без-

грамотная, себялюбивая, непривѣтливая, словомъ, подстать своему «воздахтеру».

Долго тужить мнѣ, однако, не пришлось: канцелярія получила приказаніе готовиться къ инспекторскому смотру ¹⁾. Насъ заставили работать часовъ по 18 и больше въ сутки. Мы даже шнуровыя книги подписывали за отсутствовавшихъ офицеровъ, но, чтобы подложность подписей не бросалась рѣзко въ глаза, — мы сначала поддѣлывались подъ ихъ почерки на чистой бумагѣ, а потомъ, когда сходство казалось достигнутымъ — расчеркивались въ книгахъ и майорами, и капитанами, и прочими чинами и фамиліями. Наконецъ, пожаловалъ и инспекторъ, старый, чрезмѣрно большаго роста и тучности, даже страшный генераль-лейтенантъ Боровъ, со своимъ постояннымъ спутникомъ, писаремъ Готовымъ. Останавливался инспекторъ всегда въ губернаторскомъ домѣ, сутки отдыхалъ съ дороги, а на другія начиналъ свои разнообразныя, безконечныя ученія ²⁾; ревизію же хозяйственной и административной частей предоставлялъ онъ Готову, а тотъ самовластно распоряжался всѣмъ, какъ хотѣлъ.

И вотъ, въ то время, когда отъ полковника до послѣдняго прапорщика всѣ офицеры были на фронтовомъ смотрѣ солдатъ и кантонистовъ, — къ канцеляріи подѣхалъ въ коляскѣ на парѣ воронихъ могущественный писарь и вошелъ въ прихожую въ запретной «сѣронѣмецкой» тонкой шинели, въ бѣлоснѣжныхъ замшевыхъ перчаткахъ и въ калошахъ. Все это съ него почти-тельно сняли и со всѣхъ сторонъ поклонились ему. Онъ остался въ отличномъ тонкомъ сюртукѣ съ галунами, привѣтливо отвѣчалъ всѣмъ на поклоны, скромно прошелъ къ намъ и поздоровался, какъ знакомый, съ крѣстнымъ. Затѣмъ онъ сѣлъ на канцелярское кресло, досталъ серебряный портсигаръ и закурилъ папиросу. Ароматный дымъ пошелъ по комнатѣ. Всѣ чиновники, учителя и старшіе писаря окружили Готова. Кто-то приказалъ рядовымъ и кантонистамъ удалиться изъ комнаты. Примѣру другихъ и я было послѣдовалъ, но Готовъ подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ: какъ меня зовутъ? Я отвѣтилъ. Онъ назвалъ меня молодцомъ.

— Это, Александръ Ивановичъ, мой крестникъ, — пояснилъ Паловъ. — Я насклу добился позволенія взять его изъ роты: полковникъ прочилъ его во фронтовики.

1) Къ смотрамъ бригаднаго командира всѣ относились равнодушно. Тихій генераль Котрасенко являлся дважды въ годъ, обыкновенно одинъ производилъ фронтовое ученіе, обходилъ казармы, подписывалъ, едва ли читая, заготовленныя отъ его имени, у насъ же, хвалебныя донесенія начальству о состояніи полка, получалъ отъ командировъ, сколько ему полагалось на дорогу, и мирно уѣзжалъ восвояси.

2) Какъ вообще велъ себя этотъ инспекторъ, — подробно рассказано въ „Многострадальныхъ“. Впослѣдствіи читатели, впрочемъ, ознакомятся еще съ этимъ оригинальнымъ дѣятелемъ былыхъ временъ. Авторъ слышалъ не разъ, будто Грибоѣдовъ именно съ него списалъ Фамусова.

— Не хотите ли, Иванъ Ивановичъ, отдать его мнѣ, въ штабъ? Я вѣдь скорѣе вашего нашью ему галуны.

— Благодарю васъ за вниманіе, но воспользуюсь имъ черезъ годъ-другой, когда онъ хорошенько научится писать, а то онъ васъ затруднитъ.

— Нисколько. Впрочемъ, настаивать не буду: онъ вамъ ближе, чѣмъ мнѣ. Выправишь почеркъ—напиши мнѣ, что желаешь въ штабъ, и я тебя тотчасъ же вытребую,—прибавилъ онъ мнѣ.—Покуда же сядь, дружокъ, на свое мѣсто.

Онъ погладилъ меня по головѣ. Въ это время мнѣ блеснули въ глаза брилліанты его колець и запонокъ. Былъ онъ среднихъ лѣтъ и невысокаго роста, гладко выбритъ, бѣлокуръ, напомаженъ и надушенъ такъ, что отъ него издали отлично пахло. Онъ началъ спрашивать: какъ кто поживаетъ, служить? Ему жаловались на притѣсненія, жестокость Деймарна и Безшабашнева, и просили его защиты. Онъ все внимательно выслушивалъ и общалъ. Одинъ изъ учителей попросилъ произвести его поскорѣй въ чиновники, такъ какъ онъ уже давно выслужилъ срокъ.

— Когда же, наконецъ, васъ-то, Александръ Ивановичъ, произведутъ?—освѣдомился кто-то, когда Готовъ обнадежилъ и учителя.

— Тогда, когда генераль перестанетъ быть инспекторомъ,—отозвался онъ, улыбаясь.—Генераль, какъ я къ нему ни пристаю о чинѣ,—и слышать ничего не хочетъ: «я, говоритъ, привыкъ тебя видѣть въ галунахъ, а какъ надѣнешь сюртукъ—жизнь мнѣ отравишь; отпустить же тебя съ чиномъ тоже не могу: правой руки лишусь. Если—говоритъ—нужны деньги—бери, сколько хочешь; почетъ, уваженіе тебѣ вездѣ такія же, какъ мнѣ, семья твоя во всемъ обезпечена, и довольно съ тебя, а коли, говоритъ, мало чего,—проси: все, кромѣ чина, дамъ, выхлопочу». А мнѣ именно чина только и недостаетъ! Правъ учиться въ гимназіи—сыну моему уже предоставлено не въ примѣръ прочимъ; изъ солдатскихъ дѣтей онъ тоже исключенъ, но все таки безъ правъ. На это генераль обыкновенно отзывается: пусть мальчикъ растетъ, а при удобномъ случаѣ я лично у государя выпрошу дворянство твоему сыну, какъ моему крестнику. И это онъ навѣрное сдѣлаетъ. Какъ, однако, странно: другимъ въ чемъ угодно могу помочь; не было еще дѣла, котораго генераль не сдѣлалъ бы по моему желанію, а на моемъ чинѣ—я совершенно безсиленъ!.. Мало того: въ прошломъ году бригадные командиры нарочно для меня пріѣзжали за 1000 верстъ поздравить генерала со днемъ его ангела. Онъ былъ чрезвычайно веселъ и за обѣдомъ оба бригадные, два генеральскихъ сына, дочь и почти всѣ гости единогласно, при мнѣ, просили его о моемъ чинѣ, но онъ наотрѣзъ всѣмъ отказалъ! Вотъ подите же...

Слушатели выразили соболѣзнованіе Готову. Пришли со смотра: сперва—Курочкинъ и Звонаревъ (они уже являлись къ Готову съ поклономъ), потомъ Безшабашневъ, который почтительно

раскланялся предъ Готовымъ и съ подобострастіемъ пожалъ ему руку.

— Отчего вы, г. адъютантъ, до сихъ поръ не представили Михайлова къ чину, когда онъ давно уже выслужилъ срокъ и, какъ я знаю, отлично служить?—начальническимъ тономъ спросилъ Готовъ.

— Извините, Александръ Ивановичъ, не успѣли, — почти-тельно оправдывался Безшабашневъ, — да это и зависить не отъ меня, а отъ полковника.

— Такъ доложите г. полковнику, что мы ждемъ этого представленія послѣ завтра же.

— Слушаюсь, исполню.

— Къ намъ въ Москву доходятъ свѣдѣнія, что вы издѣваетесь надъ писарями. За это вы намъ тоже отвѣтите, если не перестанете...

Безшабашневъ побагровѣлъ. Вошли подполковники, майоры, капитаны и т. д., причемъ всѣ съ благоговѣніемъ спѣшили пожать руку Готову, сказать ему любезность и пригласить къ себѣ въ гости. Онъ же, — тотъ, по формѣ, солдатъ, — величественно продолжалъ покуривать при офицерахъ, и принималъ ихъ привѣтствія съ полнымъ сознаниемъ своего могущества. Наконецъ, самъ Деймарнъ, — тотъ гордый, надменный нѣмецъ, — также поздоровался съ Готовымъ, взявъ его подъ руку, походилъ съ нимъ по комнатѣ и удалился.

— Вы, Александръ Ивановичъ, гдѣ сегодня изволите обѣдать? — спросилъ подполковникъ Бабаевъ.

— Какъ всегда, въ первый день смотра у казначея, если память вамъ, Сергѣй Николаевичъ, не измѣнила, — смѣясь, отвѣтилъ Готовъ. — Надѣюсь, по прежнему, сидѣть рядомъ съ вами за столомъ.

— Да, да, непременно такъ, — подхватилъ Курочкинъ. — Угощу ужъ васъ, господа, на славу, какъ казначей — вѣроятно, послѣдній разъ.

— Будьте, Александръ Ивановичъ, столь добры: примирите дорогаго нашего казначея съ полковникомъ, а то казначей хочетъ насъ покинуть, — вмѣшался майоръ Черевскій.

— Я уже слышалъ; къ сожалѣнію, все слышалъ, и, если мое стараніе примирить ихъ не увѣнчается успѣхомъ, — то наградимъ казначея чиномъ, либо орденомъ, на выборъ, за его отличную службу. Я ужъ докладывалъ объ этомъ генералу. Заставить полковника круто измѣнить свою систему управленія — генералъ затрудняется: полковникъ самъ расплагуетъ въ Петербургѣ значительную силу.

— И квартирмейстера, Александръ Ивановичъ, тоже, пожалуйста, не забудьте: онъ тоже намѣренъ отказаться отъ должности, — заявилъ Звопаревъ. — Видите, до чего дожили мы? кормилцы наши бросаютъ насъ, — значить, тяжела шапка Мономаха.

— Богъ милостивъ, все уладится. Генералъ вѣрно уже сдѣлалъ свои визиты и ждетъ меня, — заявилъ Готовъ, взглянувъ на свои глухіе золотые часы. — До свиданія, господа, до обѣда.

На другой день пріѣхали въ одной коляскѣ инспекторъ и Готовъ. Въ дверяхъ канцеляріи ихъ встрѣтило все полковое начальство. Инспекторъ подаль руку только Деймарну, зато при немъ же все начальство перездоровалось за руку съ Готовымъ.

— Казначей и квартирмейстеръ—ваши старые пріятель,— забасилъ инспекторъ,—поэтому мы ихъ провѣримъ дома, а вотъ адъютанта проревизуй, Александръ Ивановичъ, хорошенько здѣсь. Ступай, займись съ нимъ, а меня, полковникъ, пустите на минуту взглянуть на казначея, квартирмейстера и педагога Палова съ его крестникомъ, котораго я въ ординарцахъ, къ сожалѣнію, сегодня ужъ не видалъ.

Онъ вошелъ, чрезъ настежъ растворенныя двери, къ намъ.

— Здравствуйте, ребята!—заговорилъ онъ.

Нижніе чины и кантонисты гаркнули: «здравія желаемъ, ваше превосходительство», а чиновники и офицеры низко поклонились ему. Онъ подаль руку казначею, квартирмейстеру и крестному.

— Ты, братъ Курочкинъ, отъ казначейства не отказывайся,— продолжалъ онъ.—Офицеры всѣ тебя любятъ, мы тоже, а полковникъ, хоть и строгоекъ, но тоже не обидитъ тебя.

— У меня, ваше превосходительство, глаза ослабли, поэтому мнѣ необходимо отдохнуть,— заявилъ Курочкинъ.—Я не сомнѣваюсь въ справедливости г. полковника, а вамъ въ высшій степени признателенъ за лестное ко мнѣ вниманіе, но я утомился...

— Я больше тебя утомился, но еще служу, а ты вѣрно побарствовать хочешь съ молодою женою, благо разбогатѣлъ по ея милости. Ужъ, вечеромъ, я съ Александромъ Ивановичемъ пріѣду къ тебѣ чай пить и поговорю съ твоей женой. Вѣдь я помню еще тебя кантонистомъ, потомъ рядовымъ, унтеръ-офицеромъ, фельдфебелемъ, а теперь ты поручикъ, стало быть, не пожалѣешь для меня чаю-сахару.

— Весь вѣкъ буду отъ души благодаренъ вашему превосходительству, если удостоите посѣтить меня.

— Удостою, непременно удостою, да еще гостей назову къ тебѣ,—твоихъ же, впрочемъ, и Александра Ивановича пріятелей: тебя, Звонаревъ, и тебя, Паловъ.

Оба поклонились инспектору въ знакъ согласія.

— А зачѣмъ ты, Паловъ, лишилъ меня ординарца,—въ этомъ клопѣ?—адресовался онъ къ крестному, указывая на меня.—Онъ со временемъ былъ бы вѣдь отличнымъ офицеромъ, а ты посадилъ его бумагу марать.

— Онъ,—простите великодушно, ваше превосходительство,— не чувствуетъ склонности къ фронту, а здѣсь я сдѣлаю изъ него хорошаго писаря.

— Конечно, для моего штаба. Буду ждать его къ себѣ. Подика сюда, клопъ.

Я мгновенно выскочилъ изъ-за стола и вытянулся передъ нимъ въ струнку.

— Покажи-ка мнѣ съ лѣвой ноги портянку?

Я снялъ сапогъ и исполнилъ приказаніе.

— Чиста. Надѣнь. Да покажи мнѣ подкладку своей куртки.

Я и это исполнилъ.

— Быстро и опрятно. Хорошо. А не знаешь ли,—продолжалъ онъ, пока я одѣвался,—сколько получаетъ казначей жалованья?

— По чину поручика 380 руб. въ годъ, ваше превосходительство.

— А если казначей смѣнится, можешь ты его мѣсто занять?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Отчего же нѣтъ-съ?

— Оттого, ваше превосходительство, что казначеемъ долженъ быть офицеръ, а я—кантонистъ.

— Развѣ?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.

— Какой я имѣю чинъ?

— Генералъ-лейтенанта, ваше превосходительство.

— Учись скорѣй, вырастай и я тебя также сдѣлаю казначеемъ. Офицеромъ-то ты, конечно, надѣешься быть со временемъ?

— Плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть и генераломъ, потому...

— Откуда ты это знаешь?

— Изъ артикуловъ, ваше превосходительство.

— А кто это первый сказалъ?

— Генералъ-фельдмаршалъ князь Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій, ваше превосходительство.

— Bravo, bravo. Непремѣнно произведу тебя.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство, за доброту вашу.

— А отъ кого ты слыжалъ, что я добръ?

— Отъ всѣхъ здѣшнихъ своихъ начальниковъ, ваше превосходительство.

— Пересчитай-ка мнѣ: кто тутъ твои начальники?

— Полковой командиръ, господинъ полковникъ и кавалеръ Деймарнъ; казначей, поручикъ Курочкинъ; губернский секретарь Паловъ и старшій писарь Алексѣй Григорьевъ.

— Григорьевъ! Правда, что ты считаешь меня добрымъ?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство,—произнесъ Григорьевъ,—даже очень добрыми.

— Спасибо.

— Радъ стараться, ваше превосходительство.

— А кѣмъ тебѣ приходится этотъ вотъ губернский секретарь Паловъ?

— Крѣстнымъ отцомъ, ваше превосходительство.

— Ну, разужилъ ты меня своими знаніями. Молодецъ, а тебя, Паловъ, благодарю, что отлично вышколилъ крестника. Благодарю. Накорми его за это пирожнымъ.

Онъ протянулъ крѣстному руку, которую тотъ почтительно пожалъ, потомъ весело и величественно ушелъ, сопровождаемый полковникомъ и майорами. Послѣ ухода инспектора, всѣ меня расхвалили за бойкіе отвѣты и радовались благосклонному вниманію инспектора.

Тѣмъ временемъ Готовъ ревизовалъ адъютантскую часть, сидя въ креслахъ, а Безшабашневъ стоялъ передъ нимъ. Первый придирался къ послѣднему, говорилъ ему колкости, вразумлялъ его не обижать писарей; послѣдній краснѣлъ, блѣднѣлъ, точно также, какъ передъ нимъ писаря. Смотръ продолжался недѣлю. Въ теченіе этого времени, переносили и перевозили къ Готову множество дѣлъ, книгъ; писали и суетились до упаду. Чѣмъ сердитѣе бывали инспекторъ и Готовъ,—тѣмъ больше первый дѣлалъ ученій и распекалъ начальство, а послѣдній сильнѣе рылся въ дѣлахъ, надергивая въ нихъ больше упущеній. Смотри по количеству найденныхъ грѣховъ, обоимъ приносилось вознагражденіе изъ «благоразумной экономіи»¹⁾. По окончаніи каждаго смотра, къ инспектору отправляли цѣлые обозы суконъ, холста, всякой рыбы, икры и проч., причемъ все, даже лошади, оставалось въ его пользу. Такъ было поступлено и на этотъ разъ.

Когда все приняло обычный, будничныи видъ—въ казначей, поступилъ поручикъ Мифоровъ (изъ дворянъ), человѣкъ образованный, дѣловой и спокойный. Отъ него и отъ квартирмейстера Деймарна отобралъ всѣ мастерскія и связанныя съ ними хозяйственную часть и денежныя операціи, которыя поручилъ почти безграмотному прапорщику Тургурову (изъ солдатъ), чтобы тотъ не могъ ничего утаивать. Отъ этого у насъ значительно уменьшилось работы. Мы и стали ходить, съ разрѣшенія начальства, въ статисты въ городской театръ, за что намъ платили по 7 к. за спектакль. Театръ чрезвычайно заинтересовалъ меня, хоть я почти не понималъ смысла игравшихся пьесъ. Играли, случалось, и такія пьесы, которыя просто пугали меня. Былъ въ то время актеръ Рыбаковъ, величайшаго роста, тучный и широкоплечій. Въ «Велизарій» онъ являлся на сценѣ въ оковахъ, и такъ звенѣлъ ими, что я дрожалъ отъ страха. Однажды роль «Отелло» игралъ Ольриджъ. Задушивши на сценѣ Дездемону, онъ стоналъ и рычалъ, какъ левъ, а черное звѣрское лицо, оскаленные зубы и сверкавшіе глаза его до того поразили меня, что я со страху убѣжалъ изъ театра.

Въ антрактахъ, за кулисами, около молоденькихъ красивыхъ актрисъ постоянно увивались разные франты; но они мигомъ исчезали, когда туда являлся губернаторъ съ адъютантомъ. Оба они заигрывали съ актрисами, прислуживали имъ, поили ихъ виномъ, кормили конфетами, обнимали, а иногда и цѣловали ихъ при всѣхъ. Въ свою очередь, и актрисы ласкались къ нимъ, дружески бранили, толкали, щипали, роняли ихъ на полъ и даже садились на нихъ... Однажды губернаторъ, бѣгая по сценѣ за актрисою (занавѣсъ былъ опущенъ)—толкнулъ меня такъ сильно, что я упалъ.

— Ты ушибся?—съ участіемъ спросила меня виновница моего паденія, когда я поднялся.

¹⁾ Она была такъ велика, что Деймарнъ, 8 лѣтъ сряду, отсылалъ въ банкъ открыто, для приращенія процентамъ, по 20—30,000 р.

— Нѣтъ, ничего-съ... не беспокойтесь...

— Дайте, князь, этому мальчугану пять рублей за то, что обидѣли его напрасно.

— Охотно исполнилъ бы твое желанье, милая шалунья, да, въ сожалѣнію, не могу.

— Почему? Я вамъ приказываю, слышите ли? сію секунду приказываю раскошелиться.

— Приказаніе это неисполнимо: при мнѣ денегъ нѣтъ.

— Ха-ха-ха! Губернаторъ, генералъ, князь не имѣетъ 5 р.?!. бѣд-дневнѣй! Одолжите, господа, князю 5 р. на нужду,—потѣшалась она.

— Я пошлю занять отъ вашего имени у княгини,—трещала другая.—Она вонъ въ ложѣ и, вѣроятно, не откажется выручить муженька.

— Княгиню, проказница, не поминай: между нами ее называть запрещ-щаю,—вступился князь, смѣясь.

— Что, боитесь ея, боитесь?—дразнила его третья.—Она васъ за ухо выдеретъ,—вотъ такъ, такъ.—Она подергивала его кокетливо за ухо.

— Разыщите мнѣ моего адъютанта. Куда это онъ запропастился?—скомандовалъ князь.

— Что прикажете?—отликинулся адъютантъ, вывернувшійся изъ-за кулисъ, гдѣ снѣ тоже возился съ актрисами.

— Затени, пожалуйста, этимъ трещоткамъ ихъ горлышки пятью рублями.

— Съ удовольствіемъ.

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, чтобы достать 5 р., но актрисы обступили его, выхватили у него бумажникъ, мигомъ разобрали изъ него деньги, удѣлили изъ нихъ намъ, статистамъ, 10 руб., а бумажникъ возвратили ему назадъ. Глядя на возню актрисъ, спѣшившихъ прятать добычу: одна за лифъ платья, другая—за чулокъ, третья—въ волосы и т. д., губернаторъ и его адъютантъ покатывались со смѣху.

— За то, что вы его ограбили,—я велю васъ отправить ужъ въ полицію и тамъ, чикъ-чикъ, посѣчь!—пригрозилъ губернаторъ.

— Ну, ужъ это дудки, мы васъ самого высѣчемъ. Эй, господа, тащите князя ко мнѣ въ уборную на расправу..

— Въ уборную я самъ пойду съ вами, сороки.

— И прекрасно: я уже распорядился принести туда фруктовъ и шампанскаго,—заявилъ адъютантъ.—За одно ужъ, голубушки, кутнемъ и закаемъ.

Всѣ весело побѣжали со сцены.

— Хорошо бы почаще красненькія получать,—рѣшили мы, возвращаясь въ казармы.

V.

Былъ февраль мѣсяцъ. Морозъ смѣнялся оттепелью, снѣгъ—дождемъ и наоборотъ; короче, погода стояла скверная.

— Въ походъ, на войну!—вдругъ пронеслось по канцеляріи,

по казармамъ и по городу. Слова эти ошеломили всѣхъ военныхъ, въ томъ числѣ и меня.

Всѣ маршировочныя, ружейныя и артикульныя ученія сразу замѣнились сборами «въ походъ, на войну». Солдаты обрадовались внезапному прекращенію ежедневныхъ муштровокъ, сопровождавшихся жестокими кулачными, шомполными и палочными расправами. Кромѣ того, они надѣялись втихомолку, на войнѣ, отомстить большинству офицеровъ. Изъ офицеровъ, одни—трусилы, другіе—смягчались, а третьимъ—не хотѣлось разставаться со своими семействами. Полкъ предназначался въ походъ впервые со времени его сформированія, а потому никто изъ начальства не зналъ, какъ и что слѣдуетъ предпринимать? Канцелярія торопливо сортировала дѣла, намѣчала, какія взять съ собой, готовила маршруты, продовольственные расчеты, различныя донесенія и отношенія. Служившихъ въ канцеляріи тоже раздѣлили на идущихъ въ походъ и остающихся на мѣстѣ. Мнѣ, какъ человѣку съ протекціею,—представлено было на выборъ; но я самъ пожелалъ въ походъ. Крѣстный спросилъ меня о причинѣ моего желанія.

— Всѣ идутъ и мнѣ позвольте... здѣсь остается только дрянъ, брякнулъ я.

— Такъ и я, значить, дрянъ? Я тоже остаюсь,—пояснилъ онъ.—Не ожида-далъ я отъ тебя...

— Нѣтъ-съ, я про писарей, а не про васъ говорю. Сдѣлайте милость, пустите меня...

Онъ согласился и наканунѣ выступленія, вечеромъ, благословилъ меня образомъ, далъ мнѣ 10 р. на дорогу, а жена его—мѣшокъ съ разными необходимыми вещами. Рано утромъ, всѣ три батальона солдатъ въ тяжелыхъ каскахъ, съ ранцами, наполненными вещами, съ тяжелыми кремневыми ружьями въ рукахъ, стояли въ шинеляхъ фронтомъ предъ соборомъ, на площади возлѣ губернаторскаго дворца. Отслужили молебенъ, архіерей окропилъ всѣхъ святою водою, произнесъ приличное случаю напутствіе и пожелалъ намъ «одолѣть враговъ». Губернаторъ выпилъ за здоровье полка, за нимъ предводитель и другія гражданскія власти, потомъ всѣ офицеры. Солдатамъ также поднесли угощеніе—по чаркѣ водки, по калачу и по куску вареной говядины на человѣка, на счетъ раскольника Бубнова. Батальоны раздѣлились по-ротно, роты по отдѣленіямъ, и, по командѣ «маршъ»—3,600 строевыхъ солдатъ тронулись со своими командирами въ путь подъ веселые звуки музыки и пѣсень, сверкая вычищенными ружьями, касками, ранцевыми ремнями, манерками и пуговицами на шинеляхъ. За строевыми поплелись кучками писаря, учителя, рядовые, кантониисты-писаря, пѣвчіе и музыканты (кантонистовъ было до 60 человѣкъ), а сзади всѣхъ двигался длиннѣйшій полковой обозъ, подводъ въ 200. Насъ нагоняли и обгоняли кареты, брички, сани съ дамами и кавалерами, провожавшими своихъ мужей, сыновей, родственниковъ и друзей-офицеровъ.

Первыя 10 верстъ до привала всѣ прошли бодро, весело. На привалѣ офицеры окончательно распрощались съ близкими людь-

ми, полкъ раздѣлили на эшелоны и отправили ночевать: первый—за 20, второй—за 15, а третій—за 10 верстъ, чтобы въ дальнѣйшей дорогѣ не стѣсняться выборомъ мѣстъ для ночлеговъ. Эшелонные или батальонные командиры получили разрѣшеніе уѣзжать со станціи на станцію; ротныхъ обязали ѣхать впередъ или сзади своихъ ротъ; субалтернъ-офицерамъ приказали шествовать вмѣстѣ съ солдатами, а намъ, занимавшимся въ канцеляріи, предписано было слѣдовать при послѣднемъ эшелонѣ; командиръ же эшелона разрѣшилъ намъ идти какъ вздумается (солдатъ велѣли вести фронтомъ и по четыре версты въ часъ), съ тѣмъ чтобы ночевали мы непременно тамъ же, гдѣ онѣ, и чтобы старшіе писаря поочередно, утромъ и вечеромъ, рапортовали ему о состояніи нашей команды. Нести на себѣ обязывались мы только то, въ чемъ были одѣты (въ шапкахъ, наушникахъ, шинеляхъ; подъ шинелями—скуртуки или куртки), поэтому мы безъ затрудненія отшагали первую станцію, добрались до отведенныхъ намъ, на 40 человѣкъ, двухъ избъ, поѣли кто что имѣлъ, и заснули богатырскимъ сномъ. Въ 6 часовъ утра раздался по деревнѣ пронзительный барабанный бой. Мы съ трудомъ поднялись, умылись на дворѣ выпавшимъ свѣжимъ снѣгомъ, позавтракали, уложили свои пожитки на двѣ подводы и пустились дальше по рыхлому снѣгу, превращавшемуся подъ нашими ногами, по случаю оттепели, въ жидкую кашу.

Вслѣдствіе молодости солдатъ, для поддержанія ихъ силъ, разрѣшили отпускать ежедневно на человѣка по фунту мяса и по 2 чарки водки, а слабосильныхъ и поклажу—вести на обывательскихъ подводахъ. Но всѣ начальники старались наживаться; поэтому, со второй же станціи, солдатамъ давали: мяса—едва по полуфунту, а водку только въ самые ненастные дни. Садиться на подводы—никому не позволялось до окончательнаго изнеможенія; число подводъ брали на половину меньше, чѣмъ полагалось по числу людей; контрмарки же выводили въ расходъ всѣ по положенію. Ранцы съ вещами заставляли солдатъ нести на себѣ, также какъ и каски, ружья и аммуницію. Всѣ вещи и даже пуговицы солдаты ежедневно чистили, какъ и дома,—чтобы и въ пути онѣ блестѣли, какъ на смотру, хотя никто ихъ и не видѣлъ. Не смотря, однако, на тяжесть путешествія, солдаты все таки предпочитали походную жизнь—казарменной, потому, преимущественно, что о наказаніяхъ почти не стало слышно. Безотлучное пребываніе офицеровъ при солдатахъ сближало обѣ стороны между собою, вынуждало первыхъ относиться къ послѣднимъ снисходительно, какъ отъ собственного утомленія, такъ и изъ чувства самосохраненія: темными утрами и вечерами, дорогою и въ деревняхъ, очень легко было,—какъ доказывали два-три случая,—безнаказанно поколотить и даже убить любаго изъ офицеровъ. Суровое воспитаніе и содержаніе солдатъ развивало въ нихъ зависть и ненависть ко всѣмъ, какъ говорили, «вольнымъ людямъ», а дурные поступки офицеровъ вызывали подражателей среди солдатъ. По примѣру офицеровъ, и солдаты смотрѣли на крестьянское имущество, какъ на военную добычу; а

поэтому все, что попадалось на глаза и годилось въ дѣло, офицеры отбирали на ночлегахъ силою, а солдаты—крали; зависимость же и приниженность крестьянъ лишали всякой защиты не только ихъ скорбь, но даже и женъ, и дочерей отъ насилій постояльцевъ. Крестьяне и называли наше войско «ордою». Горячую пищу варили для всѣхъ, въ томъ числѣ и для насъ—очень плохую, и притомъ за версту отъ деревень, куда мы, по очереди, ходили за нею съ ведрами и приносили на квартиры просто уже холодное пойло, въ которомъ и скверные сухари не размокали. Оттого мы съ голоду и потаскивали что попало. Спали мы въ тѣснотѣ, грязи, часто на голомъ полу. На дневкахъ мы цѣлые дни писали (однихъ строевыхъ рапортовъ о «благополучномъ прослѣдованіи» изъ каждаго города посылалось до 50), потомъ мыла свое бѣлье и чинили рваное платье. При вступленіи въ городъ, насъ встрѣчали Деймарнъ и Безшабашневъ (казначей и квартирмейстеръ уѣхали впередъ, прямо въ Москву), при этомъ первый тщательно осматривалъ, какъ и во что одѣты мы, мальчишки, а за неисправность—приказывалъ взыскивать и съ насъ, и съ нашихъ старшихъ; адъютантъ же по прежнему издѣвался надъ своими писарями, просиживавшими надъ работою за полночь.

Въ теченіе двухъ недѣль, походъ до крайности заморилъ насъ: холодъ, голодъ, слякоть, усталость и дурное обхожденіе,—все это такъ изнурило насъ, что многіе едва двигались. Иные и рады были бы остаться въ городскихъ больницахъ,—но заболѣвавшихъ 10 разъ свидѣтельствовали, и, хотъ на подводахъ, а тащили дальше: наше начальство стремилось доказать вышнему, что всѣ мы «благополучны»; самимъ же больнымъ, по выздоровленіи, предстояло догонять полкъ по этапу, какъ увѣряли, *въ наручникахъ*,—и это обстоятельство всѣхъ вооружало долготерпѣніемъ. Мы втихомолку стонали, плакали, проклинали свою службу, но шли и шли!! Офицеровъ дворянство даромъ перевозило со станціи на станцію, угощало обѣдами, а о солдатахъ и объ насъ, юношахъ, никто никакихъ заботъ не проявлялъ: о безпомощности нашей никому и на умъ не приходило. Мало того: офицеры, въ знакъ благодарности дворянамъ за угощенія, среди пирушекъ требовали нашихъ пѣсенниковъ и музыкантовъ, и по нѣскольку часовъ сряду заставляли ихъ, измученныхъ и голодныхъ, играть и пѣть подъ окнами тѣхъ домовъ, въ которыхъ сами кутили. Въ свою очередь, и солдаты, раздраженные невзгодами,—толпами опустошали на базарахъ лавочки и лари со съѣстнымъ, просто грабили мирныхъ жителей....

Первый день пасхи пришлось намъ дневать въ уѣздномъ городѣ Покровѣ. Для встрѣчи праздника по христіански, мы въ страстную субботу, безъ отдыха, рано дошли до города, помѣстились,—за недостаткомъ помѣщенія,—всѣ 40 человекъ канцелярскихъ, въ одну полуразвалившуюся вдовью избу, отдохнули и добрались толпою до единственной въ городѣ бани. Платить за входъ намъ было нечѣмъ, мы и ворвались силою въ передбанникъ, гдѣ увидѣли раздѣвавшихся и одѣвавшихся мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ. Мы вопросительно переглянулись и

замѣтивъ, что женщины насъ ничуть не стыдятся, тоже раздѣлись, нахватили вѣшниковъ и отправились въ горячую баню. Тамъ и мыло, и парилось до 50 мужчинъ и женщинъ. Мы раздѣлись на группы, высмотрѣли, у кого изъ «вольныхъ» есть мыло, и забирали его себѣ. Завязалась перебранка. Наши кинулись на женщинъ, «вольные» мужчины вступились за нихъ и затѣялась драка шайками, вѣшниками, кулаками; женщинъ волочили за распущенные волосы и всячески издѣвались надъ ними. Крикъ, плачь, плескъ воды, свистъ вѣшниковъ долго оглашали воздухъ, покуда «вольные» были побѣждены и изгнаны изъ бани, а все ихъ мыло досталось намъ. Мы вымыли имъ свое бѣлье и тѣло, одѣлись въ передбанникъ и, уходя, растащили немало мужскихъ и женскихъ вещей¹⁾, изъ которыхъ надѣлали себѣ потомъ: кто—портянки, кто—нагрудникъ, кто—курточку: въ нашемъ горемычномъ «хозяйствѣ» пригожалась—по выраженію гоголевскаго Осипа—и всякая веревочка.

Двухмѣсячное странствованіе приблизило насъ, наконецъ, къ Москвѣ. Верстъ за 15 отъ столицы, была нарочно подогнана дневка. Туда стянули весь полкъ, тамъ присоединились къ намъ всѣ уѣхавшіе впередъ и остававшіеся сзади офицеры. Весь день и всю ночь солдаты чистились, чинились, стриглись и брились. Мы вступили въ Москву точно на парадъ, съ музыкою и пѣснями, хотя въ душѣ изнывали отъ горя. Въ Москвѣ размѣстили насъ въ казармахъ, гдѣ мы прожили двѣ недѣли. Въ теченіе этого времени, солдаты разъ 10 перебивали на разныхъ смотряхъ, а мы—канцелярія—просиживали за писаньемъ, часовъ по 15 въ сутки. Тѣмъ не менѣе, мы не могли нахвалиться своимъ благополучіемъ: намъ варили вкусныя щи, кашу, квасъ, пекли хороший хлѣбъ, а спали мы на тюфякахъ и подушкахъ учебнаго же полка, ушедшаго раньше насъ въ походъ и также, какъ мы, оставившаго дома свои пожитки. Едва мы вошли во вкусъ и оправились, какъ намъ приказали выступить въ Петербургъ, по «машинѣ». Раннимъ холоднымъ утромъ прогнали насъ чрезъ всю Москву²⁾, возлѣ вокзала сосчитали и провели на платформу, гдѣ стояло на колесахъ до 100 длинныхъ, широкихъ полуящиковъ, съ глубокимъ дномъ, на которомъ были устроены поперечными рядами скамейки, но ни крышъ, ни высокихъ досчатыхъ боковъ—ящики не имѣли. Въ эти-то ящики, на скамейки, и усадили насъ вплотную, локтями другъ къ другу. Ящики оцѣпили, чрезъ торчавшія изъ нихъ высокія палки, веревками, чтобы сѣвшіе по краямъ не вывалились, или чтобы было за что ухвататься, если ящики покачнутся на бокъ.

¹⁾ Мыться вмѣстѣ съ женщинами намъ больше нигдѣ не приходилось; но въ печкахъ мылись даже въ Петербургской губерніи. Печки эти были большія, внутренности широкія и длинныя; ихъ натапливали, гасили огонь, настилали солому и влѣзали туда съ вѣшниками и горячею водою.

²⁾ Тутъ только мы ее свободно разсматривали: во время же пребыванія въ ней, никого не выпускали изъ казармъ, чтобы не попались въ какой либо неисправности вышему начальству.

— Доро́гой по сторонамъ не вертѣться, не шалить, а сидѣть смирно, чтобы не вылетѣть,—услышали мы зычный голосъ начальства.— Шапки долой, перекреститься—и съ Богомъ.

Машина провизгательно свиснула, запыхтѣла, и мы съ напряженнымъ любопытствомъ покатали... Не прошло, однако, и получаса,—какъ мы начали разочаровываться: изъ машинной трубы дымъ застилалъ намъ глаза; искры—прожигали наши сермяги, попадая и въ лицо; холодный вѣтеръ—заставлялъ насъ вздрагивать, а полившій дождь—свободно мочилъ... Такъ проехали насъ 9 часовъ. Поѣздъ остановился и намъ приказали выходить, но отъ вѣтра—глаза слезились; отъ неподвижности—ноги отекли; отъ холода—тѣло окоченѣло, а отъ дождя—вся одежда промокла и сдѣлалась вмятеро тяжелѣе прежняго. Команда: «выходить!» повторилась. Мы напрягли остатокъ силъ, выбрались на платформу, поразмляли одеревенѣвшіе члены и пробѣжали версты двѣ по полю—обѣдать. Какъ ни была плоха пища, но, проголодавшись и иззябши, мы ѣли съ жадностью, тѣмъ болѣе, что, во избѣжаніе простуды—намъ дали по чаркѣ водки. Черезъ часъ повезли насъ дальше, а дождь, точно изъ ведра, все лилъ да лилъ на насъ... Начало темнѣть. Мы надѣялись скоро добраться до ночлежныхъ избъ—просушиться, заснуть, но надежда не сбылась!.. Чтобы хоть сколько нибудь облегчить свое отвратительное положеніе, мы, воспользовавшись ночьюю темнотою (благо, начальству за нами не досмотрѣть), вставали поочередно со своихъ мѣстъ и растягивались подъ лавками, хоть на короткое время, расправляли свои окоченѣвшіе члены и дремали, проклиная тѣхъ, кто выдумалъ такіе «вагоны». Утромъ наши старшіе пожаловались на несносную ѣзду, на то, что мальчиковъ уже трепала лихорадка. Эшелонный командиръ велѣлъ отпустить намъ, на канцелярію, ведро водки. Выпивъ ее натошакъ, мы опьянѣли и наши невзгоды показались намъ какъ будто сноснѣе. Обѣдали мы опять въ полѣ, а на ночь насъ, мальчиковъ, пустили, въ видѣ особенной милости, въ глухіе, темные вагоны къ лошадямъ, гдѣ въ теплѣ и въ суши мы отлично проспали всю ночь. Утромъ намъ приказали выбраться на свои мѣста; мы напрасно умоляли оставить насъ съ лошадьми.

— При лошадяхъ указано быть только конюхамъ,—отвѣтило намъ начальство.—Насъ встрѣчаютъ и провожаютъ смотрители станцій, жандармы; они замѣтятъ нарушеніе правилъ и донесутъ объ этомъ, либо высшее начальство выйдетъ посмотрѣть: въ порядкѣ ли ѣдемъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, не расчерепаешься изъ-за васъ, шалыгановъ. Маршъ на свои мѣста!

Съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ завистью къ лошадямъ вернулись мы подъ дождь, вѣтеръ и дымъ, донимавшіе насъ четверо сутокъ. Смеркалось. Поѣздъ остановился.

— Скоро Петербургъ,—оповѣстило насъ начальство.—Хорошенько осмотрѣться, обчиститься и прибраться, чтобы вступить молодцами. Идя городомъ, по сторонамъ не глазѣть, разговоровъ никакихъ не вести, а двигаться въ ногу, чинно, чтобы начальство было довольно. Кого въ чемъ замѣтять, не пенять!..

Поѣздъ тронулся. Ни осмотрѣться, ни обчиститься намъ было нечѣмъ и негдѣ, поэтому мы только оцупали: всѣ ли пуговицы и крючки на шинеляхъ застегнуты. Солдаты же вытерли руками и лапами шинелей свои каски, ранцы, ремни; застегнули ихъ, взяли ружья на плечо и въ этомъ сидячемъ фронтѣ доѣхали до столицы, положительно уже впотѣмахъ.

VI.

Тихо, крадучись, точно воры, вышли мы всѣ по наказу начальства на платформу. Солдатъ выстроили фронтомъ, осмотрѣли съ ручными фонарями и, убѣдившись, что все на нихъ въ исправности, повели уже безъ пѣсенъ и безъ музыки, опасаясь разбудить спавшее,—какъ предполагалось,—высшее начальство, хотя было только 10 часовъ вечера. Въ приливѣ страха нашего начальства передъ столичнымъ, объ насъ, канцеляристахъ, совершенно забыли. Мы и остались подъ крышею вокзала еще часа на два. Наконецъ и за нами явился офицеръ, и мы поплелись по грязи и лужамъ, среди непроницаемой темноты. Путеводитель нашъ многократно сворачивалъ то направо, то налево, покуда мы съ нимъ не заплутались окончательно. Мы остановились, перевели духъ, двинулись дальше и наткнулись на будку. Офицеръ вызвалъ будочника, и онъ проводилъ насъ до слѣдующаго, тотъ дальше, и лишь десятый по счету привелъ насъ, во второмъ часу ночи,—на Пески.

Квартирою намъ отвели чердакъ! Деревянная, какъ и весь домъ, крыша чердака была ветхая, со щелями, слуховыя окна—безъ стеколъ, отчего сквозь крышу и окна свободно проникали вѣтеръ и дождь, сильно смочившій всю землю чердака. Потушили мы, потушили, да какъ были насквозь мокрые,—такъ и легли рядышкомъ на мокрый мусоръ и песокъ, положивъ подъ головы свои шапки и ладони... Мы заняли все пространство чердака, а онъ былъ такъ малъ, что кто хотѣлъ повернуться на другой бокъ,—тотъ долженъ былъ встать. Страшное изнеможеніе смежило намъ вѣки и мы заснули...

— Къ 9 часамъ надо разослать рапорты о благополучномъ вступленіи полка, а они еще дрыхнуть,—прогремѣлъ голосъ Безшабашнева въ 6 часу утра.—Вставать и живо за работу, мерзавцы!—продолжалъ онъ, расталкивая насъ пинками.

Съ отяжелѣвшими головами и лихорадочною дрожью во всемъ тѣлѣ, поднялись мы, безсознательно озираясь и толкаясь по чердаку, куда тѣмъ временемъ втащили уже сундукъ съ канцелярскими принадлежностями.

— Позвольте, ваше б-родье, хоть очнуться маленько,—жалобно заговорилъ старшій полковой писарь Ивановъ:—мы такъ измучены, что ничего не можемъ и сообразить, не то что писать.

— Ты, скотина этакая, вѣчно разсуждаешь, когда я этого терпѣть не мог-гу. Смот-три!..

— Какъ же, помилуйте, ваше б-родье, не доложить вамъ, что не на чемъ писать, что всѣ мы еле дышемъ?

— Ахъ, я и забылъ, что тебѣ комфортъ нуженъ. Такъ вотъ же тебѣ, вотъ тебѣ, кан-наля эдакая.

И Ивановъ едва на ногахъ устоялъ отъ полученныхъ двухъ оплеухъ.

— Вы, ваше б-родье, сколько ни тираньте насъ,—невозможнаго все таки не сдѣлаемъ,—настойчиво молвилъ оправившійся Ивановъ.—Мы чуть не перекалѣли отъ мучительной ѣзды подъ открытымъ небомъ, а вы... позвольте доложить, вѣдь не дома, а въ Петербургѣ!..

— Молчать! Знаешь, кажется, меня, ну и берег-гись...

— Мы привыкли молчать, но вѣдь терпѣніе и лопается... Здѣсь это легко выкажется...

— Ты еще грубить? Я тебѣ ужъ всыплю сотню горячихъ, такъ научишься мнѣ отвѣчать. Писать сію секунду, всѣ, всѣ писать!

— Неудобно ли вашему б-родью приказать прежде комнату отвести, столы устроить, а уже потомъ заставлять писать,—вставилъ старшій казначейскій писарь Григорьевъ.

— Ты тоже розогъ захотѣлъ? И получишь. На чемъ стоишь, на томъ и пиши! На полу, въ растяжку, сію минуту всѣ, всѣ писать!

— Меня, извините, ваше б-родье, казначей ждетъ и я укрожу къ нему: онъ мой ближайшій начальникъ.

— Хорошо. Я про тебя полковнику доложу. Я васъ выучу, выучу повиноваться,—оралъ Безшабашневъ въ безсильной ярости. Григорьева онъ стѣснялся поколотить, чтобы не ссориться съ казначеемъ, защищавшимъ своихъ подчиненныхъ.—За раб-боту, негодни эдакіе.

Не прошло и 5 минутъ, какъ мы разровняли руками и ногами землю и песокъ, разлеглись на полъ и писали рапорты о «благополучномъ» вступленіи полка въ столицу! Кровь прилиwała къ головѣ, руки дрожали, глаза посоловѣли, холодный потъ выступалъ на лицахъ, но всѣ писали съ неимоверными усиліями, а Безшабашневъ обходилъ лежавшихъ и вглядывался: красиво ли, вѣрно ли пишутъ. Между нами былъ 16-лѣтній красивый, нѣжный юноша Лазаревъ ¹⁾, работавшій, лежа, возлѣ меня. Когда Безшабашневъ остановился противъ него—рука его дрогнула и онъ капнулъ чернилами на почти готовый рапортъ. Это взбѣсило Безшабашнева и онъ каблукомъ со шпорою ударилъ Лазарева по головѣ. У того хлынула кровь изъ рта, изъ носа и даже изъ ушей, а самъ онъ свалился на бокъ прямо на меня. Я было толкнулъ его, но онъ и не пошевелинулся. Съ испугу я вскопятился и крикнулъ: «померь!».

¹⁾ Говорили, что онъ сынъ архіерея, воспитавшаго его въ холѣ. Онъ такъ хорошо рисовалъ, что его картинка и планы съ гордостью показывали всѣмъ пріѣзжавшимъ инспекторамъ.

— Молчи, пащенокъ,—равкнулъ Безшабашневъ и такъ ударилъ меня кулакомъ по головѣ, что я тоже на кого-то свалился.

Когда меня подняли и я очнулся, всѣ уже перестали писать, а глядѣли въ упоръ на меня, Безшабашнева и бездыханнаго Лазарева.

— Вонъ отсюда, всѣ вонъ, на дворъ, а сюда позвать фельдшера со спиртомъ и водой,—приказалъ Безшабашневъ, топая ногами.—Экая дрянь!..

Ужъ на дворѣ возмущались мы случившимся. Спустя полчаса Лазарева снесли на рогожѣ внизъ, въ походный лазаретъ, а фельдшеръ сообщилъ намъ, что Лазаревъ дѣйствительно умеръ отъ пролома головы... Смерть Лазарева не помѣшала, впрочемъ, своевременно кончить «благополучные» рапорты.

— Напиши, Степановъ, въ приказѣ по полку объ исключеніи изъ списковъ Лазарева, умершаго *вчера*, на желѣзной дорогѣ, отъ *тифозной горячки*,—громогласно приказалъ Безшабашневъ, послѣ подписанія рапортовъ. — Онъ умеръ тамъ, *дор-рог-гою!*—грозоно прибавилъ онъ.

Всѣ переглянулись, но никто не дерзнулъ противорѣчить.

— Лазаревъ умеръ на желѣзной дорогѣ,—повторилъ Безшабашневъ:—ежели же кто осмѣлится разглашать иначе—шкуру съ шеи до пятокъ сдеру.—И онъ ушелъ безъ малѣйшаго признака угрызенія совѣсти.

Между тѣмъ Григорьевъ отыскалъ казначея и квартирмейстера въ томъ же домѣ и рассказалъ имъ о нашихъ дорожныхъ мученіяхъ. Мифоровъ и Звонаревъ тотчасъ же перемѣстились въ одну комнату, а другую, имъ отведенную, уступили намъ, занимавшимся въ казначейской и квартирмейстерской частяхъ, собрали насъ къ себѣ, напоили чаемъ, дали денегъ на наше пропитаніе и, разрѣшивши намъ отдыхать весь день, сами ушли. Намъ принесли изъ трактира обѣдъ; мы наѣлись до отвала, натопили въ обѣихъ комнатахъ печки, развѣсили сушить свои вещи, выпались и ободрились, тогда какъ писаря адъютантской части провалились весь день на чердакѣ за работою, голодные, холодные и мокрые. Подъ вечеръ Мифоровъ и Звонаревъ вернулись и увидѣли Иванова въ каскѣ съ застегнутыми чешуями, въ ранцѣ и съ ружьемъ на плечѣ, возлѣ воротъ дома.

— Какимъ это манеромъ ты, Ивановъ, превратился въ часоваго, да еще въ полной походной формѣ?—спросилъ Мифоровъ, покраснѣвъ съ досады.

— Поволѣ г. адъютанта,—жалобно отвѣтилъ Ивановъ.—Приказали насыпать полный ранецъ песку, надѣть аммуницію и стать на часы, на цѣлую ночь, за то, что не на мѣстѣ поставлена запятая въ одной изъ 40 бумагъ, поданныхъ мною къ подписи. А какъ, помилуйте, было мнѣ повѣрить всѣ запятые, когда я, отъ долготѣней адской работы, близорукъ и вдобавокъ трое сутокъ глазъ не смыкалъ? Защитите, ваше б-родье, не то я, вѣжета, не доживу до утра отъ этой пятипудовой ноши,—хрипло кончилъ онъ.

— Если желаешь, я сію же минуту поѣду къ полковому

командиру и добьюсь отъ него приказанія освободить тебя отъ этой пытки.

— Очень вамъ благодаренъ за участіе, но ежели полковой командиръ уважить ваше ходатайство — адъютантъ послѣ со свѣта меня сживетъ. Попросите лучше ихъ самихъ... Они же, кстати, и дома, — вонъ во второмъ этажѣ, направо, ихъ номеръ.

Мифоровъ повернулся по указанію, а мы за нимъ въ приличномъ, разумѣется, отдаленіи. Дверь за нимъ никто не затворилъ, она и осталась распахнутою; мы наострили уши.

— Я зашелъ посовѣтовать вамъ, Павелъ Ивановичъ, хотъ въ Петербургѣ вести себя сдержаннѣе, не то худо будетъ, — донесся до насъ голосъ Мифорова.

— Я думалъ, что вы, Николай Ефимовичъ, по дѣлу ко мнѣ пожаловали, — насмѣшливо началъ Безшабашневъ; — но разъ вы съ совѣтами, да еще угрожающими — я ихъ не принимаю, не слушаю...

— Напрасно: какъ старшій и болѣе васъ опытный въ жизни, говорю вамъ: перестаньте мучить, убивать людей: вы за это рискуете эполетами.

— Что-о-о? что такое вы говорите? о какихъ мученіяхъ, о какомъ убійствѣ вы толкуете? — зачастилъ Безшабашневъ. — Это сплетни.

— То, что вы сегодня утромъ убили Лазарева, — подтвердятъ 30—40 человекъ. По справедливости, мнѣ бы слѣдовало объ этомъ рапортъ подать, но я не могу доносить на офицера же, тѣмъ болѣе, что рапортомъ не воскрешу Лазарева...

— Почему же, почему вы меня звѣремъ считаете и позволяете себѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла?

— Потому что жалѣю вашихъ писарей, да и васъ тоже: вы молоды и вмѣсто карьеры легко погибнете... Вы поставили, напримѣръ, подъ пытку управляющаго вашею канцеляріею, Иванова, котораго всѣ 60 офицеровъ полка уважаютъ!..

— Я не только не боюсь сфицеровъ, но даже гнушаюсь многими изъ этихъ бурбоновъ.

— Они не виноваты, что воспитывались въ казармахъ, а не въ кадетскихъ корпусахъ, какъ мы съ вами, зато они сами выбрались въ офицеры, а чего не понимаютъ — имъ не отъ кого научиться: вы, воспитанный на оброки ихъ родителей и родственниковъ, — въдесятеро не обузданнѣе ихъ...

— Съ меня все спрашивается, меня выводятъ изъ терпѣнія...

— Для того васъ многому и учили въ корпусѣ, чтобы вы служили примѣромъ для неученыхъ. А вы, полковой адъютантъ, поступаете такъ, что многіе офицеры собираются сообща заставить васъ удалиться изъ полка. Отпустите же Иванова спать и умѣрьте свою вспыльчивость, или я представлю рапортъ объ Лаз....

— Ивановъ — мерзавецъ, сволочь, я его разжалую, непременно разжалую, а теперь пусть идетъ дрыхнуть, хотъ околѣвать, но я ему это припомню, припомню еще...

— Не ребячьтесь и не рискуйте: вы не въ N., а въ Петербургѣ, гдѣ ваши поступки могутъ сдѣлаться извѣстными даже министру. Прикажите же изъ окна Иванову идти спать, а сами

вдумайтесь внимательно въ то, что отъ меня слышати, и послѣдуйте моему совѣту: благодарны будете.

Мы опрометью бросились внизъ, чтобы не попасться Мифорову, въ качествѣ подслушивавшихъ, и на лѣстницѣ наткнулись на Иванова, уже освобожденнаго Безшабашневымъ съ часовъ.

Полкъ перемѣстили въ казармы, гдѣ мы опять очутились со-сѣдами по комнатамъ съ адъютантскою частью и гдѣ, хоть на просторѣ, пришлось намъ все таки спать на голыхъ нарахъ. Отъ дорожныхъ мытарствъ, перемѣны климата и, — какъ увѣрили, — отъ невской воды, между нашими солдатами быстро развились болѣзни и значительная смертность. Высшее начальство обратило на это вниманіе и потребовало разъясненія причинъ болѣзней и смертности. Наше начальство, прежде чѣмъ донести формально, — обратилось частнымъ образомъ къ Готову и въ департаментъ, къ своимъ благожелателямъ, за совѣтомъ: какого именно содержанія донесенія будутъ признаны правильными. Одинъ изъ департаментскихъ начальниковъ отдѣленій, нѣкто Н—скій, сочинилъ причины, а въ числѣ ихъ выставилъ главною — неимѣніе солдатами постельныхъ принадлежностей. Съ этой черновой написали, отъ имени командировъ 4-хъ полковъ, прибывшихъ въ Петербургъ, рапорты въ департаментъ (по отдѣленію дѣльца), а черезъ недѣлю разрѣшили выдать каждому полку деньги на обзаведеніе постельными принадлежностями. Изъ полученныхъ денегъ купили старыя постели тѣхъ полковъ, въ казармахъ которыхъ мы квартировали, а остальное разошлось по рукамъ... Н—скому ¹⁾ самъ я, напримѣръ, по приказанію начальства, снесъ въ конвертѣ десять сотенныхъ, за что онъ далъ мнѣ на чай рубль.

Не успѣли мы еще устроиться въ казармахъ, какъ однажды вечеромъ нашихъ старшихъ навѣстили бывшіе ихъ товарищи: четыре департаментскихъ писаря, въ щегольскихъ сѣрѣнѣмецкихъ шинеляхъ, въ сюртукахъ и съ длинными волосами. Всѣмъ нашимъ хотѣлось видѣть и слышать «счастливецъ», поэтому мы и сошлись въ самой большой — адъютантской — комнатѣ и оживленно бесѣдовали. Вдругъ къ намъ влетѣлъ Безшабашневъ. Все стихло. Наши вскочили, а гости, — точно сговорились, — остались сидѣть.

— Здѣсь не базаръ, а канцелярія, — крикнулъ Безшабашневъ. — Я вамъ зад-дамъ! Вы что за люди? — спросилъ онъ гостей. — Встать!

— Было, Павелъ Ивановичъ, время, когда и мы предъ вами въ струнку вытягивались, — насмѣшливо произнесъ одинъ изъ гостей, Ипполитовъ, все таки сидя; — но время это прошло, слава Богу, безвозвратно; поэтому неуждно ли вамъ говорить съ нами деликатнѣе: мы писаря департамента.

¹⁾ Онъ, — въ послѣдствіи „статскій генералъ“, по своей должности, имѣлъ большіе доходы, но чужое добро, видно, въ прокъ ему не пошло: онъ все промоталъ и умеръ въ нищетѣ.

Безшабашневъ поблѣднѣлъ, но не проронилъ ни слова, точно языкъ у него отнялся.

— Если вы позволяете себѣ кричать даже на насъ, то надъ своими подчиненными вы дѣйствительно издѣваетесь, — подхватилъ тѣмъ временемъ другой гость, Степановъ. — Мы вамъ за это отплатимъ...

— Вы, нижніе чины, не смѣете сидѣть предо мной, офицеромъ, — заговорилъ наконецъ Безшабашневъ, оправившись: — не смѣете, говорю вамъ, и называть меня по имени и отчеству. Я васъ при бумагѣ отправлю въ департаментъ, за грубости и дерзости противъ меня.

— Мы и генераловъ называемъ по имени и отчеству, и въ ихъ присутствіи сидимъ, стало быть, передъ вами и Богъ велѣлъ, — отвѣтилъ третій, Гавриловъ. — Отправлять насъ вы не вправѣ...

— Мы пришли навѣстить товарищей, а не на смотръ къ вамъ: вы и не кричите, — подхватилъ четвертый, Ивановъ. — Мы вашего крика вѣдь не боимся.

— Если вамъ, Павелъ Ивановичъ, угодно отправить насъ въ департаментъ при бумагѣ, то кстати ужъ пропишите въ ней, какъ вы убили мальчика, — вставилъ Ипполитовъ. — Не то мы объ этомъ сами прибавимъ.

— Мол-чать! — рявкнулъ Безшабашневъ.

Гости захохотали. Это его взбѣсило, и онъ забѣгалъ по комнатамъ, какъ ужаленный.

— Вонъ отсюда, вонъ, говорю вамъ, либо я васъ выгоню: вы мѣшаете заниматься, вотъ что!

— Уйдите-ка лучше сами: вы мѣшаете намъ поговорить съ товарищами, которыхъ мы годами не видали.

— Указывать мнѣ, когда надо заниматься, — не ваше дѣло. Пошли, повторяю вамъ, куда... куда...

— Куда не наговоримся до-сыта — не уйдемъ, не уйдемъ отсюда, — кричали гости.

— Перестаньте, господа, кричать: вы вѣдь въ комнатахъ, а не на улицѣ, — вдругъ произнесъ одинъ изъ вновь вошедшихъ писарей.

Всѣ переглянулись.

— Да вотъ г. адъютантъ гонитъ насъ вонъ, а мы неидемъ: хотимъ потолковать съ товарищами.

— За тѣмъ же самымъ и мы пришли, — отозвался другой изъ вошедшихъ.

На пальцахъ у обоихъ блестѣли брилліанты, скрутки ихъ были изъ тончайшаго сукна, новенькіе, изъ-за бортовъ болтались золотыя цѣпочки, а на груди одного красовалась еще брилліантовая звѣзда.

— Вы еще кто такіе? — въ замѣшательствѣ освѣдомился Безшабашневъ, значительно ниже тономъ.

— Мы-то? — молвилъ одинъ. — Мы — писаря. Служимъ: я въ канцеляріи г. военного министра, а онъ — въ канцеляріи государя наслѣдника цесаревича; но оба мы когда-то были тоже въ канцеляріи вашего полка мальчиками. Вотъ мы кто. Самъ военный

министръ, въ кабинетѣ котораго я ежедневно занимаюсь,—обходится со мной деликатно. Я постараюсь доложить объ васъ его свѣтлости.

— А вы, значить, тотъ самый Безшабашневъ, который тиранить писарей?—вмѣшался другой, со звѣздой.—И у насъ это слышно, слышно... Я думалъ: вы старикъ, бурбонъ, а вы совсѣмъ еще молодой человекъ. Стыдитесь обижать беззащитныхъ. Его императорское высочество нерѣдко изволилъ осчастливливать меня своимъ милостивѣйшимъ разговоромъ, и я, при удобномъ случаѣ, тоже не премину объ васъ словечко—другое выразить...

— У меня дѣла много, съ меня самого спрашиваютъ,—бормоталъ Безшабашневъ.—Пожалуйте въ другое время... Впрочемъ, извините... на этотъ разъ я уйду...

Безшабашневъ ушелъ, видимо спасовавъ предъ послѣдними двумя гостями.

— Ну, Пантелѣй Григорьевичъ да Мокѣй Ивановичъ ¹⁾ какіе вы молодцы! какъ огорошили его!—посыпались одобренія со всѣхъ сторонъ.

— Мы ему, прохвосту, такую штуку устроимъ въ департаментѣ, что вѣкъ не забудетъ,—похвалялись департаментскіе писаря.

Нашему восторгу, за «отдѣлку» Безшабашнева, не было границъ. Мы съ благоговѣніемъ оглядывали «счастливыхъ» писарей. Свиданіе продолжалось далеко за полночь. Безшабашневъ при-смирѣлъ, чему писаря очень радовались. На другой день наши старшіе рассказали казначею и квартирмейстеру про афронтъ. Безшабашнева, и тѣ долго смѣялись надъ нимъ и предсказывали ему бѣду. Въ это время, къ намъ явился Деймарнъ.

— Пошлите кого нибудь изъ красиво и вѣрно пишущихъ мальчиковъ въ штабъ инспектора,—приказалъ онъ казначею.—Тамъ увеличилась переписка и Готовъ просить подмогу.

— У насъ тоже много работы, а писарей мало,—заявилъ Ми-форовъ.

— Если не имѣете лишняго, командуйте хоть только опрятнаго и расторопнаго. Вотъ его, напримѣръ,—указалъ онъ на меня.—Онъ не зналъ ни одной здѣшной улицы, а живо доставилъ Н-скому извѣстный вамъ пакетъ.

— Но его, какъ писаря, забракують.

— Напомните запискою Готову, что онъ крестникъ Палова, и онъ имъ удовлетворится, будетъ даже радъ, да и инспектору его покажетъ, а генералъ вѣдь охотно балагурилъ съ нимъ во время смотровъ. Пусть и здѣсь забавляется.

¹⁾ Звѣздой наградилъ Иванова шахъ персидскій, но надѣвалъ ее Ивановъ только частнымъ образомъ: какъ нижнему чину, ему не было разрѣшено носить эту офицерскую звѣзду (Льва и Солнца 3 ст.), до производства въ чиновники.

VII.

Въ тотъ же день я сходилъ въ баню, остригся, получилъ самую лучшую обмундировку и наказъ вести себя прилично, а на слѣдующее утро отправился съ письмомъ въ штабъ. Готову подали письмо, и онъ велѣлъ меня позвать.

— Здравія желаю, ваше б-родѣе,—отчеканилъ я, войдя въ кабинетъ Готовъ, и вытянулся въ струнку.

— Ба! да это ты, Петя?—ласково молвилъ Готовъ, сидя въ разстегнутомъ писарскомъ сюртукѣ въ креслахъ передъ столомъ, заваленнымъ бумагами.—Здравствуй, здравствуй, дружокъ, давай поцѣлуемся: вѣдь давно не видались.

Я приблизился къ нему, онъ поцѣловалъ меня въ щеку, а я его въ руку. Ему понравилось мое знаніе свѣтскихъ приличій.

— Бери, дружокъ, стулъ, и мы съ тобою потолкуемъ.

— Позвольте мнѣ лучше, стоя, отвѣчать вамъ: я не смѣю сидѣть предъ вами-сь...

— Хоть ты, Петя, я вижу, прекрасный мальчикъ, а все таки садись да говори со мной за просто, безъ благородія: этого не нужно.

На величаніе «благородіемъ» Готовъ, какъ писарь, не имѣлъ права, но и казначей на конвертѣ, который я принесъ, называлъ его благородіемъ, потому и я такъ съ нимъ здоровался.

— Ну, какъ, дружокъ, папаша рѣшилъ тебя отпустить въ походъ? какъ самый походъ тебѣ показался? гулялъ ли ты по Москвѣ, по Петербургу? Расскажи, расскажи мнѣ все откровенно.

Ободренный приемомъ, я принялся ему рассказывать о всѣхъ невзгодахъ, какія мы претерпѣли со дня выступленія въ походъ до петербургскихъ казармъ включительно.

— Такъ и васъ, мальчиковъ, вели пѣшкомъ, везли въ открытомъ вагонѣ, кормили скверно?

— Да-сь, измучили совсѣмъ. Слава Богу, еще казначей и квартирмейстеръ—добрые люди—не заставляли насъ черезъ силу работать, давали денегъ на пищу, а адъютантъ весь походъ принуждалъ своихъ писать ночи насквозь, колотилъ, дралъ... Вѣрьте Богу, не лгу-сь...

— Вѣрю, Петя, вѣрю. Такъ ты каешься, что пошелъ въ походъ?

— Точно такъ-сь: отъ всякихъ мученій нѣкоторые въ госпиталь ушли, а одинъ даже умеръ отъ...

— Командующій 3-мъ полкомъ, полковникъ Өирсовъ желаетъ вамъ представиться,—почтительно доложилъ Готову вошедшій молодой офицеръ ¹⁾.—Угодно ли вамъ его принять?

— Попросите г. Өирсова подождать, а ко мнѣ пришлите лакея.

Офицеръ щелкнулъ шпорами и исчезъ, а черезъ минуту

¹⁾ Дежурный при инспекторѣ. Дежурныхъ этихъ назначали ежедневно изъ расторопныхъ офицеровъ всѣхъ полковъ.

явился, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, лакей. Готовъ велѣлъ ему подать чаю и булокъ. Тотъ принесъ. Готовъ угощалъ меня и продолжалъ спрашивать. Расположенный къ нему ласковымъ обращеніемъ, я безцеремонно посвятилъ его во всѣ наши мытарства.

— Бригадный командиръ, генераль-майоръ Бирковъ, проситъ васъ принять его на пять минутъ,—снова доложилъ офицеръ.

— Просите: старику ждать тяжело.

Въ кабинетъ ввалился генераль, въ эполетахъ, орденахъ и въ лентѣ черезъ плечо. Я вскочилъ и отступилъ въ задній уголъ, а Готовъ поднялся и, застегиваясь, встрѣтилъ генерала, какъ равнаго.

— Здравствуйте, добрыйшій Александръ Ивановичъ,—заискивающимъ тономъ прошамкалъ генераль, протягивая руку Готову.—Я очень радъ, что наконецъ таки засталъ васъ одного.

— Здравствуйте, ваше превосходительство. Какъ изволите поживать?—спокойно отозвался Готовъ, пожимая руку Биркову.—Я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Этотъ юноша вѣрно вашъ ординарецъ?—освѣдомился генераль, указавъ на меня.

— Нѣтъ, сынъ моего пріятеля; выпросился на войну, а его сажаютъ писать,—вотъ онъ и недоволенъ.

— Воякъ, братецъ, много, а писака мало; ты и поучись воевать на бумагѣ у Александра Ивановича: онъ великій полководецъ этихъ воинъ, и ты радуйся, что попалъ къ нему, а не жалѣй,—поучалъ меня генераль.

— Что прикажете, ваше превосходительство?—вмѣшался Готовъ.—У меня ужасно много работы и вы извините, надѣюсь, что я перебилъ вашу рѣчь.

— Нѣтъ, вы извините меня, что отрываю васъ отъ важныхъ занятій. Я не рѣшился, видите ли, доносить на запросъ о томъ, почему первый полкъ взялъ обоза больше, чѣмъ было приказано, не воспользовавшись напередъ мудрымъ вашимъ совѣтомъ, какъ и что прописать.

— Если, по изслѣдованіи этого вопроса въ самомъ полку, вы изволите найти уважительныя причины для отступленія отъ распоряженія высшаго начальства,—изложите эти причины, и больше ничего. Объ обозѣ замѣтили не мы, а провіантскій департаментъ и доложилъ объ этомъ военному министру, а онъ требуетъ отъ насъ объясненій, которыхъ мы и ожидаемъ отъ вашего превосходительства.

— Все это, батенька, я уже и слышалъ, и вычиталъ, но я не мастеръ изслѣдовать, описывать, а въ бригадной моей канцеляріи нѣтъ десятой доли вашего умѣнья, потому я и боюсь попасть въ просакъ. Военный министръ шутить со мною не станетъ. Помогите,—сдѣлайте одолженіе,—выпутаться изъ этой кутерьмы.

— Писать мнѣ самому—простите, ваше превосходительство!—некогда, поэтому пришлите мнѣ вашего и полковаго адъютантовъ, со всѣми по этому предмету бумагами, и я имъ скажу, какъ написать, а ужъ въ донесеніе военному министру мы вклю-

чимъ и наши особыя соображенія, которыя авось придумаемъ—и всѣ останемся, полагаю, правыми...

— Еще бы! Противъ вашего таланта, всѣ, разумѣется, спасуютъ. Покуда спасибо, искреннее вамъ спасибо, а потомъ... потомъ въ долгу, будьте увѣрены, не останусь. Итакъ, чтобы не мѣшать вамъ, да и вашему генералу не попасться—бѣгу, бѣгу. Прощайте.

Они за руку же распрощались, и Готовъ проводилъ генерала до дверей.

Готовъ позвалъ писаря, велѣлъ ему посадить меня писать и первую бумагу, какую я перепису,—прислать со мною же. Я перешелъ въ смежную комнату (штабъ и канцелярія инспектора занимали 10 комнатъ въ гостинницѣ Волкова, въ Большой Конюшенной), переписалъ бумагу въ 25 строкъ, старшій прочелъ ее, нашелъ вѣрною, и я отправился съ нею къ Готову. Заставъ его въ разговорѣ съ полковникомъ Өирсовымъ, я ждалъ, пока онъ освободится.

— Я не могу, г. полковникъ, заниматься повѣркою всѣхъ вашихъ вычисленій, а они,—какъ я на выдержку проложилъ одну графу,—невѣрны,—говорилъ Готовъ.—Между тѣмъ, такой же строевой рапортъ послали вы на высочайшее имя, военному министру, въ департаменты и такъ далѣе.

— При походныхъ занятіяхъ, налету—ошибки натуральны, извинительны, и объ нихъ едва ли стѣитъ и распространяться: самые эти рапорты, какъ я слышалъ отъ дяди-сенатора, никто, кромѣ любопытныхъ писарей, и не читаетъ.

— Вашего мнѣнія, г. полковникъ, я не раздѣляю: оно неправильно. Коль скоро представляются по службѣ рапорты, то хотя бы ими интересовались только сторожа присутственныхъ мѣстъ, въ которыя они адресованы,—они должны быть вѣрны; иначе и полковниковъ, подписывающихъ невѣрные рапорты, отрѣшаютъ отъ должностей, хотя бъ и ихъ отцы сенаторствовали...

— Я тебя, Александръ Ивановичъ, жду не дождусь, а ты тутъ лясъ точишь,—забасилъ неожиданно вошедшій инспекторъ, въ красной широкой рубашкѣ съ разстегнутымъ воротникомъ, въ широкихъ плисовыхъ шароварахъ и въ зеленыхъ туфляхъ.—Вы, Өирсовъ, зачѣмъ здѣсь, когда вамъ надо готовить полкъ къ смотру?

— Приглашенъ объясниться, ваше превосходительство,—отвѣтилъ, кланяясь, полковникъ.

— О чемъ объясняться въ такое горячее время?—приставалъ инспекторъ.

— По приказанію вашего превосходительства, я просилъ г. полковника разъяснить: почему въ строевомъ рапортѣ полка встрѣчаются ошибки въ числѣ людей?

— Ка-акъ?ошибки?—закричалъ инспекторъ. — У насъ своей работы по горло, а онъ, на-ка, ошибки дѣлаетъ, да еще въ строевыхъ рапортахъ?! Я этого терпѣть не могъ-гу! На гауптвахту посажу, а какъ обо всѣхъ арестованныхъ докладываютъ государю императору, то пусть онъ, августѣйшій нашъ монархъ, узнаетъ, что изъ гвардіи полковникъ ариѳметики не смыслилъ.

— Я, ваше превосходительство, вновь командую полкомъ, понадѣялся на опытность адъютанта и писарей... Я позволяю себѣ думать...

— Думаютъ индѣйскіе пѣтухи, а я врагъ тѣхъ, кто думаетъ да не исполняетъ своей обязанности. Утруждать насъ вздоромъ я никому не позволю! Чтобы черезъ часъ былъ здѣсь наивѣрнѣйшій рапортъ, не то я васъ упрячу на гауптвахту, непременно упрячу за резонерство. Ступайте!

Өирсовъ удалился, красный, какъ ракъ.

— Въ чемъ же у тебя съ нимъ былъ споръ?—уже мягко спросилъ инспекторъ Готова, по уходѣ Өирсова.

— Я ему доказывалъ, что нельзя разсылать рапорты съ ошибками, а онъ мнѣ отвѣтилъ, что эти рапорты читаютъ только любопытные писаря, т. е. оскорблялъ меня въ вашемъ лицѣ.

— Ахъ, онъ прощальга эдакій! Напрасно ты, братецъ, раньше этого мнѣ не сказалъ? я бы его, шишимору, прямо арестовалъ. Впрочемъ онъ, дуракъ, еще не знаетъ, что ты—это я. Ну, по глупости и сболтнулъ.

— Я его приглашалъ не болтать, а между тѣмъ онъ заставлялъ васъ ждать меня, да и меня ни во что не ставилъ. Вы не должны этого допускать, если дорожите моей службой.

— Я его, прохвоста, подтяну, жестоко подтяну! Или нѣтъ: не представляю его къ утвержденію полковымъ командиромъ, ни за что не представляю: не годится. Отмѣть мнѣ это на память. А это что у тебя за клопъ?—перевелъ инспекторъ рѣчь на меня.

— Я взялъ изъ всѣхъ полковъ по одному въ подмогу, и онъ одинъ изъ взятыхъ. Вы изволите его знать: бывалъ у васъ въ N. ординарцемъ, да и крестникъ учителя Палова, котораго вы удостоиваете вниманіемъ за ученость.

— Ахъ, да, помню, обоихъ помню. Палова представъ къ награждѣ. А ты, клопъ, стоишь молодцомъ, спасибо. Не забылъ, какъ являлся ко мнѣ ординарцемъ? Покажи-ка, что держишь?

Я приподнесъ ему бумагу и сталъ во фронтъ...

— Ты еще не читалъ ея?—спросилъ инспекторъ Готова.

— Нѣтъ-съ, но сію минуту прочту.—Онъ взялъ у меня бумагу, быстро прочелъ ее и молвилъ: «вѣрно-съ».

Тогда инспекторъ схватилъ перо и подписалъ, даже не взглянувъ на содержаніе бумаги.

— Молодецъ-то ты молодецъ, но отчего же ты въ курточкѣ?—освѣдомился инспекторъ.

— Я кантонистъ, ваше превосходительство.

— Кантонистъ въ походѣ, на войну пришелъ! это что за фокусъ?

— Судя по строевымъ рапортамъ, всѣ полки привели кантонистовъ въ числѣ писарей, музыкантовъ и пѣвчихъ,—отвѣтилъ Готовъ.—Это совершенно неправильно, и, если замѣтятъ, опять придется отписываться.

— Да эти черти, полковые командиры, совсѣмъ ошалѣли и подведутъ меня, ей-богу, подведутъ!.. Сегодня же предпиши ты

имъ, проклятымъ, чтобы ни одного кантониста здѣсь не было чрезъ 24 часа: пусть хоть проглотятъ ихъ.

— Вы желаете, вѣроятно, зачислить всѣхъ кантонистовъ въ рядовые?

— Ну да, ну да, въ рядовые ли, въ фельдфебеля ли,—это мнѣ все равно, только бы кантонистовъ не было при строевыхъ полкахъ. Ты, клопъ, хорошо мнѣ рапортовалъ ординарцемъ?

— Вашему превосходительству трижды благоугодно было собственноручно награждать меня серебрянымъ пятаккомъ.

— Ну ты ихъ всѣ, я думаю, пролакомилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: берегу, ваше превосходительство, на память, какъ вашу награду.

— Произведи его, Александръ Ивановичъ, въ писаря.

— Ни одной, къ сожалѣнію, вакансіи нѣтъ-съ.

— Такъ въ унтеръ-офицеры въ любой полкъ и оставь его при себѣ; онъ и мнѣ нравится.

— Ему еще только 16 лѣтъ, а въ унтеръ-офицеры установлено производить только рядовыхъ, и то достигшихъ 25-лѣтняго возраста.

— Маѣ бы очень хотѣлось видѣть его въ галунахъ, но коли ты противъ этого—дѣлай, какъ знаешь. Сколько, скажи-ка мнѣ, клопъ: рядовой получаетъ жалованья въ треть?

— Рубль тридцать пять коп., ваше превосходительство.

— Отлично. А сколько государь даетъ мнѣ жалованья.

— Не могу знать, ваше превосходительство,

— И прекрасно: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ,

Онъ скорчилъ гримасу, высунулъ мнѣ языкъ, ушелъ и позвалъ съ собой Готова. На слѣдующее утро я, въ числѣ многихъ кантонистовъ, считался уже рядовымъ, да еще 18-ти лѣтъ: право на званіе рядового имѣли только достигшіе этого возраста, почему мнѣ набавили въ спискѣ 2 года, такъ что я вдругъ сдѣлался старше и сталъ получать жалованья 1 р. 35 к. въ треть... Ежедневныя хожденія въ штабъ тяготили меня лишь тѣмъ, что передъ каждымъ офицеромъ и военнымъ чиновникомъ мнѣ, нижнему чину, приходилось снимать шапку, а офицеровъ, по случаю войны, слонялось по улицамъ такъ много, что отъ сниманія и надѣванія шапки рука просто отнималась. Занятій въ штабѣ было, дѣйствительно, много: 10 человекъ сидѣло, не разгибаясь, съ ранняго утра до поздняго вечера, въ будни и въ праздники. Готовъ составлялъ по 50—60 бумагъ въ сутки, перечитывалъ и подавалъ ихъ къ подписи инспектору, да еще принималъ ежедневно человекъ 20—30, отъ генераловъ до прапорщиковъ включительно. Къ самому инспектору являлись только съ рапортами о благополучіи полковъ, а обо всемъ остальномъ—адресовались къ Готову. Онъ выслушивалъ доклады, снабжалъ совѣтами, распоряженіями, нотаціями, какія считалъ умѣстными, такъ какъ дѣйствовалъ именемъ инспектора вполне самовластно, нерѣдко—прибавлю—и удачно; даже расчеркивался на бумагахъ фамиліею инспектора, по его уполномочію. Мало того, два инспекторскихъ адъютанта

(капитанъ и поручикъ) находились въ полномъ подчиненіи Готова и дѣлали лишь то, что онъ имъ поручалъ.

Не прошло и недѣли моихъ занятій въ штабѣ, какъ я убѣдился, что рассказы мои и другихъ, присланныхъ изъ полковъ въ штабъ, послужили Готову темою для различныхъ вопросовъ, замѣчаній и выговоровъ полковымъ командирамъ. Имъ, напр., предписывалось лучше продовольствовать солдатъ, поить ихъ водкою, не отягчать ученіемъ и работою. Предписанія эти приводили въ ярость полковое начальство: предстоялъ царскій смотръ, а оно считало невозможнымъ приготовиться къ этому смотру безъ усиленныхъ муштровокъ, которыя, между тѣмъ, наистрожайше были воспрещены; нарушать же запрещеніе казалось опаснымъ. Инспекторъ могъ самъ заставить ученья, узнать о нихъ и покарать за нарушение его приказаній. Начальство и приуныло, изъ опасенія осрамиться безъ репетицій. Наканунѣ назначеннаго смотра, въ казарменныхъ коридорахъ выстроили въ полной формѣ солдаты, тщательно осмотрѣли, причемъ всѣ ротные, батальонные и полковые командиры упрасивали ихъ постараться, отличиться, хотя о стараніи не стоило и заикаться: солдаты отлично понимали значеніе *перваго* въ ихъ жизни царскаго смотра, и сами готовы были лѣзть изъ кожи. Раннимъ утромъ, солдаты выстроились опять въ коридорахъ, начальники повторили имъ свою просьбу отличиться, и когда солдаты отвѣтили: «рады стараться», приказали имъ перекреститься, чтобы Богъ послалъ счастья. Въ семь часовъ полки стояли ужъ на плацу. Ихъ снова поочередно осмотрѣли полковые и бригадные командиры, инспекторъ, директоръ департамента и, наконецъ, главнокомандующій. Зрители, (въ числѣ ихъ былъ и я) забавлялись рѣзкою разницею фигуръ: инспектора, директора и главнокомандующаго. Инспекторъ былъ великанъ и такъ тучень, что лошадь полъ нимъ гнулась; директоръ, немомовѣрной художавости, представлялся тонкою жердью въ сравненіи съ инспекторомъ; главнокомандующій же чуть виднѣлся съ сѣдла: онъ былъ самаго крошечнаго роста и тѣлосложенія. Всѣ трое встрѣтили военнаго министра, который величественно объѣхалъ полки, поздоровался и остановился посрединѣ. На плацъ наѣхала громадная свита, а за нею—государь. Музыка заиграла, и государь подъ ея звуки началъ смотръ, продолжавшійся съ часъ. Послѣ cadaго передвиженія, онъ говорилъ: «хорошо»,—и «рады стараться» громомъ разносилось въ воздухѣ. Когда государь послѣдній разъ произнесъ: «спасибо, ребята!» и пересаживался съ лошади въ коляску, я побѣжалъ въ штабъ и доложилъ Готову о результатѣ смотра задолго еще до возвращенія домой инспектора, которому понадобилось проводить по порядку: министра, главнокомандующаго, директора, а потомъ поблагодарить бригадныхъ, полковыхъ и прочихъ командировъ и солдатъ. Онъ ввалился, какъ былъ, въ полной парадной формѣ, въ кабинетъ Готова, съ сіявшимъ отъ радости лицомъ, грохнулся въ кресла и самодовольно спросилъ:

— Какъ, Александръ Ивановичъ, ты объ насъ думаешь?

— Слава Богу, похвалилъ!—отозвался Готовъ.—Поздравляю ваше превосходительство, радуюсь...

— Откуда ты это успѣлъ узнать?

— Вотъ онъ принесъ мнѣ эту радостную вѣсть.

— Ахъ, ты, клопъ эдакій! раньше меня поспѣлъ... Молодецъ, молодецъ, пойдй сюда...

Я приблизился къ инспектору и онъ поцѣловалъ меня въ голову.

— Ужь какъ государь расхвалилъ насъ!—продолжалъ онъ, со слезами умиленія на глазахъ—Дай ему (т. е. мнѣ) 3 цѣлковыхъ, да серебряныхъ, за его прыть. Да, братецъ, трижды благодарилъ меня, сказалъ, что я его порадовалъ прекраснымъ состояніемъ полковъ, потомъ повелѣлъ представить лучшихъ офицеровъ къ наградамъ, унтеръ-офицерамъ дать по 2 р., а рядовымъ по рублю за смотръ. «И тебя, старикъ, не забуду!» прибавилъ мнѣ. Четвертую ленту, либо *полнаго*, значить, получимъ, да?

— Отъ души желаю вамъ.

— Пойдемъ обѣдать и тамъ поговоримъ, какъ и что сдѣлать. Никого не принимать: сегодня праздникъ на нашей улицѣ.

Онъ пошелъ къ себѣ, насъ отпустили домой, а меня — съ тремя рублями въ рукахъ. Въ казармахъ я засталъ то же ликованіе: солдатамъ сварили отличный обѣдъ, дали водки и разрѣшили отдыхать трое сутокъ за то, что отличились, а чрезъ двѣ недѣли роздали царскую награду солдатамъ и всѣмъ, занимавшимся въ канцеляріяхъ, рядовымъ, унтеръ-офицерамъ и писарямъ. На мой вопросъ: почему награждаютъ и насъ, когда на смотру мы не были?—мнѣ разъяснили, что въ вѣдомостяхъ о числѣ людей, находившихся на смотру, нарочно прибавили человекъ по 300 въ каждомъ полку, чтобы получить больше денегъ, и изъ лишнихъ назначили награды канцеляріямъ.

Болѣзни солдатъ, однако, мало уменьшались, поэтому полки отправили на поправку и на отдыхъ въ лагерь. А тамъ, для внушенія нашимъ солдатамъ понятій о войнѣ, прислали на каждую роту по одному ундеру изъ роты дворцовыхъ гренадеръ,—или «золотой роты», какъ ее называли. Эти сѣдые, закаленные въ бояхъ и украшенные отличіями, гренадеры своими разсказами о бывшихъ войнахъ воспламеняли нашу молодежь на бранные подвиги, за что пользовались почтеніемъ какъ отъ солдатъ, такъ и отъ начальства. Среди лѣта огласилось, что непріятельскій флотъ подступилъ къ берегамъ Финляндіи и бомбардировалъ Аландскіе острова. И вотъ, для усиленія войскъ въ Финляндіи, нашъ полкъ послали въ крѣпость Выборгъ, а штабъ полка съ его имуществомъ оставили въ Петербургѣ, въ казармахъ, откуда и я продолжалъ ходить въ штабъ инспектора. Напрасно продавъ мѣсяца три непріятеля, полкъ вернулся въ Петербургъ, а съ наступленіемъ глубокой осени наше войско распредѣлили на зимнія квартиры, а инспектора отпустили домой, въ Москву. Готовъ хотѣлъ взять меня туда же въ свой штабъ, обѣщалъ произвести меня зимою въ писаря, но я предпочелъ вернуться въ среду своихъ однокашниковъ, и онъ наградилъ меня 10 р.,

отличною аттестаціею, и отпустилъ до слѣдующаго лѣта въ полкъ, гдѣ мнѣ было веселѣй. Насъ провезли двое сутокъ, опять на открытыхъ платформахъ желѣзной дороги, а потомъ прогнали верстъ 60 слишкомъ до мѣста назначенія — уѣзднаго города Боровичей.

VIII.

Невзрачный городишко населяли именовавшіеся купцами 3-й гильдіи, для избавленія сыновей отъ рекрутчины, да мѣщане. Огромное большинство ихъ еле перебивалось почти исключительно кузнечнымъ и столярнымъ ремеслами. Солдатъ нашихъ распредѣлили квартировать по деревнямъ, откуда, для занятія карауловъ, они должны были приходить по-ротно въ городъ, гдѣ зимовать расположился только полковой штабъ, но и ему квартиръ не хватало. Оттого насъ, мальчиковъ, помѣстили по 2 и по 3 въ домъ. Я съ товарищемъ Васильевымъ попали на квартиру къ столяру, у котораго нашли еще постояльца — худаго, какъ щепка, инвалиднаго солдата.

— Милости просимъ, милости просимъ,—добродушно встрѣтилъ насъ хозяинъ, мужчина среднихъ лѣтъ. — Вы бѣдны, мы бѣдны, значить, по неволѣ товарищи. Вамъ дадутъ казенной муки и крупы; у насъ есть капуста и рѣдька, а на соль заработаемъ, и ладно.

— Такой-то кормъ намъ и на походѣ оскомину набилъ,—замѣтилъ я:—мы надѣялись на что вибудь получше.

— Ау, братъ, ошибся: нужда самихъ насъ одолѣла. Впрочемъ, коли ежли подсобите работать — можетъ, и на говядину, по праздникамъ, раздобудемся.

Мы пристально оглянули обѣ комнаты, составлявшія квартиру столяра, и по нищенской обстановкѣ убѣдились въ справедливости его словъ. Немного погодя, инвалидъ принялся нянчить малютку, а хозяйка стряпала «пустыя щи». Стемнѣло. Зажгли лучину. Мы всѣ вмѣстѣ поужинали этими щами. Хозяйка ушла со своими тремя ребятами спать въ смежную съ мастерскою каморку, а въ мастерской, загроможденной верстакомъ, инструментами и досками, инвалидъ улегся на соломенной подстилкѣ на лавкѣ. Мы же пристроились на полу, на тонкихъ стружкахъ, чтобъ не такъ жестоко было спать, а подъ головы хозяйка удѣлила намъ мочальный дѣтскій тюфячокъ. Мы очень хотѣли спать, но инвалидъ отчаянно кашлялъ и разгонялъ нашъ сонъ.

— Перестань, пожалуйста, кашлять; спать нельзя!—молвилъ съ досадой Васильевъ.—Намъ надо хоть сномъ подкрѣпиться.

— Радъ бы, братцы, въ рай, да грѣхи не пускаютъ,—отозвался инвалидъ, тяжело переводя духъ.—Сколько ни стараюсь, не могу удержать кашля.

— Такъ откашляйся хорошенько сразу, да и дай намъ спо-

кой, вставилъ я.—Мы вѣдь трое сутокъ почти не спали, сегодня 20 верстъ отшагали, а завтра заниматься намъ надо...

— Вѣрю вамъ, братцы, вѣрю и жалѣю васъ, да съ кашлемъ-то я справиться не въ силахъ: какъ лягу, такъ онъ меня и душитъ, и душитъ,—оправдывался инвалидъ, кряхтя и охая.—Полгода вылежалъ я въ больницѣ, да не помогло... Въ неспособные исключили; умрешь, говорятъ, скоро: вся печенка и селезенка отвалились отъ своихъ мѣстъ. Мой кашель не простой, а стъ... отъ палокъ...

— Какъ отъ палокъ?

— Да такъ... меня сквозъ строй гоняли...

— Неуж-жели? съ живостью спросили мы, въ одинъ голосъ, пораженные этимъ страшнымъ извѣстіемъ.

— Вѣрно, братцы. Меня прогнали чрезъ 300 человекъ два раза и отбили всю внутренность.

— За что же это? съ сожалѣніемъ продолжалъ я.

— Я служилъ, видите-ли, въ новгородскомъ гарнизонномъ батальонѣ унтеръ-офицеромъ и водилъ партію арестантовъ по этапу 5 лѣтъ сряду благополучно, а на 6 году, изъ партіи ссыльныхъ въ Сибирь, одинъ бродяга, въ плохенькомъ этапномъ домѣ, сговорился съ часовымъ, штрафованнымъ солдатомъ, и оба умудрились убѣжать, покаместъ я спалъ... Они, какъ въ воду, канули, а меня изъ-за нихъ—разжаловали, лишили 18-лѣтней безпорочной службы, протащили сквозъ строй, искалѣчили, да и прислали сюда караулить провіантскій магазинъ. Я тоже изъ кантонистовъ, когда-то мечталъ попасть въ офицеры, потому я былъ грамотный, трезвый и аккуратный,—ахъ вотъ чѣмъ кончаю... кхе-кху-кха... Онъ снова раскашлялся.

— Ужасно, должно быть, когда...

— Да, покуда я выслушивалъ рѣшеніе, глядѣлъ, какъ солдаты размахивали палками, да раздѣвался,—я изъ черноволосаго сдѣлался сѣдымъ (фельшеръ слѣдилъ, какъ мои волосы постепенно дыбомъ поднимались, да бѣлѣли), а потомъ... потомъ я ничего уже не помнилъ... Очнулся я въ лазаретѣ, чрезъ 8 сутокъ послѣ наказанія, когда мнѣ 5 разъ взбрызгивали спину и бока водкой... Почти цѣлый мѣсяцъ, чрезъ день, вытаскивали изъ моего тѣла куски палокъ... Я молил у Бога смерти, но Онъ не послалъ ея, а оставилъ меня мучиться... Я былъ здоровый, бравый человекъ, а сталъ кощеемъ,—кожа да кости, да и тѣ передъ погодой ноятъ... Ну, и караулю, чрезъ двое сутокъ въ третью, магазинъ, а досугами хожу въ церковь да лѣчусь... Онъ опять раскашлялся.

— Чѣмъ же лѣчишься-то?

— Рѣдечнымъ сокомъ ¹⁾. На тѣркѣ растираю рѣдку, выжимаю изъ комковъ сокъ и пью. Сначала пилъ по чайной ложкѣ,

¹⁾ Онъ постепенно все увеличивалъ пріемъ до двухъ чайныхъ стакановъ сразу, зато къ лѣту совершенно выздоровѣлъ и даже потолстѣлъ.

потомъ по рюмкѣ, а теперь по стакану. Какъ выпью, духъ захватывается, внутренность зажжетъ, я по часу слова сказать не могу; зато послѣ откашливаюсь и бодрѣе дѣлаюсь. Днемъ курю еще махорку: тоже облегчаетъ.

— Такъ покури и теперь, ежели махорка унимаетъ кашель, — совѣтовали мы ему. — Насъ стѣснять нечего: табакъ намъ не противенъ.

— Спасибо вамъ, братцы, за совѣтъ, только я ночью не курю, чтобы съ огнемъ бѣды не натворить: тутъ все дерево, стружки — мигомъ пожаръ охватитъ.

— Мы постережемъ.

— Жаль мнѣ, братцы, утруждать то васъ.

— Зачѣмъ же тебѣ маяться, коли мы тебѣ охотно услужимъ?

И, не ожидая дальнѣйшаго отвѣта, мы, какъ бы по уговору, вскочили, ошупью отыскивали лучину, зажгли ее и поднесли бережно къ инвалиду, вставивъ сначала въ свѣтецъ.

— Благодарю васъ, друзья мои, отъ души благодарю за жалость ко мнѣ, несчастному, — заговорилъ онъ сквозь слезы. — Дай вамъ Богъ счастья.

Онъ присѣлъ, дрожащими руками набилъ и закурилъ трубку, а мы, глядя на него, прослезились и зорко слѣдили за огнемъ. Онъ накурился, мы погасили водой лучину и, довольные своимъ поступкомъ, вернулись на свое мѣсто спать. Но сонъ бѣжалъ отъ насъ: настроенные рассказами инвалида Кирилова, мы почти до разсвѣта продумали объ его горькой участи. Мы сдѣлались потомъ закадычными друзьями и каждую ночь предоставляли ему возможность покурить описаннымъ способомъ, а сами, благодаря этому, спокойно спали потомъ. На утро мы пошли въ канцелярію и тамъ узнали, что довольныхъ хозяйскою пищею набиралось всего четверо; но и изъ нихъ двое сообщили намъ, что ихъ хозяева-раскольники общали хорошо кормить ихъ и даже дарить имъ пайки подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы они сидѣли и спали въ кухнѣ, да подъ лѣстницею, куда имъ дадутъ даже пуховыя перины и подушки. Они согласились и за это уже дважды пили чай съ ситникомъ, отлично завтракали и ужинали. Наши старшіе велѣли намъ обойти городъ и узнать названія улицъ, квартиры полковаго и батальоннаго командировъ, адъютанта, казначея, квартирмейстера, аудитора и священника, чтобы, въ случаѣ надобности, не плутать напрасно, да и исправно снимать шапки, проходя мимо этихъ домовъ. Ознакомившись съ городомъ, мы, занимавшіеся въ казначейской части, зашли къ казначею — поздравить его съ пріѣздомъ. Онъ разспросилъ насъ: какія мы попали квартиры, общать попросить, кого слѣдуетъ, перемѣнить намъ худыя помѣщенія на лучшія и далъ по рублю на чай.

— Помните всегдашнее мое наставленіе: пьянствовать не пріучайтесь; женщинъ остерегайтесь; одѣвайтесь опрятно; ходите по субботамъ ко всенощной, а по воскресеньямъ къ обѣднѣ; послѣ же обѣдни — ко мнѣ чай пить, — внушалъ намъ Мифоровъ. — Если

кому изъ васъ что понадобится, говорите мнѣ: все, что можно, я устрою, потому что доволенъ вашимъ поведеніемъ и занятіями.

Канцелярское колесо наше завертѣлось обычнымъ порядкомъ: мы работали съ утра до обѣда, послѣ обѣда—до вечера, нерѣдко и до поздней ночи, а въ досужіе часы чинили, мыли свое бѣлье и т. д. Безшабашневъ, освободившись отъ угрозъ петербургскихъ писарей, съ яростью нападалъ на своихъ: билъ, дралъ чуть ли не ежедневно; непрерывно ставилъ ихъ, въ ранцахъ съ пескомъ, на часы по цѣлымъ ночамъ; двухъ писарей, по его настоянію, разжаловали даже въ рядовые. Одинъ покушался повѣситься съ отчаянія, но его сняли съ петли и потомъ все таки отодрали. Квартировавшіе по деревнямъ, а частію и въ городѣ, солдаты занялись ученіями да различными работами. Ротные командиры упрашивали помѣщиковъ не отдавать ихъ крестьянамъ солдатскихъ пайковъ, а у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ—выманивали или отжиливали эти пайки. Батальонные командиры сводили счеты сбереженнымъ контрмаркамъ и продолжали сбывать ихъ по уменьшенной цѣнѣ въ уѣздное казначейство. Полковой нашъ командиръ, какъ старшій по чину въ городѣ, сразу сдѣлался царькомъ: онъ ежедневно обходилъ весь городъ, требовалъ, чтобы на улицахъ не было сугробовъ снѣга, чтобы кабаки и трактиры, послѣ пробитія вечерней зари, запирались со всѣхъ сторонъ; чтобы по ночамъ народъ не шлся по улицамъ съ огнемъ; чтобы въ острогѣ было чисто; арестантовъ содержали бы строго; этапы отправляли бы своевременно; чтобы инвалидные солдаты ходили въ формѣ, а въ караулъ—въ чищенной аммуниціи и т. д. Ни городничій, ни инвалидный начальникъ, ни уѣздный судья и проч. не были, правда, подчинены нашему командиру, но онъ нагналъ на всѣхъ такой страхъ, что они боялись его не много развѣ меньше, чѣмъ своего непосредственнаго начальства. Съ прямыми же подчиненными нашъ полковникъ не тратилъ словъ, а каралъ: нижнихъ чиновъ—розгами, офицеровъ же—арестами и посылкою въ караулъ не въ очередь.

Однажды явились въ канцелярію, въ полной формѣ, два вновь прибывшихъ офицера.

— Вы поступите въ 1-й батальонъ, — отрывисто объявилъ командиръ первому изъ нихъ, быстро осмотрѣвъ его проникательнымъ взглядомъ.—Представьтесь батальонному командиру.

— Извините, г. полковникъ, батальоннаго командира, кажется, тутъ нѣтъ-съ, — робко возразилъ офицеръ, озираясь кругомъ.

— Если я вамъ приказываю, такъ исполняйте. Чтобы вы не смѣли возражать—на гауптвахту на двое сутокъ.

Офицеръ вспыхнулъ и молча ретировался. Отрапортовалъ слѣдующій офицеръ и получилъ то же приказаніе, но онъ отошелъ въ сторону и остановился въ раздумьѣ.

— Чего еще ждете? — спросилъ Деймарнъ офицера. — Вамъ сказано...

— Я, г. полковникъ, желаю здѣсь справиться: гдѣ квартируетъ батальонный командиръ, — отвѣтилъ спрошенный.

— Вонъ тамъ, — указалъ онъ ему пальцемъ въ окно черезъ улицу.

— Тамъ гаунтвахта-съ...

— Туда и отправьтесь на сутки, чтобы на досугѣ размыслить: какъ узнавать, гдѣ живутъ ваши начальники.

Зима окончательно стала. Нѣкоторые офицеры уѣхали въ отпускъ въ Н., куда отправились и Деймарнъ съ казначеемъ, а командовать полкомъ остался старшій изъ батальонныхъ командировъ, Бабаевъ. Отъѣздъ Деймарна всѣхъ обрадовалъ — избавленіемъ, хотя на время, отъ строгостей. Отъ радости все разнуздалось. Офицеры компаніями ѣздили въ гости къ окрестнымъ помѣщикамъ. Кутили и въ городѣ. Полковой священникъ квартировалъ вмѣстѣ съ аудиторомъ. Аудиторъ устроилъ пирушку. Хозяинъ и гости напоили священника, переодѣли его въ солдатскую шинель, закричали «пожаръ», выбѣжали на улицу и погнались по ней, среди дня, священника въ шинели, на потѣху ротозѣямъ.

Глядя на высшихъ, и нижніе чины бросились, вечерами, на «посѣлки». Тамъ дѣвушки и женщины шили, пряли, пѣли пѣсни и плясали со своими парнями. Ловкостью и умѣньемъ наши солдаты быстро отгѣснили мѣстныхъ кавалеровъ отъ ихъ дамъ и дѣвицъ, и совсѣмъ завладѣли многими изъ нихъ. Побѣда эта дорого обошлась побѣдителямъ: изъ десяти не насчитывалось и трехъ, не заразившихся извѣстной болѣзью во всѣхъ ея формахъ. Опытные прибѣгали къ помощи фельдшеровъ, даже лѣкарей. Многие, отъ злости, въ сумеркахъ вымазывали дегтемъ ворота «побѣжденныхъ» и колотили ихъ самихъ съ остервененіемъ. Нѣкоторые юноши, не понимая причины постигшей ихъ болѣзни, запускали ее, лишались волосъ на головѣ, даже на бровяхъ, съ трудомъ передвигали ноги. Зраза сильно обнаруживалась и въ деревняхъ. Полковой лазаретъ такъ скоро наполнялся «побѣдителями», что не куда было ихъ и класть.

Выискался старикъ-мѣщанинъ, который за 2 рубля брался «вылѣчить дѣчиста» Къ нему и повалили толпами. Лѣчилъ онъ вотъ какъ: въ жарко натопленной банѣ, больной, раздѣтый донага, ложился на полокъ, а старикъ намазывалъ пораженное тѣло крѣпкою водкою, квасцами или сулемой, глядя по степени пораженія, поддавалъ пару настолько, что дыханіе захватывало, надѣвалъ на руки кожаные рукавицы и парилъ больного вѣникомъ, а чтобы заглушать мучительную боль, заставлялъ его пить до-пьяна водку, настоенную на стручковомъ перцѣ, и лежать на полкѣ не менѣе получаса. Послѣ трехъ-четырехъ такихъ бань (по одной въ день) на больномъ мѣстѣ дѣлалась твердая короста, которая потомъ постепенно засыхала, отваливалась, и — недугъ проходилъ. Слава старика такъ быстро распространилась, что даже офицеры прибѣгали къ его помощи.

Черезъ мѣсяцъ вернулся Деймарнъ. Гулянья сразу прекратились. Съ другаго же дня, онъ началъ призывать проштрафив-

шихся въ его отсутствіи—къ отвѣту, въ канцелярію. Въ числѣ первыхъ былъ аудиторъ.

— Вы, блюститель законовъ, сами пьянствуете,—озадачилъ онъ аудитора.—Отчего вы себя такъ непристойно вели?

— Отъ скуки, г. полковникъ, право отъ скуки.—Извините, пожалуйста, впредь буду осторожнѣе.

— Почему же вы скучали, когда у васъ много неоконченныхъ дѣлъ?

— Большинство этихъ дѣлъ такіхъ, которыя васъ интересовали и вы были бы недовольны, еслибъ я безъ вашего руководства рѣшилъ ихъ.

— Гм... Во всякомъ случаѣ, ваше поведеніе предосудительно и я арестую васъ на недѣлю дома, безъ объявленія въ приказѣ, чтобы объ этомъ высшее начальство не вычитало. Если же во время вашего ареста хоть кто нибудь у васъ побываетъ, или я еще разъ замѣчу,—я представлю васъ къ удаленію отъ службы. Ступайте.

— Ну, а вы, духовный пастырь, какъ смѣли бѣгать по улицѣ въ солдатской шинели, позорить свой санъ?—Я васъ упрячу въ монастырь на покаяніе!

— Простите, милостивый начальникъ, нечистая сила смутила,—заговорилъ священникъ.—Сокрушаюсь, душевно сокрушаюсь о своемъ грѣхѣ и умоляю не губить меня съ семьей...

— Ага!.. теперь про семью вспомнили, а когда безобразничали, тогда о чемъ думали?

— Ни о чемъ-съ: въ умопомраченіи пребывалъ, духомъ немощенъ былъ отъ зелья. Покарайте, зѣло покарайте, но собственнымъ произволеніемъ, праведнымъ вашимъ судомъ...

— Ни въ караулъ нарядить, ни арестовать васъ я вѣдь не могу: закономъ мнѣ это не предоставлено, а простить не въ моихъ правилахъ.

— Наложите на меня постъ, покаяніе, и я останусь вамъ благодаренъ за это взысканіе.

— Отправьтесь на недѣлю въ лазаретъ на слабую порцію, и все это время наставляйте тамъ больныхъ въ правилахъ вѣры, а когда пойдете на потребу—васъ будетъ сопровождать унтеръ-офицеръ, чтобы вы нигдѣ ничѣмъ не угощались.

— Покорнѣйше васъ благодарю, милостивый начальникъ, за вашу снисходительность къ немощамъ человѣческимъ.

На сцену выступилъ младшій лѣкарь Яснопольскій (старшій былъ въ отпуску), человѣкъ молодой и очень развязный.

— Отчего у васъ такъ много сифилитическихъ больныхъ?—строго освѣдомился Деймаръ.—Отчего?

— Отъ зараженія,—улыбаясь, произнесъ Яснопольскій.

— Не смѣйте говорить со мной шуточнымъ тономъ, а представьте мнѣ объясненіе.

— Я вамъ его и представилъ.

— Оно меня не удовлетворяетъ, и потому... потому я прежде всего прикажу передрать всѣхъ сифилитическихъ больныхъ.

— Больныхъ лѣчатъ, а не деруть-ся. Наши больные—люди взрослые и имъ естественно заразиться... Если же вы можете больныхъ драть—начинайте... ну, хоть съ меня: я тоже одержимъ этою болѣзнью, самъ лѣчусь, лѣчу до 20 нашихъ офицеровъ, до 300 солдатъ и до 100 частныхъ лицъ. Судя по практикѣ и разговору съ уѣзднымъ врачомъ, я полагаю, что женщины въ этомъ уѣздѣ чуть ли не всѣ поголовно больны и распространяютъ болѣзнь...

— Такъ примите энергическія мѣры къ успѣшному лѣченію: съ наступленіемъ весны намъ предстоитъ опять походъ, а вѣдь оставлять здѣсь больныхъ, да еще такой скверной болѣзнью, положительно невозможно. О больныхъ офицерахъ представьте мнѣ особый списокъ.

— Извините, не могу: эта болѣзнь—тайная, а тайну я обязанъ хранить.

— Въ такомъ случаѣ я и безъ васъ узнаю.

— Довожу лишь до вашего свѣдѣнія, что всѣхъ такихъ больныхъ, пожалуй, наберется до тысячи, а я—одинъ вездѣ не поспѣю. Одивъ здѣшній мужикъ лѣчитъ сифилисъ сулемой, крѣпкой водкой и баннымъ паромъ, и хотя его способъ успѣшенъ, но причиняетъ,—какъ я на себѣ испыталъ,—невыразимыя страданія и способенъ калѣчить.

— Наблюдайте за этимъ мужикомъ, чтобы онъ хоть не морилъ людей, а я приму свои мѣры.

Онъ созвалъ городничаго, уѣзднаго врача, квартальныхъ и ближайшихъ станovýchъ, и приказалъ имъ безотлагательно разыскать заразительницъ; но тѣ отзывались, что открыто гулявшихъ жевщицъ—не знаютъ; поголовнымъ освидѣтельствованіемъ всѣхъ простолудинокъ опасаются взбунтовать народонаселеніе; благородныхъ женщинъ не позволили бы свидѣтельствовать ихъ отцы, мужья, братья; наконецъ, на освидѣтельствованіе потребовалось бы много докторовъ и времени. Тогда допросили находившихся въ лазаретѣ солдатъ: отъ какихъ именно женщинъ заразились они, и добытый этимъ манеромъ списокъ вручили гражданскому начальству, для наказанія виновныхъ. Полиція, получивъ списокъ оговоренныхъ женщинъ, пустилась на облаву за ними и всполюшила весь уѣздъ, причемъ обнаружилось, что солдаты оклеветали такихъ женщинъ и дѣвицъ, за которыми они же тщетно волочились... Попытались было дознаться: кто изъ офицеровъ и отъ кого заболѣлъ, но тѣ не признавались, а лѣкарь не выдавалъ ихъ, изъ нежеланія ссорить своихъ паціентовъ съ ихъ женами, до которыхъ могли дойти эти слухи. Нѣкоторые офицеры, остерегаясь быть уличенными, поспѣшно отпрашивались въ отпускъ и удирали долѣчиваться куда попало, либо ходили къ лѣкарю только съ полуночи, когда всѣ спали, чтобы избѣгнуть подозрительныхъ встрѣчъ, или же сходились по нѣскольку человекъ въ одно мѣсто, какъ бы въ гости, и туда являлся къ нимъ лѣкарь съ лѣкарствами и инструментами. Наконецъ, городское населеніе, особливо благородное, вознегодовало за нападки на ихъ жен-

щинъ; тѣ въ свою очередь оскорбились подозрѣніями, перестали принимать къ себѣ офицеровъ, и одѣ не выходили на улицу. Предводитель дворянства затѣялъ даже ссору съ Деймарномъ и т. д. Словомъ, возникшая вражда продолжалась вплоть до ухода полка, который мѣстные жители не только отказались провожать, но брали за прокормленіе весь солдатскій паёкъ, въ отместку Деймарну за обиду женщинъ...

В. Никитинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„СВѢЖО ПРЕДАНІЕ“...

(Изъ воспоминаній о старинномъ военномъ бытѣ).

ІХ.

Неимоверное утомленіе, холодъ, голодъ, ненастье—были прежними нашими спутниками, съ прибавленіемъ къ нимъ нѣкоторыхъ новыхъ невзгодъ. Такъ, въ городѣ Ямбургѣ, за недостаткомъ помѣщенія, намъ пришлось ночевать въ одной изъ камеръ острога, рядомъ съ арестантами, подъ замкомъ и карауломъ.—Отъ вони, копоты и насѣкомыхъ, мы не сомкнули и глазъ, лежа на голыхъ грязныхъ нарахъ и на полу. Этотъ ночлегъ, въ сообществѣ подтрунивавшихъ надъ нами преступниковъ, произвелъ на насъ тяжелое впечатлѣніе, а мнѣ остался памятнымъ и по своимъ послѣдствіямъ. На другой день я съ величайшимъ трудомъ волочилъ ноги. Насъ нагнали ѣхавшіе порожнемъ погонщики и изъ жалости подвезли насъ до станціи. Изнуренный ходьбою, я въ телѣгѣ проспалъ, мокрый, всю дорогу; вечеромъ почувствовалъ ознобъ, кое-какъ промаялся ночь и доплелся до крѣпости Нарвы съ сильною лихорадкою.

Въ Нарвѣ,—мѣстѣ расположенія нашего полка,—фельдшеръ далъ мнѣ микстуру, но она только увеличила мои страданія. Одинъ изъ товарищей, по чьему-то совѣту, досталъ полфунта нюхательнаго табаку, всыпалъ его въ бутылку съ кипяткомъ, взболталъ и далъ мнѣ выпить цѣлый стаканъ, отчего меня, безъ перерыва, рвало нѣсколько часовъ. Меня свезли въ госпиталь, гдѣ я пролежалъ двѣ недѣли въ безпамятствѣ, но черезъ мѣсяць по прежнему занимался въ канцеляріи.

Въ крѣпости и на двухъ ея фортатахъ проживало болѣе 20,000 человѣкъ частныхъ лицъ, нашъ и армейскій полки, двѣ дружины ополченія, артиллерійская, инженерная, жандармская и казачья команды, арестантская рота и проч. Всѣ находились

въ тѣснотѣ и на виду другъ у друга. Оттого разнохарактерное войско невольно сдружилось между собой. Всѣ войска подчинялись коменданту, который ежедневно вечеромъ объявлялъ по гарнизону приказъ: какой части войскъ чѣмъ заниматься завтрашній день. Дружинные офицеры, — люди изъ знатныхъ фамилій, избѣженныя, богатые и ничего не смыслившіе въ военномъ дѣлѣ, — пренебрегали ученьями и требованіями дисциплинарныхъ правилъ, и непрерывно устраивали пиршества для офицеровъ всего гарнизона. Всѣ другіе офицеры подпали подъ нравственное и матеріальное вліяніе дружинниковъ и угождали имъ во всемъ, даже въ ущербъ своимъ взглядамъ на службу. Такъ, ученья нашихъ солдатъ часто отмѣнялись для замѣны или дружинныхъ въ караулъ, или для того, чтобы наши фельдфебели и унтеръ-офицеры обучали ратниковъ фронту и стрѣльбѣ. Наши писаря ежедневно отлучались изъ своей канцеляріи для исполненія писмоводства дружинъ, для веденія ихъ книгъ и отчетности. Наши музыканты часто ходили играть къ дружиннымъ офицерамъ, которые щедро вознаграждали ихъ, также какъ фельдфебелей и писарей, а нашихъ офицеровъ, за увольненіе подчиненныхъ на частныя занятія, — дружинники кормили и поили такими кушаньями, фруктами и винами, какихъ большинство нашихъ «худородныхъ» никогда не пивало и не ѣдало. Самыя дорогія питія и яства доставлялись дружинникамъ изъ Петербурга почти ежедневно, цѣлыми обозами; оттуда же выписывали они мастеровъ для устройства фейерверковъ, гребцовъ для катанья по рѣкѣ и т. п.

Русской откупной системы въ Нарвѣ не существовало, водкою торговали почти въ каждомъ домѣ, въ «шинкахъ», а въ базарные дни — и на улицѣ. Всякій, намѣревавшійся купить водки, вправѣ былъ напередъ *даромъ* попробовать ея вкусъ. И вотъ солдатъ, увидѣвъ въ ряду 15—20 торговыхъ, начиналъ у каждой пробовать водку, и, пока доходилъ до послѣдней, бесплатно напивался до-пьяна. Да и дешевая же была водка! Цѣлый штофъ продавался по 20 коп.; рюмка стоила — копѣйку. Дорвавшись до дешевки — солдаты пьянствовали, шатались по форштатамъ и присвоивали себѣ все, что плохо лежало... Карауля арестантовъ, солдаты перезнакомились и съ ними, сбывали втихомолку разныя вещи, ими сдѣланныя, а изъ вырученныхъ денегъ получали доли за комисію, брали деньги съ арестантовъ за проносъ водки, писемъ, табаку и другія послабленія. Солдаты прогуливали всѣ свои достатки на томъ основаніи, что явится, молъ, непріятель, перебьетъ, перекалѣчитъ, «а убитому и калѣкѣ ничего не надо».

Крѣпостное начальство состояло изъ оригинальной коллекціи. Комендантъ, семидесятилѣтній, дряхлый, совершенно глухой старикъ, маленькій инженеръ-генераль-лейтенантъ Ярмерштетъ, едва передвигалъ ноги. У плацъ-майора отъ ранъ и контузій голова была вся обвязана, а рука—на перевязи, а плацъ-адъютантъ, горбатый и безногій капитанъ, — ходилъ на костыляхъ. Именемъ этой-то коллегіи и управлялъ крѣпостью старшій писарь Чушкинъ, своего рода Готовъ.

Почти половину лѣта прожили мы мирно. Вдругъ съ устья рѣки Наровы (за 12 верстъ отъ крѣпости), гдѣ квартировалъ отрядъ войска, дали намъ знать, что непріятельскій флотъ близокъ. Всѣ встрепенулись, засуетились. Къ заливу, откуда непріятель могъ высадиться на берегъ—послали артиллерію со старыми пушками, пѣхоту съ кремневыми ружьями и казаковъ. Крѣпость имѣла три стѣны, между ними были глубокіе рвы, но искусственно наполнить ихъ водою,—какъ предполагали,—не удалось: протоки заросли отъ времени. Къ стоявшимъ на крѣпостныхъ стѣнахъ пушкамъ подвозили порохъ, ядра, бомбы, и пробовали стрѣлять, но и это плохо удавалось: внутренности пушекъ заржавѣли, порохъ отсырѣлъ, а ядра лопались. Отъ вечерней до утренней зари держали на запорѣ желѣзные крѣпостныя ворота, на которыя на ночь опрокидывали разводные, черезъ рѣку, мосты. Въ то мѣсто Рѣки, откуда ожидали приближенія непріятеля, опустили въ бочонкахъ порохъ, чтобы имъ взорвать корабли, но когда вздумали произвести опытъ, то изъ четырехъ бочекъ взорвало лишь одну. Зато вода облила всѣхъ зрителей; а со стѣны смыло всю краску. Комендантъ всѣхъ распекъ за то, что лишили стѣну ея красоты. Наконецъ, вокругъ крѣпости усилили караулъ и приказали войскамъ быть наготовѣ, а патрулямъ—чаще разъѣзжать по окрестностямъ, ловить подозрительныхъ людей и приводить въ комендантское управленіе, для разбирательства: не лазутчики ли они?

Спустя нѣсколько часовъ, къ комендантскому управленію (мы жили напротивъ) подѣхали четыре казака, окружавшіе телѣгу, съ которой слѣзъ рыжій молодой человѣкъ въ сѣренькомъ пальто и такой же шляпѣ съ широкими полями. Казаки спѣшились, одинъ остался при лошадяхъ, а трое повели арестованнаго въ управленіе. Казакъ, оставшійся на улицѣ, сообщилъ намъ, что привели «фискала». Мы мигомъ очутились въ управленіи и застали плѣнника подъ конвоемъ трехъ казаковъ.

— За что васъ привели сюда? издали спросилъ задержаннаго кто-то изъ нашихъ писарей.

— А чортъ ихъ знаетъ,—сердито отвѣтилъ спрошенный.—До-
станется имъ за это...

— Ругайся, ругайся, поколь тебя на осину не вздернули, —
пригрозилъ одинъ изъ казаковъ.

Вошелъ комендантъ, и казачій ефрейторъ доложилъ ему, что
пойманный рисовалъ что-то въ книжку, глядя на крѣпость; за
это они и привели его.

— Онъ, ваше превосходительство, по русски только бормо-
четъ, да и рыжій, значить агличанскій шпіонъ, — самодовольно
пояснилъ бравый казакъ.

— Все это вздоръ: я русскій чиновникъ, служу въ Петер-
бургѣ, въ канцеляріи военнаго министра,—съ горячностью пере-
билъ, значительно заикаясь, задержанный.—Мой отецъ—генераль
отъ инфантеріи Шубертъ, членъ военнаго совѣта. И отецъ, и я
значимся въ адресъ-календарѣ, который и у васъ, генераль, вѣ-
роятно, есть. Они ничего слушать не хотѣли. Я прошу васъ на-
казать ихъ за дерзкое обращеніе со мной.

— Исфините пошальста: казаки не понали фась,—заговорилъ
комендантъ.—Я карашо снаю вашъ отецъ, я ошень ратъ васъ
видѣтъ. Садитесь пошальста.

Оба сѣли.

— Мы вмѣстѣ слюзили съ вашъ отецъ кадовъ 30 назадъ,—
продолжалъ комендантъ.—Фи ошень похожъ на вашъ отецъ.
Какъ фи въ нашъ сторона попадальсъ?

— Я живу верстъ за 15 отсюда, на мызѣ Ямполь, у знако-
маго,—отвѣчалъ Шубертъ.—Былъ я близъ крѣпости на лѣсопиль-
номъ заводѣ, захотѣлъ взглянуть на водопадъ и на память о
немъ сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ, а они это приняли за сри-
совываніе плана крѣпости.

Комендантъ распеку казаковъ за ихъ неосмотрительность, за-
говорилъ съ Шубертомъ по нѣмецки и увелъ его подъ руку къ
себѣ, а потомъ отпустилъ. Не прошло однако часа, какъ другой
казачій патруль опять привелъ его ужъ на главную гауптвахту.
Вѣсть о поимкѣ другаго «шпіона» живо облетѣла всѣ казармы и
возлѣ гауптвахты столпился народъ взглянуть на него. Здѣсь и
я увидѣлъ его вторично. Дежурный по карауламъ, майоръ Шульцъ,
поскакалъ къ коменданту, вернулся въ его коляскѣ и отправилъ
въ ней Шуберта домой. Казаки и солдаты, зная коменданта и
Шульца за нѣмцевъ—заключили, что Шубертъ былъ именно
«шпіонъ», но нѣмцы отпустили его, потому что «измѣняютъ Рос-
сіи». Нелѣпное мнѣніе это быстро распространилось между солда-
тами, а когда изъ береговаго отряда прискакалъ къ коменданту

казакъ съ рапортомъ о появленіи тамъ непріятельскихъ кораблей,—мнѣніе это окончательно утвердилось въ солдатахъ.

— Шпіонъ все высмотрѣлъ, вызналъ, сообщилъ басурману, тотъ и нагналъ свои корабли какъ разъ теперь, а не раньше и не позже,—съ яростью толковали солдаты.—Одначе живыми въ руки мы не дадимся, а какъ только придется жутко—переколемъ комендантешку съ его компанією, выпустимъ арестантовъ и вмѣстѣ будемъ защищаться до издыханія.

— Онъ для того вѣдь, братцы, и говорилъ съ фискалою по нѣмецки, чтобы никто не понялъ, какъ онъ уговаривался о своей измѣнѣ,—пояснили другіе солдаты.

Комендантъ велѣлъ выступить на устье еще одной части артиллеріи, нашему баталіону да дружинѣ, но дружинные офицеры отказались туда идти, подъ предлогомъ неумѣнія воевать, хотя «неумѣніемъ» этимъ одинаково страдали всѣ части войскъ. Комендантъ пригрозилъ было отдать ихъ подъ судъ, но они не испугались, и онъ, зная ихъ фамиліи и связи и значеніе, уступилъ, а вмѣсто нихъ послалъ нашихъ. Вслѣдъ за уходомъ добавочнаго войска, частнымъ людямъ приказали безотлагательно выселиться изъ крѣпости на тотъ форштадтъ, съ котораго начиналась сухопутная дорога въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько часовъ, въ крѣпости остались только нѣкоторые изъ шинкарей, удешевившіе цѣнность и безъ того дешевой водки. Повсюду прекратили занятія. Вооруженныхъ солдатъ разставили по улицамъ, пушки навели на рѣку, въ разныхъ направленіяхъ. Молча двигались патрули, въ воздухѣ сверкали штыки, каски; лица будущихъ защитниковъ казались озабоченными, не смотря на выпитую для храбрости двойную порцію казенной водки... Мы, писаря, отъ бездѣлья и изъ любопытства, бродили взадъ и впередъ, стараясь проникнуть въ суть чрезвычайнаго момента.

Еще раньше зналъ я, что въ нижнихъ этажахъ крѣпостныхъ воротъ сидѣли, въ одиночныхъ казематахъ, какіе-то «важные преступники», къ которымъ близко никого не подпускали. Въ это время караулы занимали ратники, всегда небрежно исполнявшіе службу. Проходя мимо воротъ, я приблизился къ окну и взглянулъ въ него, изъ желанія увидѣть: кто тамъ содержится.

— Скажи, дружокъ, что значитъ это сильное движеніе войскъ и пальба изъ орудій?—спросилъ меня хриплымъ голосомъ черезъ рѣшетку сѣдой, какъ лунь, но еще не старый арестантъ.

— Непріятель подступаетъ къ крѣпости,—отвѣтилъ я, невольно пожалѣвъ арестанта, въ котораго пристально всматривался.—Теперь война.

— Кто же съ кѣмъ воюеть!

— Извѣстно, мы, русскіе, съ разными нехристями, а ихъ много: говорятъ, всѣ народы противъ насъ.

— А изъ-за чего происходитъ эта война?

— Право, не знаю.

— И близко непріятель?

— Да верстъ, говорятъ, за 12 отсюда. Съ кораблей стрѣляетъ.

— Ахъ, еслибъ они взяли крѣпость!..

— Какая жъ бы тебѣ отъ этого польза?

— Меня бы выпустили изъ заточенія, въ которомъ я, кажется, умру...

— За что и давно ли ты здѣсь сидишь?

— За то, что доказывалъ необходимость сдѣлать всѣхъ равными передъ закономъ и во всемъ поступать по правдѣ... За это я и томлюсь безвыходно во тьмѣ, въ сырости, въ одиночествѣ, ѣмъ такую же дрянную пищу, какою кормятъ васъ; эту пищу подаютъ мнѣ въ озошечко; чрезъ него я возвращаю посуду, подаю и ведро со своими испражненіями.

Я былъ пораженъ. Мнѣ захотѣлось узнать поближе этого чловѣка, облегчить его страданія.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я.

Онъ горько улыбнулся, покачалъ головой и проговорилъ:

— Какъ зовутъ? Гм... У меня здѣсь нѣтъ ни имени, ни фамиліи... Съ тѣхъ поръ какъ меня заточили—я только нумеръ...

— Нумеръ?—это что же значитъ?

— Да просто нумеръ. Спроси въ канцеляріи и тамъ не скажутъ, даже коменданту неизвѣстно. Кто я—знали только въ Петербургѣ, да и тамъ уже, должно быть, забыли обо мнѣ.

— Чудное что-то говорите вы,—бормоталъ я, сбитый съ толку непонятными для меня словами.

— Ты слишкомъ еще юнъ, чтобы догадаться,—продолжалъ узникъ,—но я тебѣ скажу, что страдаю за попытку...

— Полковникъ ѣдетъ!—крикнулъ часовой.—Бѣги прочь, пока цѣль.

Я бросился за уголъ и, очутившись возлѣ казармы арестантской роты, увидѣлъ, что за запертыми рѣшетчатыми воротами стояла толпа арестантовъ, въ кандалахъ и съ бритыми головами, а снаружи, возлѣ часового—караульные ратники. Ратники о чемъ-то спорили съ арестантами. Я остановился.

— Полонять насъ, аль нѣтъ?—какъ ты, молодецъ, думаешь?—обратились ко мнѣ арестанты.

— Думаю, нѣтъ,—смѣло отозвался я.

— Хоша бѣ и полонили, вамъ вѣдь все единственно кандалами-то придется побрякивать,—рѣшилъ ратникъ.—Стало быть, не для чего и худыя рѣчи болтать.

— Ну, пѣтъ, братъ, какъ полонять, такъ и шабашъ: ослободятъ насъ,—настаивалъ арестантъ.—Право, ослободятъ, потому мы предъ ними ни въ чемъ неповинны.

— Да нешто басурману досужно будетъ разбирать: повинны вы али нѣтъ? Ему казну, либо хотъ бабъ подавай: ихъ негдѣ достать по морямъ.

— Про бабъ тоже напрасно поминаешь: это чортово отродье вездѣ хотъ лопатой гребѣ. Насъ бы къ пушкамъ, либо въ рукопашную пустили,—вышло бы дѣло, а то сидѣтъ подъ замкомъ въ такую пору, когда всѣ нехристи на Рассею ополчились, очень ужъ обидно. Ты, братецъ, по виду изъ писаревъ; донеси, сдѣлай божескую милость, коменданту про наше желаніе въ первѣйшій огонь идти за вѣру, царя и отечество, подъ клятвой, что не убожимъ.

— У васъ есть ротный командиръ, чрезъ него и проситесь; мнѣ же къ коменданту доступа нѣтъ: я человѣкъ маленький...

— Коли чрезъ ротнаго, такъ проваливай мимо, школа семиглазая! Изъ вашего брата есть ловкіе фискалы, пожалуй, и ты подслушиваешь, чтобъ втюрить насъ. Не проѣдайся же по пустому.

Разсерженный арестантскою выходкою, я отправился дальше и непрерывно встрѣчалъ армейскихъ и нашихъ солдатъ, и ратниковъ съ такими вещами, какія имъ принадлежать не могли. Это меня удивляло, и изъ разспросовъ я узналъ, что «вольные люди», торопясь убираться изъ крѣпости, въ переполохѣ забыли много вещей, а солдаты, проникавшіе подъ шумокъ въ покинутые дома, подбирали эти вещи и уносили: одни, чтобы прятать въ скрытыя мѣста, а другіе—продать въ шинки за безцѣнокъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, войска, расположенныя на улицахъ, составили ружья въ козлы, разложили костры и легли вокругъ нихъ на ночь. Освѣщенные ружья и люди представляли очень красивую картину. Я вернулся домой, легъ было, какъ другіе, спать во всей формѣ, чтобы при «тревогѣ» сейчасъ же выскочить на улицу, но уснуть не могъ: сѣдой колодникъ точно стоялъ предъ моими глазами; жалость къ нему такъ принимала меня, что я чуть не плакалъ... Мало по малу мысли мои приняли воинственное направленіе, и страстное, безотчетное желаніе видѣть войну и участвовать въ ней—побудило меня предъ-

ложить товарищу по нарамъ пойти на войну. Онъ охотно согласился. Въ 5 часовъ утра, когда наши еще спали, мы тихонько отправились прямо къ подъемному ходу черезъ крѣпость, по которому многократно раньше пробирались изъ любопытства и который нашли отпертымъ. Черезъ это подземелье мы вышли къ пороховымъ погребамъ, благополучно миновали ихъ, прошли возлѣ огородныхъ плетней еще версты двѣ, до открытаго безлюднаго поля, и опустились на землю отдохнуть... Солнце ярко озаряло окрестность, поля зеленѣли отъ выросшей травы, а въ воздухѣ ничто не шелохнулось. Мы приложили ухо къ землѣ, услышали гулъ,—признакъ отдаленной стрѣльбы,—какъ увѣрялъ насъ унтеръ золотой роты, сообщили это другъ другу, вскочили и—дальше безъ оглядки. Наконецъ, издали увидали мы морской заливъ, на берегу котораго сверкали ружейные штыки и каски солдатъ, стоявшихъ какъ бы сѣрыми горками. Мы рассмотрѣли въ вышинѣ: сперва—густое облако дыма, потомъ—красный шаръ, летѣвшій прямо на наше войско, и въ то время, когда мы къ нему приблизились, шаръ свалился на крышу прибрежнаго деревяннаго дома, съ трескомъ лопнулъ, и крыша загорѣлась (въ этомъ домѣ былъ шинокъ для рыболововъ).

— Ребята! выкачивай бочку съ водкой, пока не загорѣлась,—донесся до нашихъ ушей знакомый, зычный голосъ нашего подполковника Бабаева, начальника отряда.—Для храбрости водку эту пейте и наполняйте манерки: пригодится!

Покуда солдаты исполняли приказаніе Бабаева, стѣны дома запылали отъ другихъ каленыхъ ядръ. Въ суетѣ и въ испугѣ, на насъ, пришельцевъ, никто не обратилъ вниманія, тѣмъ болѣе что и сзади солдатъ, толпившихся около бочки, тоже упала бомба, взбормоздила песчаную землю, повертѣлась и зарылась въ глубокомъ пескѣ.

Солдаты молча перекрестились и тѣснѣе сомкнулись въ кучи. Изъ поставленныхъ на берегу 10 орудій,—одно поодаль отъ другаго.—отвѣтили залпомъ, и мы, оглушенные, очутились въ клубахъ дыма. Земля задрожала подъ нашими ногами; въ воздухѣ слышался тяжелый, продолжительный стонъ. Немного погодя, дымъ разсѣялся, и мы увидали, какъ наши ядра шлепались въ воду далеко отъ кораблей, стоявшихъ въ заливѣ. Изъ корабельныхъ пушекъ пустили въ насъ еще нѣсколько гранатъ, которыя упали уже передъ нами въ воду, и насъ забрызгали. Это разсмѣшило и ободрило всѣхъ. Бабаевъ велѣлъ выстрѣлить разомъ всей пѣхотѣ, но когда дымъ отъ залпа разошелся,—мы убѣдились, что и пули падали въ воду, не далѣе какъ шаговъ за сто отъ насъ.

Безвредность для непріятеля нашихъ выстрѣловъ разсердила Бабаева, и онъ приказалъ стрѣлять безъ умолку изъ пушекъ и ружей. Безполезная трата снарядовъ только насъ же оглушала и забавляла. Бабаевъ замѣтилъ, что одна пушка не палила. Скомандовавъ всѣмъ «отбой», онъ подошелъ къ капризной пушкѣ, велѣлъ вложить въ нее двойной зарядъ и, покамѣстъ это исполняли,—зашелъ передъ пушкой и заглядывалъ въ жерло. Между тѣмъ, отъ забивки банникомъ втораго заряда, первая бомба вдругъ съ трескомъ вылетѣла, и Бабаева не стало: его разорвало на мелкія части... Всѣ ахнули, разинули рты и стояли, какъ вкопанные. Въ этотъ же самый моментъ, непріятельское ядро ударилося о смежную пушку, пролетѣло по стоявшимъ возлѣ пушки артиллеристамъ, одному оторвало голову и плечо съ рукою, а другому—ногу. Оба трупа покатались на землю... Сбитая съ лафета пушка засѣла въ песокъ, а ядро неизвѣстно куда дѣвалось. На всѣхъ напалъ паническій страхъ, который увеличился еще потому, что три корабля подплыли настолько близко, что мы ихъ отчетливо разсматривали. Начальство надъ отрядомъ принялъ старшій по чину майоръ Бурчевскій, но тотчасъ же ушелъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами, барабанщиками и своимъ писаремъ, въ уплывшую другую рыбацкую избѣнку. Артиллеристы со своими офицерами продолжали стрѣлять, а пѣхота съ растерявшимися офицерами отодвинулась⁷⁷ безъ всякой команды подальше отъ берега. Солдаты вопросительно переглядывались, точно вызвали кого нибудь распорядиться ими. Этотъ вызовъ понялъ гренадеръ золотой роты, старикъ, увѣшанный крестами. Онъ выступилъ впередъ и самовольно принялъ на себя командованіе пѣхотой.

— Тратить напрасно заряды—не стоитъ: воду ими не убьешь,—крикнулъ онъ:—значитъ, перестанемъ, братцы, стрѣлять до тѣхъ поръ, покуда начнутъ высаживаться къ намъ на землю.

— Резонъ, умно сказано!—одобрили солдаты.—Командуй.

— Такимъ манеромъ они пускай выходятъ на берегъ, а тогда мы ихъ, поганцевъ, штыками встрѣтимъ, потому—пуля дура, а штыкъ молодецъ. Слушайте меня.

Онъ глядѣлъ вверхъ, соображалъ направленіе ядра, бомбы, потомъ приказывалъ бѣжать: одной ротѣ—вправо, другой—влѣво, третьей—назадъ и т. д. Едва успѣвали исполнить его команду, какъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, съ которыхъ отбѣгали—падали бомбы, и хотя инныя тотчасъ же разрывались, но осколки теряли въ нихъ свою силу и не причиняли намъ никакого вреда. Грохотъ непріятельской стрѣльбы тѣмъ временемъ продолжался. Мы

почернѣли отъ дыма, въ ушахъ нашихъ звенѣлъ громъ, а въ сердцахъ—кипѣла безсильная жажда мщенія: достать непріятеля было нечѣмъ. Мы даже не имѣли лодокъ, на которыхъ многіе охотно подплыли бы къ кораблямъ, чтобы схватиться въ рукопашную.

Вечерѣло. Солнце закатилось, но никто не заикался объ обѣдѣ, хотя ни у кого со вчерашняго вечера и крохи во рту не было. Роптали на дрянность ружей и подтрунивали надъ спрятавшимся начальствомъ. Въ это самое время, непріятельская бомба вдругъ влетѣла прямо въ окно избушки, гдѣ находилось начальство.

— Эй, ребята, гляди: нашихъ, пожалуй, укокошитъ.—крикнули одни.

— Стекло, извѣстно, не спасетъ,—замѣчали другіе.

— Туда имъ и дорога,—одобряли третьи.—Пускай катаетъ ихъ...

Нѣсколько бомбъ ударилося въ стѣну и въ крышу избушки, и она запылала... «Наши», однако, выскочили невредимы и подбѣжали къ намъ.

— Слава Богу, спаслись, спаслись!—кричалъ Бурчевскій.—Разглядѣли насъ, каналы этикіе.

— Хорошо еще Григорьевъ (писарь) во время крикнулъ, что бомба летитъ въ насъ, и мы успѣли попадать на землю, а то бы никто не уцѣлѣлъ,—пояснилъ капитанъ Ракитинъ.

— Да, это правда. Я тебя, Григорьевъ, за это награжу.

Наши артиллеристы выпалили, попали наконецъ въ первый корабль и настолько удачно, къ ихъ радости, что онъ закачался, издалъ пронзительный свистъ и тихо поплылъ назадъ, окруженный остальными кораблями.

— Подъ ручки увели корабль-то; вѣрно, усталъ, — острили одни солдаты.

— Чтобъ имъ потонуть, окаяннымъ!—слышалось пожеланіе другихъ.

Непріятель ушелъ. Всѣ перекрестились и успокоились. Начальство проверило результаты дневнаго сраженія и убѣдилось, что изъ 10 нашихъ пушекъ 7 были сбиты съ лафетовъ и попорчены, а изъ войска—8 убито, 10 ранено, да нѣсколько человекъ контужено. Ружья составили въ козлы, аммуницію скинули; разыскали куски тѣлъ убитыхъ и снесли въ сарай. Туда же свели и раненыхъ, перевязали имъ раны, отправили съ казакомъ въ крѣпость рапортъ о происходившемъ «сраженіи», сварили ужинъ, роспили водку, разставили часовыхъ и разлеглись по берегу спать...

Ночь была восхитительная: на безоблачномъ лазурномъ небѣ игриво заблистали звѣзды; въ воздухѣ вѣяло живительною про-

хладою; по зыбкой глади рѣки ровно переливались серебристыя струйки; рыба осторожно плескалась, а въ прибрежномъ тростникѣ мѣрно квакали лягушки. Природа воодушевила всѣхъ. Звонкій смѣхъ, веселый говоръ, остроты валявшихся подъ открытымъ небомъ солдатъ—далеко разносились по окрестностямъ. Изъ ума совершенно испарилось, что не далѣе, какъ за часъ тому назадъ, жизнь каждаго висѣла на волоскѣ; что земля, на которой мы блаженствовали, обогрена кровью артиллеристовъ; что въ сараяхъ нашими трофеями лежали бездыханные трупы, да стонали искалѣченные, о которыхъ никто не вспоминалъ, изъ опасенія испортить свое веселое настроеніе духа. Глядя вокругъ, я переселился воображеніемъ отъ чудной картины природы къ ликованію здоровыхъ, отъ нихъ—къ страданіямъ раненыхъ, къ покинутымъ, осиротѣлымъ семействамъ убитыхъ. Я тужилъ объ этихъ семействахъ, которыхъ ждали горе и нищета, по милости войны, неизвѣстно изъ-за чего происходившей...

— А вѣдь намъ, Шумитинъ, надо убраться восвояси, да еще похитрѣе какъ нибудь,—прервалъ мои размышленія товарищъ по побѣгу изъ крѣпости, Солыбановъ.—Ежели насъ не хватились—слава Богу, а какъ станутъ разыскивать—попадетъ, братъ, намъ на орѣхи за наше любопытство. Да, бѣда неминуемая!—кончилъ онъ со вздохомъ.

Эта рѣчь точно кипяткомъ ошпарила меня своею правдивостью. Чувство самосохраненія заставило насъ искать покровительства въ писарѣ Григорьевѣ, благо онъ хорошо зналъ насъ. Мы откровенно рассказали ему, какъ попали въ сраженіе, и просили выручить изъ бѣды. Онъ присовѣтовалъ намъ отправиться съ разсвѣтомъ въ крѣпость въ числѣ будто бы раненыхъ, такъ какъ разставленные позади пикеты насъ, безоружныхъ, съ поля сраженія не пропустятъ; на тотъ же случай, если начальство спроситъ насъ дома: гдѣ мы пропадали, мы должны отвѣчать, что вышли изъ крѣпости, не зная пароля, почему обратно насъ не впустили, а отвели насъ на устье рѣки, гдѣ мы и ночевали. Все это Григорьевъ обѣщалъ удостовѣрить запискою, якобы по приказанію Бурчевскаго, а его, какъ встанетъ,—склонить на поддержку насъ. За неимѣніемъ лучшаго, мы съ благодарностью приняли этотъ совѣтъ, дождались, пока уложили раненыхъ въ простыя телѣги, и получивъ отъ Григорьева обѣщанную записку, пустились въ дорогу съ ранеными. Мы благополучно проѣхали до крѣпости и пробрались домой. Тамъ всѣ еще спали: было 6 часовъ утра. Мы тоже легли, но отъ грозившаго намъ наказанія уснуть не могли. Проснувшіеся товарищи сказали намъ, что начальство

насть не спрашивало: оно къ писарямъ и не показывалось. Мы успокоились. На разспросы же товарищей и старшихъ писарей о томъ, гдѣ мы были, мы отзывались: въ ратническихъ и инженерныхъ казармахъ, у знакомыхъ. Сочиненный намъ Григорьевымъ рассказъ казался намъ нелѣпостью, которой едва ли бы кто повѣрилъ, а признаваться—мы опасались, чтобы о нашемъ поступкѣ не дошло до начальства.

И офицеры, и нижніе чины одинаково спѣшили въ госпиталь убѣдиться, по числу раненыхъ и ихъ рассказамъ, велика ли имъ самимъ предстоитъ опасность? Опасеніе представлялось совершенно естественнымъ: крѣпость по прежнему была заперта, войска стояли на улицахъ; отъ отдаленной пальбы въ ратушѣ разбились стекла, а порохъ оказался въ погребѣ подмоченнымъ, такъ что защищаться было нечѣмъ... Въ полдень получено извѣстіе, что корабли опять подступили, и потребованы подкрѣпленія съ боевыми снарядами. Пескуда собирали и отправляли человѣческую и вещевую силу для отраженія вражескаго нашествія,—до крѣпости снова доносился гулъ выстрѣловъ; отъ сотрясенія воздуха нѣсколько часовъ сряду дрожали стѣны казармъ. На всѣхъ напало уныніе, солдаты опять заговорили объ измѣнѣ... Наконецъ, прислали утѣшительный рапортъ, что непріятель ушелъ. Гора со всѣхъ плечъ свалилась, и мы повеселѣли... Высшее начальство гурьбою съѣздило на мѣсто сраженія, убѣдилось, что все обстоитъ благополучно, растворили ворота, солдатъ перевели съ крѣпостныхъ бастіоновъ и улицъ въ казармы, а убитыхъ похоронили съ воинскими почестями. Въ заключеніе всего, послали въ Петербургъ донесеніе о геройской защитѣ, о храбрости и мужествѣ нашего войска, о самоотверженіи и заслугахъ начальства... О томъ, повѣрятъ ли блистательнымъ донесеніямъ, спорили и толковали двѣ недѣли. Вдругъ прислали свыше: крѣпостному начальству — благодарность; командовавшему на устьѣ Бурчевскому — слѣдующій чинъ; артиллерійскимъ офицерамъ разные ордена; для болѣе отличившихся солдатъ 15 георгіевскихъ крестовъ, а на остальныхъ нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ сраженіи,—по рублю; но рублей этихъ оказалось настолько больше числа участвовавшихъ солдатъ, что и всѣмъ, занимавшимся въ канцеляріяхъ дали: унтеръ-офицерамъ—по 2 р., а рядовымъ по рублю, въ награду за отличіе въ сраженіи, котораго, кромѣ меня и Солыбанова, никто и не видалъ. Изъ солдатскихъ крестовъ первый навѣсили, по настоянію Бурчевскаго, писарю Григорьеву, а гренадеру, въ сущности спасшему пѣхоту отъ предстоявшей ей гибели, дали только 5 р. Это несправедливое распредѣленіе наградъ

огорчило солдатъ. Сраженій больше не было, хотя непріятеля и ждали до тѣхъ поръ, покамѣстъ все взморье покрылось льдомъ.

Х.

Начались трескучіе морозы и снѣжныя мятели, и мы, формальные побѣдители, въ неизмѣнной нашей солдатской одеждѣ и обуви, направились на зимнія квартиры, опять въ Боровичи. Чтобы согрѣться, мы норовили бѣжать, но ноги—то вязли въ снѣжныхъ сугробахъ, то скользили по гололедицѣ, и мы падали... Мы брались, человѣкъ по 10, за руки и, точно на приступѣ, плотными стѣнами, волокли другъ друга и охраняли бока отъ стужи. Снѣгъ залѣплялъ намъ лицо, хлесталъ по глазамъ, а мы напрягали всѣ силы, чтобы не свалиться среди пустынной дороги, брели дальше,—брели, мечтая, какъ о недостижимомъ блаженствѣ, о ночлегѣ въ деревенской закоптѣлой банѣ, въ ветхой курной избѣ, вмѣстѣ съ телятами, поросятами и собаками; скажу больше — мы рады были сосѣдству этихъ животныхъ: они увеличивали теплоту. А добравшись чуть живыми до такой бани или избы, самоуправно накаливали печь, сгоняли съ нея старухъ, дѣтей, раскладывали сушить свою аммуницію, испускавшую прѣлый паръ, приносили поочередно съ поля казенную бурду, полусгнившіе сухари и водку, пили-ѣли, натаскивали солому и засыпали на ней богатырскимъ сномъ...

Утромъ мы облакались въ свою аммуницію и — опять въ походъ, до обѣда на привалѣ. Среди поля висѣли на подпоркахъ котлы, и подъ ними пылалъ огонь. Изъ нихъ разливали горячую бурду въ чашки, которыя ставились на снѣжные сугробы; къ нимъ подходили по 2—3 человѣка, черпали ложками эту бурду и отходили, чтобы дать мѣсто другимъ продѣлать то же самое. Но едва отодвигались на нѣсколько шаговъ отъ чашки,—глядь: бурда въ ложкѣ ужъ замерзла, а голая рука окоченѣла!.. Мы имѣли, правда, варежки, но онѣ были съ однимъ только пальцемъ, такъ что дѣйствовать руками было невозможно; ну, и снимали ихъ и морозили руки... Бьешься, бывало, бьешься, да такъ впроголодь и отпавишься дальше... Горючія слезы, проклятія и отчаянный, глухой ропотъ на судьбу вызывали въ насъ эти обѣды и ночлеги!.. На протяженіи одной станціи, изъ всѣхъ канцелярскихъ остались цѣлы только трое; остальные же отморозили себѣ — кто носъ, кто щоки, кто руки, а кто и весь окоченѣлъ. Мы ввалились гурьбою въ городъ Г., въ трактиръ, и тамъ, къ

счастью, неожиданно нашли казначея. Онъ заказалъ на всѣхъ насъ обѣдъ и чай съ ромомъ, и, кромѣ того, далъ нашимъ старшимъ денегъ на проѣздъ въ третьемъ классѣ по желѣзной дорогѣ до Петербурга, куда и уѣхалъ впередъ. Часа два сряду опускали мы руки и ноги въ кипятокъ, растирали себѣ уши и лица спиртомъ, бадягой, чтобы оживить свои замерзшіе члены... Начальство желѣзной дороги, за оплаченные билеты 3-го класса, позволило намъ помѣститься, въ видѣ милости, въ товарномъ вагонѣ, набитомъ сѣномъ. Мы зарылись въ это сѣно, согрѣлись и благополучно прибыли въ столицу. Объ этомъ облегченіи нашей участи провѣдалъ Безшабашневъ и доложилъ въ превратномъ видѣ Демарну, а тотъ напустился на Мифорова.

— Я ничьего своевольства не терплю,—рѣзко говорилъ онъ.— Приказано было идти пѣшкомъ и пусть бы шли.

— Они чуть не замерзли, и я изъ челоуѣколюбія не могъ этого допустить, — оправдывался Мифоровъ. — Я вѣдь на свой счетъ ихъ переправилъ сюда.

— Никакого мирволенія я не допускаю. Еслибы и замерзли — не ваше дѣло: безъ васъ бы отвѣтили.

— Я—ближайшій ихъ начальникъ и считаю себя обязаннымъ пешихъ объ ихъ здоровьѣ...

— Я васъ подъ судъ отдамъ за нарушеніе служебныхъ порядковъ; тогда и узнаете, какъ пешихъ — передразнилъ онъ и ушелъ.

Тѣмъ не менѣе, по просьбѣ Мифорова, насъ опять провезли по желѣзной дорогѣ, въ лошадиныхъ вагонахъ, до послѣдней станціи, а оттуда мы въ двое сутокъ уже добѣжали до Боровичей.

По прибытіи въ Боровичи, всѣмъ нижнимъ чинамъ объявили, что если они заболѣютъ сифилисомъ, то унтеръ-офицеровъ разжалуютъ, а рядовымъ отсчитаютъ по сотнѣ «горячихъ», для излѣченія недуга. Кромѣ того, ротамъ и командамъ приказали производить, дважды въ недѣлю, «тѣлесный смотръ». Насъ размѣстили по квартирамъ. Хозяева, помня прошлагодній переполохъ, встрѣтили насъ такъ враждебно, что одни совершенно отказывали намъ въ продовольствіи; другіе требовали отъ насъ впередъ паекъ и къ испеченному изъ нашей муки хлѣбу прибавляли только пустыя щи; третьи отводили намъ особыя канурки, отдѣляли посуду и ни въ чемъ съ нами не якшались. Мало того: женщины укоряли насъ за хулу, про нихъ пущенную. На знакомыя «посѣдки», на которыхъ молодежь по прежнему веселилась, насъ уже не пускали. И по неволѣ мы, какъ зачумленные, уединялись и скучно, тоскливо коротали долгіе зимніе вечера.

Однажды, въ полдень, собрались мы обѣдать. Вдругъ зазвонили въ церковныя колокола. Обыватели забѣгами по улицамъ; полицейскіе приказывали запираť лавки, трактиры, кабаки и идти въ церковь.

— Зачѣмъ въ церковь-то въ будни? спрашивали торговцы. Мы торговать хотимъ.

— Важнѣйшее событіе случилось: государь Николай Павловичъ скончался! отвѣтилъ полицейскій стражъ.

— За этакія рѣчи, ребята, ему башку надо свернуть,—подстрекалъ торговцевъ толстопузый купецъ. — Ишь наклюкался до чего, прохвость! Народъ смущаетъ.

— Луни его, луни, и отвѣчать за это не будемъ: про царя вретъ, подхватилъ другой.—Держи его!..

Нѣсколько дюжихъ парней кинулись на полицейскаго и стали его бить; онъ давалъ сдачи и тщетно сился вырваться отъ нападавшихъ. Опасаясь попасть въ исторію, я прошелъ мимо.

— Запираться, и въ церковь, въ церковь,—командовалъ другой полицейскій, возлѣ трактира. Присягать идите, шельмецы эдакіе.

— Ком-му? хранцузу, что ли? Аль къ намъ подступилъ ужъ? дознавался трактирщикъ. Ни въ жисть!.. Мы, потомки Марѣи-Посадницы, стоимъ за себя...

— Манифестъ вычитаютъ въ церкви, и узнаете, въ чемъ дѣло.

— Ну, нѣтъ: поколь въ церкви будемъ, басурманъ все разграбить. Эй, ребята! бери топоры, колья, становись въ воротахъ, и умремъ, а не сдадимся въ полонъ...

И, немного погодя, трактирщикъ, а около него человѣкъ 15 стояли въ воротахъ, вооруженные чѣмъ попало, на защиту отъ французовъ... Я направился въ церковь, куда уже стекались дворяне, чиновники и офицеры. Церковь не вмѣщала въ себѣ и половины желавшихъ пробраться въ нее. Народъ сплотился въ оградѣ и гудѣлъ, но никто не зналъ о чемъ: слуху о кончинѣ государя никто не вѣрилъ. На паперти показался хромоногій, дряхлый городничій и, словами и жестами, приказалъ толпѣ смолкнуть и снять «шапки долой». Толпа повиновалась. Тогда онъ объявилъ о кончинѣ государя и о вступленіи на престолъ наслѣдника цесаревича.

— Хоша это и городничій говоритъ, а и ему въ эдакомъ дѣлѣ вѣрить не слѣдъ, — крикнулъ кто-то въ толпѣ. — Вретъ, вретъ,—подхватили сотни голосовъ.—Эдакій старый хрычъ!.. Мы, потомки Марѣи...

Городничій смутился, покраснѣлъ и удалился въ церковь.

— Французы и Москву вонъ взяли отъ измѣны полиціи; можеть, и нашу подкупили таперича, чтобы полонить насъ въ смутѣ,—подхватилъ другой.

— По домамъ, ребята. защищать свои пожитки отъ французовъ! крикнулъ третій.

Толпа ринулась въ церковной оградѣ, но опѣшила: ворота оказались запертыми. Двинули было ихъ, но они не подались. Толпа разинула рты и вздрогнула отъ бессмысленнаго предположенія о начавшейся уже измѣнѣ. На паперти появился священникъ въ облаченіи. Настала тишина. Онъ прочелъ манифестъ. Толпа переглянулась, заколыхалась и сразу увѣровала въ то, за что нѣсколько минутъ назадъ готова была «разнести» даже городничаго. Отперли ворота, народъ повалилъ въ разныя стороны. Я прислушивался къ говору разныхъ группъ, — и до меня долетѣли разные толки. Одни говорили, что Россію совсѣмъ завоюють, «обратятъ въ басурманщину»; другіе, — что у насъ рать-сила великая и Россія сама завоюеть французовъ, поколь зима еще стоитъ крѣпкая, а третьи, — что теперь мировая устроится, потому новому царю не обидно мириться: не онъ началъ войну.

Въ тотъ же день, находившіяся въ городѣ войска присягнули на площади, а на другой—всѣ успокоились и по прежнему занялись своимъ дѣломъ. Затѣмъ пришли извѣстія: сперва—о перемиріи, потомъ — о мирѣ; наконецъ — о возвращеніи полка во свояси, въ Н. Последнее вызвало оживленный говоръ среди служащихъ и обывателей.

— Домой, домой! восклицали батальонные и ротные командиры, потирая руки отъ удовольствія.—Довольно помытарились.

— Зато и доходы уменьшатся: ни водки, ни подводъ на солдаты въ Н. вѣдь отпускаться не будетъ, — напоминали субалтернъ-офицеры. — Намъ, дѣйствительно, выгоднѣе дома, а не господамъ командирамъ.

— Дождетесь другой войны, сдѣлаетесь командирами, и тогда сами маху не дадите,—предрекали молодежи старые офицеры.—Мы нажали кое-что про черный день, и ладно. Пора отдохнуть.

— Въ походахъ и холодно, и голодно, и усталъ одолеваетъ,—все это правда,—говорили солдаты,—зато насъ не бьютъ, да и муштрують на половину меньше супротивъ того, какъ бывало въ Н.; вотъ и разсудите, братцы, гдѣ вольготнѣй?

— Извѣстно, въ походѣ шкура цѣла, да и на душѣ легче.

— Ну, слава Богу, избавились наконецъ отъ постояльцевъ,—

радовались обыватели. — Стѣснили, объѣли, да и обокрали они насъ вдоволь. Уйдутъ—и успокоимся.

Съ самыми разнородными чувствами выступали мы въ послѣдній походъ; но чѣмъ ближе подходили къ Н.,—тѣмъ чаще приходилось мнѣ слышать сожалѣніе солдатъ о скоромъ наступленіи забытой было тяжелой казарменной жизни, которая представлялась имъ страшною, въ сравненіи съ бивачной разнообразной жизнью.

Пространствовавъ болѣе двухъ лѣтъ, мы наконецъ возвратились въ Н. съ музыкою же и пѣснями; но въ пѣсняхъ солдаты прощались съ тою долею свободы, которою пользовались и которой имъ предстояло лишиться, съ переходомъ за порогъ казармъ. Полку дали десятидневный отдыхъ на посѣщеніе родныхъ и знакомыхъ. Солдаты, группами и по одиночкѣ, слонялись по улицамъ, въ страхѣ предъ возвращеніемъ ненавистнаго прошедшаго.

Все видѣнное и пережитое въ походѣ — вселило и въ меня равнодушіе ко всему Н.—скому, не смотря на то, что крестный и его жена встрѣтили меня очень радушно. Изъ моихъ отвѣтовъ они заключили, что я значительно развился и сталъ разговорчивѣе прежняго, тогда какъ я чувствовалъ себя еще болѣе отчужденнымъ отъ нихъ. Разъ къ нимъ явился бывшій дружинный офицеръ Нитинъ ¹⁾ и мы вчетверомъ сѣли обѣдать. Нитинъ самъ довольно рассказывалъ, какъ во время похода ихъ дружины въ Кіевъ и обратно начальники наживались насчетъ ратниковъ и какъ самъ онъ, въ должности казначея дружины, тоже не клалъ охулки на руку. Слушая все это,—я вспомнилъ наши невзгоды отъ той же алчности и безчувственности начальства, и постепенно озлоблялся.

— Ну, а ты, Петя, что нажилъ за время похода?—ласково спросила меня жена крестнаго, когда Нитинъ замолчалъ.

— Ломоту въ ногахъ да ненависть къ казнобрадамъ,—отчетливо отозвался я и покраснѣлъ.

— Ка-акъ? что такое? ты про казнокрадовъ говоришь?—съ изумленіемъ переспросилъ крестный.

— Ничего-съ... Я нажилъ, говорю, ломоту въ ногахъ отъ частой простуды, да ненависть ко всему начальству, кромѣ казначея и квартирмейстера,—храбро пояснилъ я.—Только они жалѣли насъ, помогали намъ, а всѣ остальные обирали и обижали

1) Онъ былъ изъ кантовистовъ нашего же баталіона, служилъ въ Петербургѣ писаремъ, получилъ чинъ и поналъ, по протекціи, въ офицеры Н.—ской дружины.

всѣхъ нижнихъ чиновъ,—хуже еще, чѣмъ они вотъ рассказывали.—Я кивнулъ головой на Нитина.—За все это мы ихъ и возненавидѣли.

Мои собесѣдники вопросительно переглянулись между собою и посмотрѣли на меня, а я уткнулся глазами въ тарелку, чтобы скрыть свое волненіе.

— Я этого, признаться, и ожидала,—произнесла жена крестнаго. Наши бурбоны на все вѣдь способны.

— А я тебѣ, Петя, приказываю такихъ словъ нигдѣ больше не говорить: начальство услышитъ и накажетъ тебя, да и по дѣломъ; ни ненавидѣть, ни осуждать начальство—нельзя тебѣ, мальчику; начальство за свои хорошіе или худые поступки—отвѣтитъ предъ Богомъ и высшимъ начальствомъ. Къ тому же, есть святое правило каждаго христіанина: «не осуждай, да не осужденъ будешь».

— За то, что оно насъ тиранило, морило голодомъ, холодомъ—уважать?..—Голосъ у меня задрожалъ, оборвался, на глазахъ вернулись слезы.—Нѣтъ-съ, не мог-гу,—заклучилъ я и зарыдалъ.

— Терпѣніе есть добродѣтель и человѣкъ вознаграждается по заслугамъ,—внушалъ мнѣ крестный.—Вотъ ты что помни.

Разговоръ обо мнѣ замаялся, но я рѣшился больше не открывничать. Урокъ этотъ заставилъ меня вспомнить Анну Михайловну: она всегда мнѣ соболѣзновала и внимательно выслушивала мои жалобы. Я и полагалъ, что еслибъ ей рассказать, какъ мы мучились въ походахъ, она бы стала питать такую же ненависть къ начальству. Воспоминанія о ней сильно освѣжились у меня въ памяти. Я перебивалъ въ домѣ, гдѣ она квартировала, у нѣсколькихъ бывшихъ ея подругъ и, наконецъ, съ радостью дознался, что она—въ дѣвичьемъ монастырѣ. Я отправился туда, протолкался во время обѣдни къ клиросу и узналъ ее между монахинями. Сердце во мнѣ учащенно забилося. Лицо ея значительно поблѣднѣло, похудѣло, но казалось мнѣ по прежнему привлекательнымъ и милымъ, а черное платье такъ шло къ ея лицу. Она спокойно молилась. Кончилась обѣдня и монахини, рядами, вышли изъ церкви. Я подбѣжалъ къ Аннѣ Михайловнѣ и дернулъ ее за рясу. Она остановилась, взглянула на меня и вспыхнула.

— Ахъ! это ты, вскрикнула она.—Здоровъ ли? какъ поживаешь?..—уже вполголоса промолвила она.—Не ждала, чтобы...

— Я насилу васъ отыскалъ... мнѣ ужасно хотѣлось видѣться съ вами послѣ долгаго скитальчества... Какъ я радъ, вѣрите ли...

— Спасибо, дружокъ, спасибо за память обо мнѣ. Дурно только то, что свиданіемъ съ тобою нарушается мой покой...

— Я пойду за вами. Гдѣ вы живете?

— Въ кельѣ, но туда я тебя пустить не могу: ты ужь вонь какой выросъ большой... Пойдемъ въ нашу трапезную: тамъ бывають у насъ свиданія съ посторонними.

— Что же вы подѣ карауломъ, что ли, живете?

— Да, даже подѣ строгимъ карауломъ...

— Значить, васъ сюда силой запрятали?

— Нѣтъ, я добровольно поступила послушницею, но монастырскія правила строги, и я должна имъ подчиняться.

Мы пришли въ столовую, и я началъ рассказывать ей о походѣ. Въ разныхъ углахъ огромной комнаты, дѣйствительно, разговаривали съ монахинями человѣкъ 15 мужчинъ и женщинъ. Монахини были и старыя, и пожилыя, и молодыя; нѣкоторые изъ послѣднихъ умильно посматривали въ нашу сторону, даже подмигивали мнѣ. Я сообщилъ это Аннѣ Михайловнѣ.

— Имъ шалости извинительны: ихъ родители—купцы, силою, въ жертву принесли ихъ сюда еще малолѣтними,—отвѣтила Анна Михайловна.—Купцы даютъ иногда обѣтъ, что если Богъ поможетъ имъ разбогатѣть, положимъ въ десять лѣтъ,—тогда они одну изъ дочерей пошлютъ въ монастырь на служеніе Богу; потомъ, когда ихъ желаніе сбудется, они и обѣтъ свой исполняютъ. Дѣвочки здѣсь и вырастають, а ихъ родители ежегодно вносятъ въ монастырскую кассу значительныя денежныя лепты, ну, ихъ дочерей не очень и стѣсняютъ.

— Ты что за молодецъ?—вдругъ спросила меня приблизившаяся къ намъ настоятельница, толстая, старая монахиня, предъ которою всѣ вытягивались въ струнку.

— Я съ войны вернулся, ваше высокопреподобіе, и пришелъ ее навѣстить... Я почтительно поклонился и поцѣловалъ ей руку.

— Кто онъ тебѣ приходится?

— Братъ,—отозвалась Анна Михайловна, слегка покраснѣвъ.

— Это хорошо, очень хорошо, что съ войны и сестру не забываешь.

— Сдѣлайте милость, ваше высокопреподобіе, позвольте мнѣ ходить къ сестрѣ въ келью, чтобы на меня не косились со всѣхъ сторонъ,—продолжалъ я, уже бойко.—А то тутъ очень неловко...

— Пусть, пусть ходитъ въ келью, только наблюдай, смотри за нимъ, чтобы...

— Очень вамъ благодаренъ за ваше разрѣшеніе.—Я вторично поцѣловалъ руку у старухи.

— Ты и въ сраженіяхъ участвовалъ?

— Да-съ, при мнѣ и убивали, и ранили нашихъ.

— Это очень... очень интересно. Приведи его ко мнѣ. Ты, дружокъ, расскажешь, какъ воевали?

— Съ удовольствіемъ, ваше высокопреподобіе.

Настоятельница отправилаcь восояси, а мы—въ отдаленіи отъ нея. Дорогою Анна Михайловна шепнула мнѣ, чтобъ у настоятельницы я говорилъ ей «ты» и велъ себя развязнѣе, чтобы всѣ повѣрили, что я ея братъ.

Келья настоятельницы состояла изъ нѣсколькихъ прекрасно обставленныхъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ, на столѣ кипѣлъ самоваръ, а на тарелкахъ лежали: балыкъ, семга, икра, бѣлый и черный хлѣбъ. Вокругъ стола размѣстились три старыя и три молодыя монахини,—въ числѣ ихъ Анна Михайловна,—да я. Всѣ принялись пить чай и закусывать, а я началъ рассказывать все, что зналъ про войну, Москву и Петербургъ. Мои слушательницы многому дивились, ахали, крестились и оставались довольны моимъ рассказомъ, моей почтительностью къ нимъ; при этомъ находили меня очень похожимъ на сестру. Спустя часъ, Анна Михайловна и я благополучно выбрались отъ настоятельницы и вернулись въ ея келью. Это была свѣтлая, чистенькая комната о двухъ окнахъ. Въ ней стояли: застланная кровать, два комода, платяной шкафъ, столики, нѣсколько плетеныхъ стульевъ, диванъ; окна украшались бѣлыми кисейными занавѣсками и цвѣтами.

— Вотъ мое, Петя, отшельническое жилище, — дрожащимъ голосомъ произнесла Анна Михайловна, когда мы осмотрѣлись и сѣли.—Чтобъ не мѣшали разговору, запри, пожалуйста, дверь на задвижку: у меня ноги устали и подниматься лѣнь.

— Тутъ хорошо, право хорошо, — сказалъ я на ходу къ двери;—уютно, привѣтливо, солнышко играетъ; но это тихое пристанище годится, думаю, только послѣ веселой жизни на волѣ, въ старости. Смолоду же скрыться въ монастырь — очень, говорить, тяжело... Правда ли?

Она ничего не отвѣтила. Я взглянулъ на нее и увидалъ слезы на ея глазахъ. Вдругъ она встала, отскочила отъ меня и громко заплакала. Я опѣшилъ.

— Что съ тобою, Анюта, освѣдомился я. О чемъ ты, голу-бушка, плачешь?

— Не понимаешь,—эхъ ты, дитя, дитя!..—укоризненно произнесла она.—Я плачу о прошломъ, настоящемъ и будущемъ; о своей судьбѣ, о немощи, слабости... Я здѣсь, вотъ уже около двухъ лѣтъ, не постриженная, замаливала старые грѣхи, а теперь вдругъ снова грѣшу... Я назвала тебя ложно братомъ... Я какъ

и другія, постоянно думаю о мірскомъ, о томъ, о чемъ думать мнѣ не слѣдуетъ...

Она упала на кровать, уткнула голову въ подушки и зарыдала... Я подошелъ къ ней и—какъ могъ—утѣшалъ, умолялъ ее успокоиться, а самъ такъ расчувствовался, что даже заплакалъ.

Вдругъ раздался стукъ въ дверь. Она крикнула мнѣ: «отопри». Я повиновался. Вошла пожилая монахиня, перекрестилась и вперила въ меня подозрительный взоръ. Я смутился.

— Это мой братъ,—быстро рекомендовала меня мнимая сестра.

— Братъ?.. гм... съ ехидствомъ повторила монахиня. Отчего же ты, матушка, такъ разстроена, коли радость тебя посѣтила?

— Отъ неожиданнаго свиданія съ нимъ: мы больше двухъ лѣтъ не видались, вспомнили былое и расчувствовались,—торопливо говорила Анна Михайловна.—Его рассказы про войну, гдѣ лилась христіанская кровь, ужасно меня растревожили.

Слѣдомъ за первою, въ келью начали набираться другія старыя, пожилыя и молоденькія монахини, забросавшія меня вопросами.

— Однако, тебѣ пора,—прервала Анна Михайловна своихъ сожительницъ, чтобы избавиться отъ ихъ докучливыхъ толковъ.

— Да, пора. Прощай, сестрица, и вы, матушки, тоже прощайте.

Она пошла со мною, разсерженная, всѣми недовольная.

— Ты, Петя, пожалуйста, больше не ходи ко мнѣ,—произнесла она рѣшительно близъ монастырскихъ выходныхъ воротъ.—И тебѣ, и мнѣ легче будетъ... И подъ черными рясами сердца бьются также, какъ подъ свѣтлыми платьями. Я хотѣла найти въ монастырѣ успокоеніе, забвеніе, да ошиблась: монастырская досужая жизнь еще хуже терзаетъ меня...

— Меньше думай, и легче станетъ.

— Не могу я, голубчикъ, не думать... Моя утѣха—сыночекъ умеръ, тетка отъ пожара осталась пищею... Не слых-халъ ли... гдѣ... гдѣ онъ?—Она вспыхнула, поблѣднѣла и быстро отвернулась, чтобы скрыть свое волненіе.

Я догадался, что «онъ»—это Алексѣевъ.

— Вѣрно убить, либо въ плѣну, не то и...

— Поразспроси-ка... можетъ, кто и знаетъ... сообщи мнѣ... а покамѣстъ вотъ тебѣ на нужду. Она крѣпко пожала мнѣ руку и, оставивъ въ ней трехрублевую ассигнацію, торопливо пошла назадъ.

Я посѣтилъ ее еще нѣсколько разъ, но въ кельѣ, наединѣ,

ни разу уже не оставался съ нею: ея сожительница какъ бы караулила насъ. Объ Алексѣевѣ я и не думалъ справляться. Тѣмъ не менѣе, онъ вдругъ свалился, какъ снѣгъ на голову.

Однажды, въ воскресное утро, въ канцелярію вошелъ въ полной формѣ истомленный, пожилой майоръ съ тремя крестами и двумя медалями на груди, съ костылемъ въ одной рукѣ и съ повязкою на другой. Всмотрѣвшись въ майора, — всѣ ахнули: это былъ Алексѣевъ. Его закидали вопросами, а изъ его отвѣтовъ узнали, что онъ, по отъѣздѣ изъ Н., поступилъ въ дивизію, которою командовалъ генераль Соймоновъ, нѣкогда нашъ бригадный командиръ, лично знавшій Алексѣева еще унтеръ-офицеромъ. Когда началась война, Соймоновъ взялъ его въ себѣ въ ординарцы и онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, былъ раненъ въ ногу, контуженъ въ руку, получилъ за отличіе четыре чина, ордена и пенсію за рану. Назначенный городничимъ въ г. Чебаръ, онъ пробирался туда. Уходя изъ канцеляріи, онъ вызвалъ меня въ коридоръ.

— Не знаешь ли, Петя, гдѣ Анюта? — дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ меня. — Я не могу отыскать ея...

— Здѣсь, въ дѣвичьемъ монастырѣ, въ числѣ послушницъ, брякнулъ я, — не обдумавъ, какой дать ему отвѣтъ.

— Неуж-жели? — Онъ побагровѣлъ, глаза его заискрились, онъ весь затрясся и продолжалъ: — Будь другомъ — съѣзди со мной туда... Я въ каретѣ... бери скорѣй шапку: мнѣ всякая минута дорога... Господи! какъ все это странно... Пожалуйста, скорѣй; награжу, право, награжу...

Не знаю, жалость ли къ Алексѣеву, или ребяческая увѣренность, что она его вторично «отдѣляетъ», — побудили меня исполнить его желаніе. Дорогою онъ обдергивался, вертѣлся, подгонялъ кучера и что-то бормоталъ. Мы направились, по его желанію, къ настоятельницѣ и застали у нея всегдашнихъ ея соотрапезницъ.

— Здравствуйте, матушка - игуменья, смѣло началъ Алексѣевъ. — Извините, что я васъ обезпокоилъ своимъ посѣщеніемъ: Я къ вамъ по важному и безотлагательному дѣлу.

— Я очень рада видѣть у себя такого заслуженнаго воина и быть вамъ полезно, чѣмъ могу. Садитесь, пожалуйста.

— Я человѣкъ военный и откровенно покаюсь вамъ при всѣхъ... Около четырехъ лѣтъ тому назадъ, я вышелъ изъ здѣшняго учебнаго полка въ офицеры, бросилъ въ городѣ на произволъ судьбы свою невѣсту, уѣхалъ въ армію и не имѣлъ объ ней никакихъ свѣдѣній; она же съ годъ, — какъ слышалъ я, — поступила въ вашъ монастырь... Теперь я пріѣхалъ повѣнчаться

съ ней и увести ее въ мѣсто моего новаго служенія. Если она заупрямится, — пособите мнѣ уговорить ее, во вниманіе къ моему... ну, хоть бы калѣчеству...

Монахини переглянулись, пошептались между собой, а игуменья перевела глаза на меня.

— Это твоя сестра? — предугадывала она.

— Да, она была ему лучше матери, — подхватила Алексѣевъ: — онъ, хоть и мальчикъ, помнилъ и цѣнилъ ея доброту, а вотъ я, возмужалый человѣкъ, пренебрегъ ею, забылъ на время, что безъ нея и жизнь мнѣ не мила...

— Сейчасъ пошлю за нею, а вамъ не угодно ли покуда чашку чаю выкушать съ нами?

— Благодарю васъ за честь: до рѣшенія моей участи, я ни пить, ни ѣсть не могу... Она вѣдь не пострижена еще въ монахини?

— Нѣтъ, моложе 40 лѣтъ не постригаютъ.

— Отличное это правило — мнѣ на руку. Въ вашей церкви можно вѣнчаться?

— О, несомнѣнно, а вы сдѣлаете намъ честь совершить здѣсь таинство брака.

— Въ такомъ случаѣ, соблаговолите распорядиться часа чрезъ два-три, ежели сладимся съ неврѣстой... А чтобы не обезкуражиться, не позволите ли вотъ имъ, матушкамъ, удалиться...

— Н-да, вы правы... Оставьте насъ, сестрицы: дѣло предстоить важное...

Монахини повиновались приказанію настоятельницы.

Дверь распахнулась и — блѣдная, какъ полотно, вошла Анна Михайловна, подняла голову, увидала Алексѣева и, пошатнувшись, съ крикомъ упала на диванъ. Мы всѣ трое занялись приведеніемъ ее въ чувство водой и спиртомъ. Она обвела глазами вокругъ и начала подниматься.

— Анюта, голубушка, дорогая моя — прости меня, Христа ради, прости! — взмолился Алексѣевъ. — Я тебя обидѣлъ, жестоко обидѣлъ, но за это и наказанъ: я калѣка! Прости же... Богъ свидѣтель, я заглажу свою вину. Я безъ тебя дольше жить не могу... Ей богу... Я скакалъ, искалъ тебя...

— Судьбы божіи неисповѣдимы, — вмѣшалась игуменья, взволнованнымъ голосомъ. — Онъ не щадилъ живота своего на полѣ брани, пролилъ свою кровь за вѣру Христову и вполне достоинъ твоего прощенія. Люди способны заблуждаться, а такое искреннее раскаяніе — даръ небесъ. За облегченіе его физи-

ческой немощи и утѣшеніе его души — Богъ вознаградить тебя возможнымъ на землѣ счастьемъ. Благословляю... Ну же!..

— Прощаю, прощаю, милый, несчастный Гриша!—явственно прозвучали въ моихъ ушахъ слова Анны Михайловны.—Какъ ты похудѣлъ, измѣнился...

Они обнялись, прижались другъ къ другу и заворковали... Она расспрашивала его, за какія сраженія, что именно получилъ онъ, шаловливо перебирала пальцами его ордена и нити густыхъ эполетъ, нѣжно гладила его по головѣ, пожирала глазами, улыбками... Спустя нѣкоторое время, женихъ съ невѣстою пригласили меня ѣхать съ ними. Мы отправились въ магазинъ дамскихъ нарядовъ, и, покуда она выбирала себѣ платье и переселась, — онъ сѣзидилъ въ гостинницу, гдѣ остановился, за паспортомъ и деньгами. Черезъ часъ Анна Михайловна вошла подъ руку со мной въ церковь (я былъ ея шаферомъ) красивою, интересною невѣстою. Ихъ обвѣнчали. Алексѣевъ пожертвовалъ на церковь 200 р. Мы распрощались съ монахинями и покатили въ гостинницу. Тамъ мы чокнулись раза три шампанскимъ, и, хоть я охмѣлѣлъ, но на сердцѣ у меня кошки скребли... За обѣдомъ я ни до чего почти не дотрогивался: точно колъ торчалъ у меня въ горлѣ... Молодые уже не обращали на меня никакого вниманія, а ласкались другъ къ другу.

Грузные, посоловѣлые встали они изъ за стола. Половой доложилъ, что тройка готова.

— Теперь въ дорогу, маршъ!—молвилъ онъ.

— Ыдемъ, ѣдемъ, Гриша.

Ненаглядный ты мой,
Какъ люблю я тебя!
Взоръ плѣнительный твой
Сожигаетъ меня!

запѣла она вполголоса, прыгая по комнатѣ и швыряя вещи въ чемоданы.

— Эта станція небольшая, живо пролетимъ, а тамъ и заночуемъ у знакомыхъ,—предупредилъ онъ ее.

— И чудесно. Ахъ, какой ты добрый, хорошій!—лепетала она, вѣшаясь ему на шею.

— Пожалуйста: все уложено и увязано, — отапортовалъ половой.

— Спасибо, спасибо. Идемъ, Гриша. Ахъ, да! Прощай Петя, прощай, будь счастливъ! машинально произнесла она, въ прыжку спустилась внизъ по лѣстницѣ и проворно вскочила въ тарантасъ.

— Желаю тебѣ, Петя, всего хорошаго, — сказалъ мнѣ и онъ, — оглядѣвъ, не осталось ли чего въ комнатѣ. — Вотъ тебѣ на гостинцы.

— Благодарю васъ: не надо, не возьму, — злобно сказалъ я, почувствовавъ боль въ сердцѣ отъ ревности къ нему.

Пятирублевая бумажка полетѣла на полъ; онъ этого не замѣтилъ и вышелъ. Я тоже. Ямщикъ взмахнулъ возжами, и ихъ слѣды простыли...

Медленно, съ опустѣлымъ сердцемъ, поплелся я домой, по нуря голову, и лишь передъ входомъ въ комнаты, гдѣ жили писаря, очнулся, даже вздрогнулъ.

— Ур-р-ра! прозвучало въ моихъ ушахъ. Пойте, пляшите, хоть на головахъ ходите, — кричали голоса изъ комнатъ. — Торжествуемъ, торжествуемъ, реб-бята!

Всѣ три комнаты были ярко освѣщены. Въ разныхъ мѣстахъ, писаря, унтеры, кантонисты играли на скрипкѣ, на гитарѣ и гармонѣ, пѣли, плясали, пили вино, обнимались и кричали. Я не могъ разобрать, что значило это небывалое ликование.

— Важное, чрезвычайно важное событіе случилось у насъ сегодня, — разъяснилъ мнѣ мой сосѣдъ по кровати. — Безшабашневъ кончилъ свое существованіе: его вытурили въ отставку.

Вѣсть эта и меня порадовала. Кутежъ протянулся до утра. Радости писарей по адъютантской части не было, кажется, предѣловъ. Они даже молебны служили за свое избавленіе отъ ненавистнаго Безшабашнева, который восемь лѣтъ сряду тиранилъ ихъ съ наслажденіемъ, свойственнымъ его кровожадной натурѣ. Радости этой искренно сочувствовали даже офицеры: Безшабашневъ и ихъ часто обижалъ ¹⁾. Адъютантомъ сдѣлалъ молодого офицера Мисюрова, человѣка добродушнаго, и всѣ вздохнули свободно, легко...

Не успѣлъ я очнуться хорошенько отъ послѣднихъ двухъ событий, особенно отъѣзда Анны Михайловны, какъ произошло третье, касавшееся уже одного меня. Департаментъ предписалъ безотлагательно отправить меня въ Петербургъ. Это — мой бывший товарищъ-однокашникъ, Моронковъ, оказалъ мнѣ протекцію, хотя и безъ моего вѣдома, но очень кстати: разочарованіе меня томило,

¹⁾ Впослѣдствіи, 17 лѣтъ спустя, лицо, называвшееся въ этихъ очеркахъ „Безшабашневымъ“, сдѣлалось мировымъ судьей, председателемъ земской управы и даже филантропомъ. Неоднократно этотъ новоявленный человѣколюбецъ печатно призывалъ къ пожертвованіямъ въ пользу крестьянъ, страдающихъ отъ разныхъ невгодъ.

грызло, а развлеченія никакого не было... Мнѣ опять пригнали новую обмундировку, снабдили подорожною до Москвы и кормовыми до Петербурга.

Я снова выслушалъ наставленіе крестнаго, какъ поступать въ дорогѣ, какъ вести себя и служить въ столицѣ, чтобы выйти скорѣе въ люди; получилъ отъ него благословеніе на добрыя поступки и десять рублей на расходы. Одинокимъ 18-лѣтнимъ юношею, отправился я въ путь съ самыми радужными мечтами о счастьѣ, ожидавшемъ меня въ невѣдомомъ будущемъ...

В. Никитинъ.

КОНЕЦЪ.
